

**К возрождению Православия в России:
Автор и читатель современных русских
житий святых (1988 – 2015)**

Диссертация (Inaugural-Dissertation) к получению докторской степени от факультета языка, литературы и культуры университета г. Регенсбург, Уляны Мауерере (Uljana Mauereere) из Риги, Латвия, г. Швандорф, Германия, 2016.

Регенсбург, 2016

Содержание

0. Введение	3
0.1. Степень изученности	3
0.2. Теория и методика	5
0.3. Вопросы и тезисы	8
1. Канонические древнерусские жития	11
1.1. История изучения древнерусских житий	11
1.2. Поэтика древнерусского жития	13
2. Современные жития	21
2.1. Особенности жанра и состояние изучения вопроса	21
2.2. Внутрижанровые разновидности современного жития	35
2.2.1. Проложные и пространные жития	40
2.2.2. Житие-летопись	42
2.2.3. Жизнеописание (житие, сказание)	46
2.2.4. Воспоминания	47
2.2.5. Псевдожития	49
2.2.6. Житие-автобиография	51
2.2.7. Сборники (синаксари, патерики и т. д.)	55
2.3. Типы современных житий по чину святости	59
2.3.1. Мученичества (маририи)	59
2.3.2. Жития Христа ради юродивых (блаженных)	77
2.3.3. Жития праведных	95
3. Поэтика современного жития: автор, читатель, нарратор и другое	129
3.1. Абстрактный читатель и абстрактный автор современного жития	129

3.2. Фиктивный читатель (наррататор) современного жития	148
3.3. Субъективность нарратора	151
3.4. Новая интертекстуальность (цитаты из публицистики)	151
3.5. Документальность и материальность: язык фактов	153
3.6. Устная и письменная формы современного жития	155
3.7. Православный социолект и советский язык	156
3.8. Новая стилистическая неоднородность	165
4. Функции современного жития	174
4.1. Внушающая/идеологическая функция (пропаганда)	174
4.2. Религиозная функция	174
4.3. Миссионерская функция	175
4.4. Познавательная, воспитательная и эстетическая функции	176
4.5. Развлекательная функция	184
5. Конкретные авторы современных житий	186
6. Церковь и литургически-теологическая релевантность (цензура и др.)	198
7. Конкретные реципиенты (взрослые и дети)	206
8. Автор и медийное существование	214
9. Культурные контексты современного жития	221
9.1. Чудо и оккультизм (язычество)	221
9.2. Соседство Интернета: роль новых СМИ	224
10. Заключение	227
Список использованной литературы	232
Список сокращений	263
Глоссарий	264
Использованные изображения	267
Zusammenfassung der Dissertation zum Thema:	274

0. Введение

0.1. Степень изученности

Возрождение Православия в России в последние десятилетия XX века оказало значительное влияние на все сферы общественной и культурной жизни. Особая роль в этом непростом процессе принадлежала религиозной литературе, в частности агиографии, древней и современной, особенно той житийной литературе, сюжеты которой были посвящены людям, сформировавшим духовную и историческую составляющую русской культуры. Русская православная церковь нового времени была основана на крови мучеников – людей, пострадавших за веру в годы революционных гонений. Отправной точкой возрождения православия можно считать 1988 год. В это время в Русской Православной Церкви (РПЦ) в связи с актом канонизации, приуроченным к 1000-летию юбилею Крещения Руси, появились первые современные святые, которым были посвящены новые жития. Начиная с конца 90-х годов, а в особенности после 2000-го происходит дальнейшее развитие и становление жанра. Современные жития святых РПЦ вызывают интерес у литературоведов, лингвистов, богословов, культурологов, историков, философов, педагогов, журналистов. Их исследование нашло отражение в докладах, прочитанных на многих научных конференциях, например, таких научных мероприятиях, как Международные Рождественские образовательные чтения, Москва; Международная научная конференция «Кирилл и Мефодий. Духовное наследие», Калининград; Международная научно-практическая конференция «Церковь и проблемы современной коммуникации», Нижний Новгород; Всероссийская научная конференция «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитинские чтения»), Великий Новгород; Международная конференция «Эстетика как религиозный фактор в восточном и западном христианстве», Сустерберг, Нидерланды).

Несмотря на столь широкий интерес, тема современной житийной литературы остается малоизученной с литературоведческой точки зрения. Данной теме посвящены работы М.М. Лоевской, Т.А. Ивановой, свящ.

О. Митрова, С. Панич, А.С. Ланцова, З.П. Иноземцевой, священник Александра Шантаева, священник Леонида Полетаева, М.Н. Казенновой, Л.Г. Дорофеевой и др.

Так, многие работы раскрывают вопросы становления жанра современной житийной литературы и его общих особенностей [Ланцов 2002; Дорофеева 2004; Митров 2004; Казеннова 2007]. Некоторые исследователи обращают особое внимание на так называемую псевдожитийную литературу, или апокрифическую литературу, которая получила широкое распространение в последнее время, но не признается Церковью в качестве авторитетного источника (дьяк. Андрей Кураев [Кураев 1998], священник Александр Шантаев [Шантаев 2004], М.М. Лоевская [Лоевская 2005а]). Есть исследования, посвященные изменению житийных традиций в старообрядческих житиях, например, кандидатская и докторская диссертации М.М. Лоевской [Лоевская 1999; 2005б] и более поздние ее работы: научные статьи [Лоевская 2005г] и учебное пособие [Лоевская 2009], а также докторская диссертация О.Н. Бахтиной [Бахтина 2000] и её же статьи [Бахтина 2001 и др.].

Кроме того, изучаются и некоторые частные аспекты современной житийной литературы: современные детские жития [Панич 2004], жития в свете идеала отечественного образования [Бобылев 2005], жития святых в современном православном книгоиздании [Жукова 2005], жития с исторической точки зрения [Иноземцева 2014], некоторые языковые особенности православного социолекта (языка современных верующих) [Иванова 2004б]. Анализируются культурологические аспекты житийной литературы, например, в статье Ж.В. Корминой [Кормина 2010] и магистерской диссертации Н.Е. Окашевой [Окашева 2003]. К жанру современного жития обращаются и некоторые зарубежные исследователи. Так, доклад британской русистки Б. Вайхерт (B. Weichert) «Помолимся побыстрее! Другие тоже хотят» [Weichert 2003] раскрывает особенности жития блаженной Матроны, а книга на английском языке «Житие как подвиг» («Life as exploit») финской исследовательницы Э. Кахлы [Kahla 2007] посвящена женским житиям¹.

¹ В своей книге автор несколько раз подчеркивает, что слово exploit употребляет в значении «подвиг». См.: «Following Navrotskaya, this study too assumes that national heroes' markers of exploit (podvig) illustrate one ideological model, in which religious and secular elements fluctuate, depending on the demands of time and place» (Kahla E. Life as Exploit. P. 22).

Однако в приведенных работах в большей степени раскрываются общие культурологические или литературоведческие проблемы, а вопросы, связанные с построением текста, в частности проблема автора и читателя жития, остаются за рамками исследования. И хотя к данной проблеме неоднократно обращались в связи с изучением традиционного жития (см., например, исследования Е.Л. Конявской [Конявская 2000], Е. Глушко [Глушко 2011], А.Н. Ужанкова [Ужанков 2005]), современная житийная литература с этой точки зрения практически не была объектом исследования. Можно упомянуть небольшую статью журналиста Л. Ильюниной [Ильюнина 2003], в которой затрагиваются вопросы автора и читателя современного жанра жития, однако серьезной литературоведческой работы, посвященной данной теме, до сих пор нет, поэтому проблема автора и читателя современного жития требует глубокого научного изучения.

0.2. Теория и методика

Как видно из названия диссертационного исследования, особое внимание в нем направлено на изучение авторов и читателей современных житий. По этой причине я выбрала нарратологический метод исследования, а точнее нарратологический теории Вольфа Шмида на основе его книги “Нарратология” (2003). Кроме того, в дополнение были использованы: Н.С. Валгина “Теория текста” (2003), Е.Л. Конявская “Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.)” (2000), Глушко “Автор и читатель средневекового жития 10 – начала 11 века” (2015), статья Б.И. Бермана “Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия)” (1982), В.В. Виноградов “О теории художественной речи” (1971) и В.П. Адрианова-Перетц “Очерки поэтического стиля древней Руси” (1947).

Наиболее важными терминами из нарратологии Вольфа Шмида являются:

- Конкретный автор: Это реально существующий человек, который пишет тексты.

- Конкретный читатель – это реально существующий человек, который читает тексты.
- Абстрактный автор и абстрактный читатель. Абстрактный автор – это образ автора, который реконструируется читателем. Одновременно с этим абстрактный читатель – это представление конкретного автора о читателе, которое он имеет при написании своего текста.
- Абстрактный читатель: Абстрактный читатель состоит из двух компонентов: 1) предполагаемый адресат, 2) идеальный реципиент). Предполагаемым адресатом является читатель, к которому обращен труд конкретного автора; его языковые коды, идеологические нормы и эстетические взгляды учитываются конкретным автором при написании труда, так чтобы сам труд мог быть правильно интерпретирован. Идеальным реципиентом является читатель, который прочитывает работу конкретного автора идеальным образом и принимает выражаемые мысли текста.
- Фиктивный нарратор – это вымышленный персонаж, который рассказывает историю в самом тексте произведения.
- Фиктивный читатель (нарратор) – это «партнер» или адресат вымышленного рассказчика, которому рассказчик (нарратор) объясняет свою историю.

Для систематизации житий святых были использованы описания жанра жития из книг: Г.П. Федотова “Святые Древней Руси” (1990), В.В. Кускова “История Древнерусской литературы” (1982), В.Н. Топорова “Святость и святые в русской духовной культуре” (1995), Н. Пруцкова “Древнерусская литература. Литература XVIII века” (1980), Д.С. Лихачева (1986, 1979, 1970), Томаса Прача (Thomas Pratsch) “Агиографический топос” (2005), Т.Р. Руди (2003, 2008), Е.А. Рыжовой “Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера” (2007), В.М. Живова “Святость: краткий словарь агиографических терминов” (1994), В.О. Ключевского “Древнерусские жития как исторический источник” (2000), “Православная энциклопедия” (2008) и из “Закона Божия” (2009) С. Слободского.

В Slavia Orthodoxa были известны два варианта жития: краткое житие (для чтения на литургии) и пространное житие, которое также называется житие-легенда, чей стиль письма был известен как „плетение словес“. В Византии были известны также и другие варианты текстов: в основном протоколы мученических допросов и свидетельств, а также исторические романы, персонажами которых являлись святые. Эти жанры не существовали в Старой Руси, но они возникли в России в конце 20-го и начале 21-го века.

Среди современных русских житий существует также так называемый жанр “псевдожития”. Термин используется, помимо прочего, исследователем М. М. Лоевской. Имеются в виду жития как псевдо-святых, так и “настоящих”, признанных Русской Православной Церковью, и “жития, написанные плохо или неправильно”. Другие наименования: житие-апокриф, апокрифические жития (см. Кусков: 35).

Источниковую базу исследования составили жития мучеников и исповедников российских из сборников игумена Дамаскина (Орловского) и С. Девятовой. Кроме того, материалом для исследования послужили следующие издания: «Серафим Вырицкий: Житие; Пророчества; Акафист» [Серафим Вырицкий 2004], «Матрона Московская. Повесть о житии» [Матрона Московская 2002], «О жизни и чудесах блаженной Матроны» [О жизни и чудесах 2009], «Сказание о житии блаженной старицы Матроны» [Жданова 1993], «Пасха Красная» [Павлова 2002] и другие. Некоторые жития были взяты из русских православных сайтов, потому что их редко можно найти в печатной версии или они там вообще отсутствуют. Например, из популярных сайтов, таких как www.pravoslavie.ru, www.pravoslavie.lv, www.pravmir.ru.

Хронологические рамки исследования охватывает период с 1988 по 2015 год.

Цель состояла в том, чтобы рассматривать, как можно больше современных русских житий. Учитывая их большое количество, однако, основное внимание в первую очередь было остановлено на тех, которые вызвали больше дискуссий или были по иным причинам тематически релевантны. Были изучены только русские, точнее только по-русски

написанные тексты, которые в основном касались святых Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

0.3. Вопросы и тезисы

Основной гипотезой данного исследования является предположение о том, что к проблеме автора и читателя современного жития следует подходить в контексте всей православной литературы и православной социокультуры, поэтому одним из важных вопросов являются причины популярности житийной литературы у читателей и авторов в последние 25 лет после начала возрождения РПЦ.

И в этой связи важную роль играет противопоставление православной и псевдоправославной литературы. Результатом начавшегося с 1990-х годов возрождения православия в России стало не только активное издание православной литературы, но и появление так называемого народного православия, воплотившегося в псевдоправославных изданиях. Что стоит за изданием и распространением псевдоправославной литературы: религиозное возрождение или упадок? Как православный читатель относится к распространению псевдоправославной литературы: пассивно или активно? Какие действия предпринимает Церковь, чтобы пресечь распространение таких книг?

Если говорить в целом о современном читателе (чаще всего имеют в виду молодежь), то следует отметить падение интереса к чтению как таковому, при этом «читающая» молодежь останавливает свой выбор не на серьезных книгах, не на классике, а на массовой литературе. Можно предположить, что эта проблема в той же мере характерна и для православной литературы, если под массовой литературой иметь в виду псевдоправославные книги, то есть современные апокрифы, а под классикой – святоотеческую литературу.

Вероятно, причина интереса к агиографии у современного читателя обусловлена изменением автора – агиографа, который уже не похож на средневекового автора жития, а в большей степени напоминает автора светской литературы. Кроме того, нельзя не отметить, что и стиль современного жития

стал намного ближе к современной литературе, чем к традиционному житийному канону.

В начале докторской диссертации изложим тезисы, которые необходимо раскрыть в данном исследовании. Каждый из этих тезисов основан на постулировании изменений или констант в современных русских житиях в сопоставлении с каноническим житием.

Автор:

- Конкретный автор современного жития – это образованный священник, мужчина. Последнее также характерно и для канонического жития, однако авторы некоторых житий были и мирянами.

- Автор учитывает, как и классические агиографы, лингвистические кодексы, идеологические нормы и эстетические идеи абстрактного читателя.

- В отличие от классического жития, автор вводит свое субъективное отношение к тексту; это делается с помощью фигуры рассказчика. Из этого следует, что:

- В современном житии присутствует субъективность рассказчика, что редко случалось в прошлом.

Читатель:

- Абстрактный читатель: есть современные жития для взрослых, а также для детей, в отличие от канонического жития, которая предназначалась только для взрослых.

- У современного жития есть вымышленный читатель. Это более очевидно в тексте, чем в тексте канонического жития.

Функция:

- В современном житии идеологическая, дидактическая функция уже не так важна, как в каноническом житии.

Жанровые варианты и типы жития:

- Современные жития – это живой жанр, поэтому вполне вероятно, что существуют варианты жанра, не представленные в каноническом житии.

- Ожидается также дальнейшее развитие типов канонического жития. Критерий классификации типов жития – это стоящая в центре персона, например, мученик или юродивый.

Форма и содержание:

- Современное житие показывает изменения в форме, языке и стиле.
- Стиль письма современных житий ближе к современной светской литературе, чем в древнерусском каноническом житии.

Цензура и распространение:

- Цензура, аналогичной той, что существовала в контексте канонического жития, также может быть найдена при работе с современными житиями.
- Интернет играет важную роль в распространении современного жития.

1. Канонические древнерусские жития

1.1. История изучения древнерусских житий

В XIX в. древнерусские агиографические памятники преимущественно исследовались как исторический источник, как памятники древнерусской письменности и литургики [Васильев 1893; Яхонтов 1881]. Так, В.О. Ключевский в своей книге «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871) [Ключевский 2000] рассматривал жития с исторической точки зрения и доказывал важную роль древних монастырей в колонизации Северо-Восточной Руси, а Ф.И. Буслаев изучал жанр жития в связи с древнерусским искусством и духовностью русского народа [Буслаев 2001].

Пик интереса к агиографии пришелся на XX век. Работы В.П. Адриановой-Перетц, Е.Е. Голубинского, В.М. Живова, А. Кадлубовского, И. Ковалевского, еп. Никодима (Кононова), Д.С. Лихачева, С.В. Поляковой, Н. Серебрянского, В.Н. Топорова, Г.П. Федотова – прекрасная теоретическая база для любого исследования по агиографической литературе. Так, словарь В.М. Живова «Святость: Краткий словарь агиографических терминов» [Живов 1994] – это незаменимая книга для исследователя агиографии, так как в ней дается развернутое объяснение основных агиографических терминов. Д.С. Лихачев в большей степени занимался поэтикой летописей, однако и в его трудах можно найти сведения об агиографическом жанре [Лихачев 1970; 1979; 1986; 1992]. В.Н. Топоров рассматривает проблему святости и святых в русской духовной культуре [Топоров 1995], а В.П. Адрианова-Перетц – связь древнерусской литературы, фольклора и агиографического стиля [Адрианова-Перетц 1947; 1974]. Истоки древнерусского житийного канона подробно рассмотрены в книге С.В. Поляковой «Византийские легенды» [Полякова 1972], посвященной разбору византийских житийных текстов, которые послужили образцами древнерусской агиографии.

С 1934 года в СССР стало выходить ежегодное серийное научное издание «Труды Отдела древнерусской литературы» (сокр. ТОДРЛ), в котором публикуются материалы, охватывающие широкий круг тем, связанных с

литературой и письменностью Древней Руси XI-XVII вв., древнерусским фольклором, искусством, театром. Среди материалов ТОДРЛ можно найти работы, освещающие частные вопросы и проблемы житийной литературы, например, статью В.П. Адриановой-Перетц о сочинениях протопопа Аввакума [Адрианова-Перетц 1964].

Большой вклад в изучение житийной литературы внесла русская эмиграция и ученые, проживающие за рубежом: Н.Д. Тальберг и его книга «Святая Русь» (Париж, 1929) [Тальберг 1929]; Г.П. Федотов и его труд «Святые Древней Руси» (Париж, 1931) [Федотов 1990]; Ф.Г. Спасский и его исследование «Русское литургическое творчество (по современным Минеям)» (Париж, 1951) [Спасский 1951]; иеромонах Иоанн (Кологривов) и его «Очерки по истории русской святости» (Брюссель, 1961) [Кологривов 1961], хотя многие из данных трудов были изданы только после начала возрождения православия в России.

С 1989 года выходит сборник «Герменевтика Древнерусской литературы» [Первушин 2014; Менделеева 2005]. «Герменевтика...» - это сборник «монографий и статей, посвященных русской истории, литературе, искусству, общественной мысли XI-XVII вв. Основу сборника составляют работы сотрудников отдела древнеславянских литератур ИМЛИ РАН и участников семинара Общества исследователей Древней Руси, представляющие различные научные школы и направления отечественной медиевистики» [Первушин 2014; Менделеева 2005].

Из современных западных исследователей письменности Древней Руси можно отметить итальянского лингвиста и слависта Р. Пиккио, который в своей работе «Древнерусская литература» [Пиккио 2002], переведенной на русский язык, рассматривает развитие стилистических особенностей жанра жития в зависимости от времени написания и территории.

В наши дни древнерусский житийный жанр также продолжает активно изучаться российскими медиевистами и агиологами, например, Т.Р. Руди [Руди 2003; 2008а; 2008б], Е.Л. Конявской [Конявская 2000] и многими другими². Также особого внимания заслуживает еще одно современное издание –

² Недавно были изданы два сборника по русской агиографии под редакцией С.А. Семячко и Т.В. Руди [Русская агиография 2005] и [Русская агиография 2011].

«Православная энциклопедия», насчитывающая уже 49 томов [Православная энциклопедия 2000-2018], в которых особенно интересными для исследователя жития (как древнерусского жития, так и современного) являются агиографические статьи, а также статьи об истории Русской Православной Церкви.

1.2. Поэтика древнерусского жития

Жития святых – жанр, характерный для средневековой литературы. Термин «житие» (от греческого βίος и латинского vita – ‘жизнь’) обозначает литературный жанр – жизнеописания святых [Ранчин 2016].

Жития святых составляют особый раздел христианской литературы – житийную литературу, в качестве синонима которой в настоящее время используется термин «агиография» (от гр. ἅγιος – ‘святой’ и γράφω – ‘пишу’), а в XIX веке употреблялся термин «агиология», который сейчас применяется для обозначения одного из разделов богословия [Житийная литература 2008: 285].

Первые жития в древнерусской литературе, появившиеся в конце X – начале XI вв., были заимствованным жанром: переводными или составленными по образцу византийских житий, например: жития написанные Симеоном Метафрастом, X век [Федотов 1990: 29]. Именно они положили начало житийной традиции на Руси и послужили образцом для русских агиографов [Федотов 1990: 29-30]. Так, Н. Серебрянский писал: «По литературной своей формѣ древнѣйшія русскія житія (напр., Несторово житіе преп. Феодосія) ничѣмъ не отличаются отъ житій византийскихъ, которыя и служили для нихъ литературными образцами» [Серебрянский 1915: 158].

Живов отмечал, что существует четыре аспекта изучения житийной литературы: историко-богословский, исторический, социально-культурный и текстологический [Живов 1994].

Одним из важных вопросов в изучении житийной литературы является разработка принципов классификации текстов. Общую классификацию агиографических текстов дал бельгийский агиолог [Муравьев 2016], основатель школы критической агиографии И. Делеэ [Delehayе 1907].

И. Делез распределяет все Акты мучеников и агиографические тексты с точки зрения отношения к реальным событиям на следующие группы:

1. Официальные протоколы мученических допросов.
2. Сообщения свидетелей, надежных людей, хорошо информированных современников, которые собрали воспоминания свидетелей:
 - 1) документы, в которых свидетель сам является рассказчиком;
 - 2) такие, в которых современный автор ограничивается записями свидетельств других людей;
 - 3) такие, в которых личное наблюдение сочетается со свидетельствами, как, например, во многих частях у Евсевия о мучениках Палестины и в «Житии Киприана» дьякона Понтиуса.
3. Акты, основной источник которых – письменный, взятый, в свою очередь, также из письменного источника.
4. Исторические романы. Главный герой – реально существовавший святой, а сюжет – вымышлен.
5. Вымышленные романы, в которых главный герой – святой является вымышленным лицом.
6. Подделки, например, агиографические легенды.

В традициях Восточной церкви жития Древней Руси объединялись по функции в богослужении и содержанию в сборники смешанного типа: Прологи (Синаксари), Четьи-Минеи и Патерики.

Прологом (от греч. *prologos* – ‘предисловие’) называется сборник кратких житий всех славянских святых вместе с указанием на день памяти святого [ПРОЛОГ 2015: 581]. У греков он имел иное название – Синаксарь (*Synaxarion*, от греч. *συνάγω* – ‘собираю’ и *σύναξις* – ‘собрание’) [Живов 1994; Житийная литература 2008; Макаров 2015: 212]. «В более широком смысле Синаксарем называется сборник с указаниями для совершения литургии и служб суточного круга (вечери, утрени и др.) в конкретные дни церковного года» [Макаров 2015: 212]. Самыми старыми из них считаются анонимный Синаксарь в рукописи епископа Порфирия Успенского (1249 г.) и Синаксарь императора Василия (X в.) [Барсов 1890—1907: 158]. Другие древние Прологи – Петров и Клеромонтанский (иначе Сигмунтов) [Барсов 1890—1907: 158]. Русские

Прологи были переделками Синаксаря императора Василия с некоторыми дополнениями [Барсов 1890—1907: 158].

Четьи-Минеи – сборники пространных сказаний о святых в житиях, расположенных по месяцам [Барсов 1890—1907: 158].

Патерик, или отечник, – сборник кратких изречений святых отцов и рассказов о них [Живов 1994].

В.О. Ключевский обращает внимание на то, что обычно жития писались после канонизации святого, хотя в народе или в монастыре, где он жил, его уже могли почитать, как святого: иногда воздвигали часовни над его могилой, освящали приделы в церквях в его честь, писали его образ [Ключевский 2000: 241]. Ключевский пишет:

«Любопытны в этом отношении известия в житии юродивого устюжского Прокопия. В 1458 году пришедший с Москвы “нищий человек” Иоанн, собрав рассказы устюжан о Прокопии, заказал написать образ его и построил над могилой блаженного “часовню малу”, где поставил образ на поклонение приходящим, то есть самовольно установил чествование святого, еще не признанного Церковью» [Ключевский 2000: 241].

В.О. Ключевский также отмечает и то, что «местное народное чествование и появление чудес были самыми обыкновенными побуждениями, заставлявшими монастырь дать своим воспоминаниям о преподобном церковно-литературную обработку в форме стихир, канона и жития» [Там же: 241].

Однако написание жития не обязательно зависело от степени почитания какого-либо святого в народе. Здесь прежде всего было важно желание самого писателя сохранить светлую память об этом человеке. На этот необычный факт опять же указывает В.О. Ключевский:

«Движимый благоговейным воспоминанием, биограф часто брался за перо прежде, чем мог быть уверен, получит ли его труд церковное употребление, прославит ли Церковь память описываемого им старца своим чествованием. Признание биографа Варлаама Важского показывает, что могло быть предпринято житие пустынножителя, которого и в его монастыре, и в окрестном населении “мняху аки проста людина, а не единого от святых”» [Там же: 241].

Как свидетельствует В.О. Ключевский, написанием житий занимались грамотные монахи, но на Руси в XV-XVII вв. в пустынных монастырях ощущалась нехватка литературных сил: многие монахи были неграмотны. Случалось так, что во всем монастыре не было ни одного книжного человека, который смог бы записать житие святого, но были старцы-памятухи [Ключевский 2000: 230], которые сохраняли память о нем, пока не появится агиограф. Иногда им мог оказаться даже случайный, заезжий гость-грамотей из чужого монастыря [Там же: 229]. Таким образом, между написанием жития и жизнью самого святого могло пройти сто или более лет, что неизбежно приводило к потере четких фактов биографии. В других случаях специально приглашали агиографов из других мест для написания жития [Там же: 229-230].

С другой стороны, целью жития не было точное изложение биографических фактов святого. В.М. Живов обращает внимание на то, что «житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости» [Живов 1994: 10]. Святые – особые люди, не от мира сего и их жизнь не может быть похожа на обычную биографию, она также не от мира сего. Эту инаковость святых подчеркивает также профессор богословия А.И. Осипов:

«Есть прекрасное русское слово “инок” (от слова “иной”), которым именуют монашествующих и которое очень точно подчеркивает основную черту тех, кто дал особые обеты в последовании Христу, в достижении идеала христианской святости. Святые – это в первую очередь иные люди, отличные от живущих по стихиям мира сего, а не по Христу (Кол. 2, 8). Они не плотские, они побеждают то, что порабощает других: “похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую” (1 Ин. 2, 16)» [Осипов 1994].

Статичность, бедность событийного плана – основное отличие восточной традиции написания жития от западной. Западная традиция предполагает изображение жития святого в прямой, динамичной перспективе: из земного бытия к Царствию Небесному, в восточной же традиции – обратная перспектива: святой показывается в уже прославленном виде. В.М. Живов отмечает:

«При этом особенности западной и восточной агиографической традиции очевидным образом соотносятся с характерными чертами западной и восточной иконографии святых: сюжетности западной иконографии, раскрывающей путь святых к Богу, противопоставлена статичность иконографии византийской, изображающей прежде всего святого в его прославленном, небесном состоянии» [Живов 1994: 11].

Западные и восточные традиции отличаются также в отношении к канонизации [Канонизация святых 1988]. В католической церкви существует канонизация, то есть причисление к лику святых, и беатификация – причисление к лику блаженных, которая совершается до канонизации [Живов 1994]. В православной Церкви канонизации святого предшествует местное почитание, и канонизация совершается вместе с причислением к определенному лику святых. При этом в традиции православной церкви сложились следующие лики святости: пророки, апостолы (равноапостольные), мученики (исповедники, первомученики, великомученики, стратотерпцы), святители (священномученики, вселенские учителя), преподобные (преподобномученики), бессребреники, блаженные, праведные, юродивые, чудотворцы, столпники, целители, благоверные [Живов 1994; Житийная литература 2008; Федотов 1990].

Главной особенностью жанра жития, по мнению Т.Р. Руди, является следование канону, которое проявляется «на всех уровнях произведения – структурном, стилистическом, идейном и символично-богословском» [Руди 2008б]. На структурном уровне – строгая композиционная схема жития; на стилистическом уровне – использование определенных поэтических средств (важнейшим из них является агиографическая топика³ = общие места); на идейном и символично-богословском – принцип уподобления (*imitatio*) и следование сакральным образцам [Руди 2008б].

Одним из важнейших принципов уподобления во всех житиях, в особенности мартириях, является *imitatio Christi* [Руди 2003: 49]. Выделяют также следующие уподобления: *imitatio apostoli* (или *imitatio Constantini*) – в

³ Агиографическая топика подробно рассмотрена в книге Томаса Прача [Pratsch 2005].

житиях просветителей народов (равноапостольных святых), *imitatio Mariae* – в житиях праведных жен и т. д. [Руди 2003: 49]. Еще один важный тип реализации принципа *imitatio* в житиях преподобных – подражание отцам монашества и другим его представителям [Руди 2003: 49].

С точки зрения стилистики для «правильного жития» или же жанра «похвалы святому» были характерны: неторопливое повествование в третьем лице, диалогическая форма речи, длинные монологи, молитвы, плачи, восклицания, цитаты из Священного Писания и Отцов Церкви, лирические отступления: обращение автора к читателю, похвала святому от имени автора [Пруцков 1980: 161]. Стиль такого жития отличался обилием сравнений, метафор и эпитетов. Другой особенностью жития была абстрагирование, которое проявлялось в том, что автор избегал любых деталей, имен, топонимов, дат и т. д., старался не называть людей по их социальному статусу, используя сочетания «некий муж», «некая женщина», «стратиг⁴ некий» и т. д. [Пруцков 1980: 148]

Отличительной чертой жанра жития была строгая композиция, которая обязательно предполагала строение текста из трех частей: вступления, собственно жития и заключения [Пруцков 1980: 51]. Во вступлении автор просил прощения у читателей за свое неумение писать, называл себя многогрешным и, следовательно, недостойным писать житие, но, уповая на помощь святого и Господа, молился святому, чтобы он помог ему написать канонически верное житие [Пруцков 1980: 51]. Здесь же описывалось происхождение святого, как правило, «от благочестивых» родителей, реже от «нечестивых» [См.: Кусков 1982: 33].

В основную часть, или собственно житие, входили: рождение и воспитание, деяния и чудеса, праведная кончина, сравнение с другими святыми, посмертные чудеса [См.: Кусков 1982: 33-34]. Как правило, упоминалось, что святой с детства отличается от сверстников: не ведет «пустошных» игр, бесед, уединяется, любит читать Священное Писание и жития святых, часто и охотно посещает церковь [См.: Кусков 1982: 33].

⁴ Стратиг — по-гречески «военачальник».

В заключении жития была обязательна похвала святому [См.: Кусков 1982: 34]. Это была наиболее ответственная часть жития, так как она требовала от автора большого литературного мастерства и хорошего знания риторики.

Т. Прач пишет, что риторическое построение жития святого соответствует риторическим нормам композиции панегирика [Pratsch 2005: 402-403]. Например, построение панегирика (по ритору Менандру):

1. Проимий.
2. Родина, дом, рождение (Patris, Genos, Genesis).
3. Характер (Physis).
4. Воспитание (Anatrophe).
5. Жизненный путь (Epitedeumata).
6. Деяния (Praxeis), сюда входят также добродетели.
7. Эпилог.

Житие может включать в себя также сон/сновидение, видения и пророчества, указывающие на связь святого с иным миром. Обязательным в житиях было и описание чудес. Вот что пишет об этом В.О. Ключевский:

«Чудеса были необходимым условием для церковного прославления святого. В Древней Руси известно было правило, которое требовало для церковного признания открывшихся мощей, “да сотворят три чудеса: глух да прослышит, нем проглаголет, слеп да прозрит; а аще сотворят чудеса; то от Бога и от св. апостол; аще ли не сотворят тех чудес, то не примите их”» [Ключевский 2000: 269].

В этих «стандартных мотивах» можно увидеть некоторую шаблонность, трафарет, однако это не совсем так. За «трафаретом» порой не замечают живую личность, неповторимый облик святого. На жития нельзя смотреть с реалистической точки зрения, их можно воспринимать только в контексте православной культуры и православного миропонимания. Такую точку зрения отстаивал Г.П. Федотов, отмечая различие научных подходов к проблеме святости на западе и востоке:

«То правда, что католичество со своей характерной спецификацией во всех областях духовной жизни прямо приковывает внимание к конкретной личности. В православии преобладает традиционное, общее. Но это общее дано не в безликих

схемах, а в живых личностях. Мы имеем свидетельства о том, что иконописные лики многих русских святых в основе своей портретны, хотя и не в смысле реалистического портрета. Личное в житии, как и на иконе, дано в тонких чертах, в оттенках: это искусство нюансов.» [Федотов 1990: 28].

Итак, древнерусское житие было заимствованным жанром и в восточной церковной традиции имело свои особенности написания и канонизации.

2. Современные жития

2.1. Особенности жанра и состояние изучения вопроса

Одной из главных проблем современных литературных текстов, претендующих на звание «жития», является проблема определения жанра. Это связано с тем, что жанровые особенности канонического древнерусского жития являются недостаточно изученными, а жанровое определение современных житий, испытывающих мощное влияние жанров светской литературы, представляет собой трудную задачу для исследователя. В литературоведении XX века неоднократно предпринимались попытки классификации и систематизации жанров литературы на основе принципа отношения человека к миру и обществу (например, в исследованиях М.М. Бахтина [Бахтин 1963]; Г.Н. Пospelова [Пospelов 1948]), однако житие с его жанровыми особенностями не было предметом рассмотрения в силу политических причин. Об этом пишет в своей книге «Теория литературы» В.Е. Хализев, предлагая литературоведческую характеристику жанра жития:

«Характеристика жанровых групп, которая дана Г.Н. Пospelовым, обладает достоинством четкой системности. Вместе с тем она неполна. Ныне, когда с отечественного литературоведения снят запрет на обсуждение религиозно-философской проблематики искусства, к сказанному ученым не трудно добавить, что существует и является глубоко значимой группа литературно-художественных <...> жанров, где человек соотносится не столько с жизнью общества, сколько с космическими началами, универсальными законами миропорядка и высшими силами бытия. <...> Таково *житие*, ставшее едва не ведущим жанром в христианском средневековье; здесь герой приобщен к идеалу праведничества и святости или по крайней мере к нему устремлен. <...> Названные жанры, не укладывающиеся в какие-либо социологические построения, правомерно определить как *онтологические*. <...> Жанры при этом рассматриваются прежде всего как определенным образом описывающие бытие как целое» [Хализев 1999: 323-324].

Отсутствие прочной теоретической базы, раскрывающей особенности жанра канонического жития, обусловило большой разброс в определениях жанровой принадлежности современных житийных текстов. С одной стороны,

существуют тексты, жанр которых обозначен как «житие», но при этом по содержанию, стилю, структурным характеристикам они едва ли могут считаться житиями, а с другой стороны, встречаются книги, в названиях которых фигурирует термин «жизнеописание», однако по существу эти тексты можно вполне отнести к житийным. Так, семь томов трудов игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия» [Орловский 1992-2000] имеют подзаголовок: «Жизнеописания и материалы к ним», хотя, по сути, в этих книгах можно видеть, помимо традиционных жизнеописаний, жизнеописания с житийными элементами, вполне подходящие под определение «современные жития». А книга о латвийском святом, священномученике Иоанне (Поммере), «Колокол на башне вечевой» [Пожидаев 2005] имеет подзаголовок: «Житие и труды священномученика Иоанна (Поммера)», хотя жанрово текст в большей степени соответствует биографии. Кроме того, книги, возникшие в контексте современной житийной литературы, часто получают особую жанровую принадлежность, например, Н.А. Павлова определяет жанр своей книги о трех оптинских новомучениках «Пасха Красная» [Павлова 2002] как «летопись событий».

Такое разнообразие в определении жанра современной книги о святом во многом объясняется потерей традиции написания жития. Первые современные жития святых, канонизированных после долгого перерыва в конце XX века, появились в Русской Православной Церкви в 1988 году в связи с актом канонизации, приуроченным к 1000-летию юбилею Крещения Руси. К этому времени традиция житийного жанра в русской церковной литературе оказалась практически утраченной, так как уже начиная с XVII века происходило постепенное угасание жанра жития, и в конечном итоге произошла полная его утрата, что было связано с резким уменьшением числа канонизаций уже в Синодальную эпоху и практически полным их прекращением в советское время.

Первые современные жития (1988 года) представляли собой не столько жития в полном смысле слова, сколько попытку создания научной биографии святых (девяти подвижников Русской Православной Церкви): благоверного великого князя Димитрия Донского, преподобного Андрея Рублева,

преподобного Максима Грека, святителя Макария Московского, преподобного Паисия Величковского, блаженной Ксении Петербургской, святителя Игнатия Брянчанинова, святителя Феофана Затворника, преподобного Амвросия Оптинского. Эти жития по сути являются научными исследованиями о святых – их биографиями с установкой на достоверность и точность приводимых фактов из жизни святых.

К концу 1990-х – началу 2000-х годов начинается процесс литературной обработки подобных первоначальных биографических текстов в соответствии с канонами древней житийной литературы. Процесс этот продолжается и в наши дни, что свидетельствует о возрождении и становлении данного жанра в современной христианской литературе. Одним из событий, послуживших мощным импульсом к написанию новых житий, можно назвать Архиерейский Юбилейный Собор 2000 года, на котором было принято прославление Собора новомучеников, исповедников и подвижников Российских XX века.

Современная житийная литература отличается чрезвычайным разнообразием. Так как жанровое определение любого текста, с одной стороны, является прерогативой автора, а с другой стороны, подчиняется законам словесного искусства, одна из задач современного литературоведения заключается в разработке принципов жанрового определения для современной религиозной литературы. Хотя вопросы жанра традиционно оказывались в ведении литературоведов, применительно к современному житию картина существенно меняется: вопросами жанра, помимо филологов, занимаются историки, теологи, психологи, культурологи – ученые, исследующие один и тот же материал в разных ракурсах. Для рассмотрения современного состояния жанра жития в данной главе мы опираемся на материал из статей и работ М.М. Лоевской, Т.А. Ивановой, свящ. О. Митрова, А.С. Ланцова, Л. Ильюниной, Э. Кахлы.

В современной агиографии, так же, как и в средневековье, выделяют два принципа написания житий: проложный и пространый. По традиции средневековья первый тип жития читался за богослужением⁵, а в монастырях и

⁵ В некоторых храмах эта практика возрождается в наши дни. Например, «Жития новомучеников, пострадавших в Бутове, читаются за богослужением, и дни памяти всех новомучеников Российских почитаются в Бутовском храме праздничными службами» [Артамонов 2011].

благочестивых семьях за трапезой читались пространные жития. В настоящее время оба типа житий создаются для домашнего чтения на русском языке. Выведение житий из церковных чтений во многом способствовало более свободному, не ограниченному канонами, стилю изложения, однако, чтобы книга могла идентифицироваться как житие, автору необходимо сохранить некоторый инвариант – набор признаков – житийного текста.

При сопоставлении современных житийных текстов с каноническими житиями Древней Руси были обнаружены следующие варианты отношений внутри жанра: абсолютно новые черты современного текста, не характерные в той или иной степени для текстов Древней Руси; черты, которые могли спорадически встречаться в древних житиях, но для современных житий они являются одним из признаков жанра; наконец, черты, свойственные житиям всех периодов, так называемый инвариант, который удерживает текст в рамках жанровой принадлежности.

Одним из наиболее очевидных отличий современных житий от древних является их язык. Современная агиография пишется на русском языке, однако ее отличительной особенностью является смешение двух пластов лексики: присутствие церковно-религиозной лексики, церковнославянизмов, архаизмов, активная цитация Священного Писания на церковнославянском, в то же время использование некоторых слов языка советской эпохи, различных типов аббревиатур, например, чекисты, губчека, ЧК, военный комиссариат, контрреволюционная организация, ВЧК, большевики и т. д. Можно выделить и другие языковые особенности. Например, в «Житии преподобного схиигумена Амфилохия Почаевского» наряду с активной цитацией Священного Писания и молитв на церковнославянском языке присутствуют слова старца и других людей на украинском языке. Это во многом не соответствует практике канонических средневековых житий, в которых авторы старались изобразить святого, избегая конкретики, в частности его портрета, как внешнего, так и языкового.

Говоря о языке современных житий, нельзя не затронуть проблему формирования особого языка православных верующих, на котором издается православная литература, читаются проповеди в храме, ведутся беседы с прихожанами, ведется делопроизводство. Т.А. Иванова, а также многие другие

современные ученые, настаивают на формировании особой подсистемы современного русского языка – православного социолекта, который можно наблюдать и в современных житиях.

«Эти жизнеописания написаны на современном русском литературном языке, – отмечает Т.А. Иванова, – однако им присущи особенности, характерные для православного социолекта и отличающие эти тексты от светской литературы. Социолект отличается от общелитературного языка прежде всего на уровне лексики и фразеологии, но можно выделить некоторые особенности и на других языковых уровнях» [Иванова 2004б: 307].

Данная концепция была подвергнута критике в статье Л.И. Маршевой:

«Сразу нужно отметить, что термины социолект и религиолект применять к языку верующих людей вряд ли возможно <...>. Религиозная лексика употреблялась в речи верующих, исповедовавших Христа в жестких условиях советской действительности, – этот факт невозможно не признать. Т. е. активизировалась она не в православном социолекте, как ошибочно полагают отдельные авторы, а в новейшем литературном языке, религиозная составляющая которого, без сомнения, деструктурирована – на многих участках навсегда» [Маршева 2010а: 74; 80-81].

Другой важной отличительной чертой житий конца XX – начала XXI вв. является включение в текст реалий современной жизни.

Современные жития – это «жизнеописания», собственно «жития», «жизнеописания, составленные из воспоминаний», «жития для детей». Л. Ильюнина выделяет следующие разновидности жанра жития:

«...Жития, написанные для детей разного возраста (от детсада до старшекласников); издания рукописных редакций одного и того же жития с обильным комментированием; научные исследования, в которых житие святого включено в «контекст времени»; «идеологические» жития, в которых подвижник объявляется знаменем какого-либо общественного движения (чаще всего националистического толка)» [Ильюнина 2003].

В тексте современного жития традиционные элементы сочетаются с повествованием, более характерным для биографического жанра: даны точные годы рождения и смерти святого, подробно, по годам, как в биографии, описываются события его жизни. Эти черты делают современные жития совершенно не похожими на древние жития, в которых соблюдалась абстрагирование. Во многом данное новшество объясняется изменением типа читателя: для современного человека важны четкость и ясность, ему необходимо знать, когда жил святой, когда происходили те или иные события, описываемые в житии. Все это показывает, что современные жития основаны на ином мировосприятии и как жанр представляют собой новое явление в литературе.

Отдельную проблему в современной житийной литературе представляют так называемые «псевдожития», которые можно также обозначить как «современные апокрифы». Это жития не только старцев и юродивых, вокруг которых сложилось народное почитание, не только «новомучеников» (солдат и священников, пострадавших в Чеченской войне и от рук сатанистов или преступников), но и исторических личностей, канонизация которых даже не рассматривается и возможность ее категорически отвергается в выступлениях официальных представителей Церкви, например, Григория Распутина и Ивана Грозного. В составе современных псевдожитий можно выделить две группы: жития святых угодников, канонизированных официально, содержащие некоторые черты, которые противоречат учению Церкви, и жития неканонизированных личностей. При этом среди псевдожитий неканонизированных людей выявляются две группы: те, канонизация которых, возможно, произойдет в недалеком будущем, и те, прославление которых вряд ли возможно.

Отсутствие церковной и светской цензуры в период возрождения РПЦ привело к тому, что в некоторых современных житиях как канонизированных, так и неканонизированных святых присутствует порой много неточностей, а также несвойственных церковному учению представлений иногда с чертами оккультизма или язычества. Эту проблему с богословской точки зрения рассматривает о. Андрей (Кураев) в книге «Оккультизм в православии» [Кураев 1998], а с культурологической – М.М. Лоевская в статьях «Современная

житийная литература и “агиографическая пропаганда”» [Лоевская 2005б] и «Проблемы современной житийной литературы: агиографический кич, визионерство, мифологизация» [Лоевская 2005а]. В понятие «псевдожития», то есть лжежития, М.М. Лоевская вкладывает отрицательное отношение, связанное с присутствием в тексте некоторых чуждых православной церкви элементов, и поэтому не разграничивает жития истинных подвижников, например, блаженной Матроны Московской, и жития ложных святых, например, Ивана Грозного.

Известно, что Патриарх Алексей II также часто в своих выступлениях и проповедях затрагивал эту проблему. Наконец 27 мая 2010 года «было утверждено Положение о рецензировании и экспертной оценке изданий, предназначенных для распространения через церковную систему реализации издательской продукции» [Издательский совет 2010].

В качестве признака второго типа, который в большей степени характерен для современных житийных текстов, однако по своей сути не является новым явлением в агиографии, можно назвать цитирование. Жития нового времени полны цитат из писем, воспоминаний друзей, духовных чад святых, кроме того, в современных житиях могут цитироваться статьи из газет и журналов, труды святого, иногда даже его стихи, как в «Житии Серафима Вырицкого».

Цитирование само по себе не является чуждым явлением для агиографической традиции. Так, известно, что жития мучеников, или мартирии, составлялись на основе судебных протоколов. «Фрагменты такого рода протоколов, – отмечает В.М. Живов, – могут сохраняться и в позднейших переработках житий мучеников (таковы, например, акты скиллийских мучеников и акты сенатора Аполлония)» [Живов 1994]. Цитирование довольно больших фрагментов из воспоминаний о подвижнике (свидетельств людей, близко знавших святого или общавшихся с ним) присутствовало и в некоторых древних житиях. Например, в «Житии преподобной матери нашей Макрины» цитируются воспоминания о ней ее брата святителя Григория епископа Нисского. В «Житии преподобного отца нашего Онуфрия Великого», составленного святителем Димитрием Ростовским, приводится рассказ преподобного Пафнутия.

Другой чертой названного типа можно считать то, что бóльшую часть современных житий составляют жития новомучеников и исповедников Российских, к тому же их списки постоянно пополняются. Данные о новомучениках и исповедниках Российских собраны в уникальной базе данных «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века» при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете [Новомученики, исповедники 2011]. Ее создатель профессор Н.Е. Емельянов, заведующий кафедрой информатики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [Емельянов 2007] приводит следующие статистические данные: «Были репрессированы: 4 патриарха и 440 иерархов. Расстрелян, замучен каждый второй из них. Среди более 12200 репрессированных священнослужителей: протоиереев – 1600, священников – 8700, диаконов – 900. Расстрелян, замучен каждый второй-третий» [Новомученики, исповедники 2011].

Профессор Н.Е. Емельянов приводит также статистику имен по базе данных. Он отмечает, что «самым распространенным именем среди новомучеников было имя Иоанн» [Там же]. Затем профессор Н.Е. Емельянов разъясняет:

«Две тысячи Иванов были названы в честь Иоанна Богослова, Иоанна Крестителя, Иоанна Воина, Златоуста и др. (всего 68 святых с именем Иоанн было в русских святцах). Точно установить про большинство новомучеников, в честь кого они названы, невозможно. Однако Николаев в святцах было всего семь, и святитель Николай среди них самый чтимый, поэтому, очевидно, в честь него названо большинство новомучеников из почти тысячи семисот Николаев. Поэтому тропарь Святителю Николаю “Правило веры и образ кротости” может служить выражением духовного идеала новомучеников и исповедников Российских XX века. “По имени и житие” – стереотипная формула житий...» [Там же].

Житийные тексты Древней Руси можно сопоставить с современными житиями с точки зрения организации текста. Современные жития, подвергшиеся литературной обработке, включают в себя почти все характерные особенности древних житийных текстов: элементы абстрагированности повествования, сны, пророчества, монологи, диалоги, молитву, похвалу

святому, лирические отступления, цитаты. Присутствуют также известные топосы: *imitatio Christi* и *imitatio Mariae*. Однако эти особенности имеются не во всех современных житиях и проявляются не столь явно. Что касается самостоятельных жанров, которые раньше включались в жития, то можно заметить, что такие жанры, как похвала, видение, чудо, присутствуют в современных житиях, однако совершенно не представлен жанр плача. Плач характерен для многих древнерусских житий, например, для жития Бориса и Глеба, но в современных житийных текстах он отсутствует, так как одни жизнеописания выполнены в строгом биографическом стиле, а другие жизнеописания, выполненные в художественном стиле, очень близки современной художественной литературе, в которой сам жанр плача давно забыт. Кроме того, не все современные жития последовательно включают молитву угоднику. Молитва присутствует в начале некоторых житий, например, житие Оптинских новомучеников начинается молитвенным обращением к ним в начале книги «Пасха Красная». В основном почти все жития завершаются краткой молитвой угоднику Божию, например: «(Имярек), моли Бога о нас!», в то время как древние жития завершались молитвой к Господу Богу. Из этого следует, что современные жития и жизнеописания не подчиняются таким четким правилам (канонам) написания житий, как в средние века. Возможно, это объясняется еще и тем, что современные агиографы – это профессиональные писатели, журналисты, священники, иногда просто миряне, которые чаще всего мало знакомы с житийной литературой; многие из них придерживаются современного стиля написания биографий или художественных текстов, которые в свою очередь рассчитаны не на средневекового, а на современного читателя, мало знакомого с древней житийной литературой.

Однако в современных житиях можно выделить черты, которые указывают на то, что традиция жития не прервалась, что все, что было свойственно житийным текстам Древней Руси, остается неизменным и в современной агиографии. Особое место в житиях нового времени, как и в древних, уделяется чудотворениям. Современные чудеса, как и древние, служат для обращения неверующих к Богу и для укрепления в вере верных, к изменению нравственного состояния общества через подражание святому.

Чудеса, по словам Д.С. Лихачева, также служили для подтверждения святости святых, стяжания ими Духа Божия [Лихачев 1992: 6-7]. Интересно замечание иеромонаха Сергия (Рыбко) о том, что в жизнеописаниях XIX и XX вв. дар чудотворения при жизни имели немногие святые, то есть современным житиям в большей степени свойственно описание посмертных чудес [Рыбко 2000]. При этом некоторые современные жития полны описаний чудес, другие же, наоборот, почти их не включают, как например, «Житие священномученика Иоанна, архиепископа Рижского и Латвийского». Сам этот факт не является чем-то новым в житии и не противоречит агиографической традиции. Так, М.М. Лоевская в статье «Трансформация агиографического жанра в старообрядческих житиях XVII в.» отмечает: «...В византийском житии Марии Новой чудес нет, в житии Прокопия Вятского описано лишь одно посмертное чудо» [Лоевская 2005г: 103].

Возобновляется также традиция приписывания святому свойства оказывать помощь в каких-то определенных случаях, покровительствовать какой-то местности, защищать определенные социальные группы. Так, Иоанн Кронштадтский в «Молитвослове православной семьи» представлен как «Мудрый наставник и добрый пастырь, сделавший много для укрепления веры, помощи людям, умирения страны, спасения от надвигающейся смуты. Податель многих исцелений и помощи в различных житейских нуждах, борец за народную трезвость и духовное просвещение» [Молитвослов 2005: 160], а святой страстотерпец царь Николай характеризуется как «небесный предстатель за Россию, молитвенник за русский народ, помощник в различных нуждах» [Там же: 166]. Интересно также отметить, что священномученик Иоанн Рижский назван в житии святым предстателем земли Латвийской (это, вероятно, связано еще и с тем, что это пока единственный из латвийских святых). Традиция наделения святого званием «небесного предстателя за свое отечество» явно восходит к древнерусской традиции (вспомним хотя бы святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба). Интересно, что царь Николай тоже причислен к лику страстотерпцев и, как князья Борис и Глеб, погиб от рук своих единоверцев из-за власти.

Г.П. Федотов так говорит о парадоксе культа страстотерпцев:

«Замечательно, что возлюбившая страстотерпцев Русская Церковь ничем не выделила из ряда святых своих мучеников, которые в Греческой Церкви (как и в Римской) всегда занимают первое место и в литургическом, и в народном почитании. Большинство русских мучеников за веру или местно чтутся, или забыты русским народом. Много ли православных людей знают варягов Федора и Иоанна, Печерского инока Евстратия, Кукшу, просветителя вятичей, Авраамия, мученика болгарского, литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия или казанских Иоанна, Стефана и Петра? Никто из них никогда не мог сравниться в церковном прославлении с Борисом и Глебом – страстотерпцами. Это означает, что Русская Церковь не делала различия между смертью за веру во Христа и смертью в последовании Христу, с особым почитанием относясь ко второму подвигу» [Федотов 1990: 102].

Поэтому особое почитание мучеников в наши дни можно считать возрождением древней традиции Русской Православной Церкви.

Приведенные в работе черты современных житий, которые во многом являются отступлением от жанра, а в некоторых случаях даже противоречат ему, обусловили определенную оценку жанра современного жития в научной литературе. Сейчас уже существует ряд научных работ и статей, посвященных современной житийной литературе, однако их качество различно, и литературоведческие работы пока остаются в меньшинстве, а основной вклад в решение вопросов жанра современного жития вносят работы по богословию, культурологии, истории, философии и педагогике. Большинство авторитетных исследований – это диссертации и доклады.

Особое внимание следует уделить статьям М.М. Лоевской [Лоевская 2005а; 2005в] и ее диссертации на соискание степени доктора культурологии «Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох» [Лоевская 2005б], где автор также касается этой проблемы. Заслуживает внимания ее доклад «Структурно-тематические особенности современной житийной литературы» [Лоевская 2013]. Все работы автора отличаются глубоким осмыслением природы современного жития.

Хотя некоторые исследователи считают, что жанр жития в современных текстах умирает, превращается в биографию или же находится под влиянием беллетристики и таким образом секуляризуется, М.М. Лоевская отстаивает ту точку зрения, что в современных житиях «не забыты богатые традиции

отечественной агиографии», но «в ущерб житийной ясности и простоте стали преобладать дешевые художественные эффекты и визионерство» [Лоевская 2005а: 104]. По ее мнению, эти недостатки современной житийной литературы «опасны и чреватые уже тем, что ведут к измельчанию и обесцениванию высокого жанра агиографии» [Там же: 105]. При этом М.М. Лоевская отмечает, что недостатки современных житий свойственны как произведениям, посвященным канонизированным святым, так и жизнеописаниям псевдоподвижников, «лжесвятых». Исследователь говорит о проблеме авторской позиции в современных житиях, в которых «авторская антипатия и оценка становятся формообразующими» [Лоевская 2005в: 134]. О влиянии автора на текст современного жития пишет и Л. Ильюнина, в частности об авторской интерпретации, авторской позиции и авторском стиле в современных житиях.

С. Панич, исследователь стилизованных житий, написанных для детей, усматривает в современных житийных текстах проблему «агиографической пропаганды», то есть «сознательную подмену христианских ценностей идеологическими штампами. Она пишет:

«“Детские жития” ориентируются на социалистическую нормативную эстетику, которая с лихвой позволяет использовать агиографический канон для возвышения государственного идеала и установки на поиск “внешнего врага” вместо утверждения истинных христианских ценностей любви и милосердия» [Панич 2004].

В ходе своего исследования С. Панич приходит к выводу, что «в современных житиях святых, написанных для детей, уже невозможно узреть суть христианства» [Там же].

В связи с вопросом «агиографической пропаганды» нельзя не упомянуть вышедшую в 2007 году на английском языке книгу о женских житиях финской русистки Элины Кахлы (Elina Kahla) «Жизнь как подвиг» („Life as exploit“) [Kahla 2007]. В своей работе Э. Кахла демонстрирует несколько прозападный взгляд на русскую культуру. Об этом можно судить по некоторым ее высказываниям: «В поисках нового коллективного самосознания в постсоветской России»; «функция стилизованных изображений всегда –

оценивание национальных вопросов, таких, как: большевистская революция, царубийство, репрессии против сторонников староверов, Великая Отечественная война и борьба с нацизмом, или угроза потери позиции супердержавы – и желание искупить эти катаклизмы» [Там же: 115]. Интересно отметить, что выявленные Э. Кахлой черты действительно присущи ряду современных житий, преимущественно «псевдожитиям», написанным сторонниками секты «царебожничества», основная идея которой – обожествление русского самодержца или русского православного правителя [Кнорре 2006: 384].

Существует много текстологических исследований житий, в которых авторы обращают внимание на излишнюю художественность, «литературность» современной агиографии. Так, Л. Полетаев отмечает, что современные жития стали более художественными, секуляризированными из-за того, что перешли на русский язык, в то время как Церковь продолжает пользоваться во время богослужений церковнославянским языком.

«С выходом жития из круга православного богослужения, – пишет Л. Полетаев о житиях XIX века, – ослабевает связь жития и Церкви в пользу усиления связи между житием и светской литературой. С утратой священного языка житие и само перестает быть частью священнодействия, приближаясь к разряду собственно литературных произведений» [Полетаев 2004].

Однако с точкой зрения Л. Полетаева можно поспорить. Перестав быть частью богослужения, житие превратилось в исключительно домашнее чтение, поэтому необходимость в языке богослужения, церковнославянском, отпала. С другой стороны, нельзя забывать об отрыве читателей и авторов житий от средневековой житийной традиции, о котором можно говорить в связи с частичным обмирщением общества в XIX веке и в связи с эпохой гонений на христиан и запретом на издание христианской литературы вплоть до конца XX века.

На проблему изменения жанра жития указывает и М.Н. Казеннова, аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Она также пишет о превращении современных житий в биографию:

«Исследование современных текстов житий (мы обратились к устному “Житию Преподобного Серафима Саровского”) показывает не только то, что они утрачивают некоторые структурные части, но и то, что в них большее внимание стало уделяться сюжетной, внешней стороне произведений в ущерб концептуальному содержанию: главным становится изображаемое, а не то, что передает это изображаемое. Таким образом, современная агиография превращается из святоописания в бытоописание, т. е. в биографию» [Казеннова 2007: 94].

Б.Г. Бобылев, напротив, художественную силу современных житий видит в сухости изложения, отсутствии авторских отступлений и беллетристичности, в стиле, напоминающем протокол:

«В современных житиях возрождается стиль летописного проложного изложения, лишенный беллетристичности и психологического реализма, к которому мы привыкли, но вместе с тем превосходящий по своей выразительности любые литературные изыски. Эта почти протокольная сухость, лаконичные строки, не прерываемые авторскими эмоциональными комментариями, сами по себе производят впечатление потрясающей силы, являя свидетельство истинности Христова учения и несокрушимости Церкви, которую врата адавы не одолеют» [Бобылев 2005: 24].

Это кажущееся противоречие между сухостью стиля и беллетристичностью разрешено в докладе свящ. Олега Митрова. Кроме того, он также обращает внимание на недостатки современного жития:

«Среди более 400 житий, заслушанных Московской епархиальной Комиссией, при всем многообразии подходов различных авторов, можно выделить два основных принципа написания жития. Первый – проложный, когда агиограф следует традициям древних мученических актов, излагает только события жизни святого как они есть, и второй – публицистический, схожий с житиями более позднего времени, когда автор пытается самостоятельно осмыслить события, дать им свою оценку, а при недостатке фактов решается делать свои предположения. Зачастую вместе с этим писатель увлекается излишним психологизмом и литературным украшательством. Всякий раз, сталкиваясь с житиями, написанными в этом стиле, наша комиссия, принимая положительное решение о возможности прославления

святого, единодушно высказывалась о необходимости серьезной литературной правки такого жития» [Митров 2004: 25].

Несмотря на выявленные отступления от канонического жанра, современные жития все же сохраняют свою принадлежность жанру и отвечают его основной идее – нести наставление, назидание. Жанр жития предполагает назидательное начало, пример и урок для читателя. И в тексте современного жития не просто перечисляются биографические данные святого, но описываются его духовные подвиги и добрые дела, что служит назиданием читателю и вдохновением для подражания святому. Нравственно-назидательная функция сохраняется в современных житиях, потому что без нее эти тексты не были бы церковной литературой. Так, в житии архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) мы узнаем не только о том, что он был замечательным хирургом, но и о его милосердии, доброте, любви к ближнему, жертвенности, прощении обид – качествах, которых должен достичь каждый человек. И хотя Л. Полетаев, наоборот, говорит о том, что в наше время «традиционное нравственно-назидательное понимание агиографического жанра отходит на второй план» [Полетаев 2004], он не отрицает того, что идея назидания является составляющей жанра современного жития.

Таким образом, опираясь на различные исследования современной житийной литературы, можно утверждать, что жанр жития претерпел существенные изменения. Современное житие – это явление совершенно иного порядка, нежели древнее житие, оно имеет как проложные, так и пространные принципы написания, но при этом сохраняет основную цель житийной литературы – дидактику.

2.2. Внутрижанровые разновидности современного жития

Начиная с 90-х годов XX века до последних лет включительно, житийная литература получила бурное развитие также в и жанровом плане.

Несмотря на то что современная агиографическая литература отличается от древнерусской, замечания Д.С. Лихачева по поводу соотношения

древнерусских жанров между собой интересны и для рассмотрения житийного жанра нашего времени. Так, Д.С. Лихачев пишет:

«Литературные жанры появляются только на определенной стадии развития искусства слова и затем постоянно меняются и сменяются. Дело не только в том, что одни жанры приходят на смену другим и ни один жанр не является для литературы “вечным”, – дело еще в том, что меняются самые принципы выделения отдельных жанров, меняются типы и характер жанров, их функции в ту или иную эпоху» [Лихачев 1979: 55].

Далее Д.С. Лихачев обращает внимание на то, что «перед историей литературы возникает особая задача», а именно, историк литературы должен:

- 1) «изучать принципы, на которых осуществляются жанровые деления»;
- 2) «изучать систему жанров каждой данной эпохи»;
- 3) «заметить изменения самой системы жанров» [Там же].

Исследователь отмечает также, что «литература нового времени имеет множество образов авторов – индивидуализированных, каждый раз создающихся писателем или поэтом заново и в значительной мере независимых от жанра. <...> Иное в искусстве средневековья. Оно стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому» [Там же: 69]. Интересно отметить, что эти слова о «коллективных чувствах и коллективном отношении к изображаемому» можно отнести и к современной агиографической литературе. Один из постулатов Православной Церкви – ее соборность.

Соборность – трудно переводимое на другие языки понятие русской философии [Сапов 1999]. В книге «Закон Божий» дается следующее объяснение этого понятия: «Соборность есть единодушие всех истинно верующих, православных христиан, скрепленное любовью Христовой и Благодатью Духа Святого. Соборная Церковь не ограничена ни пространством, ни временем, ни народом, и она заключает в себе всех истинно верующих всей вселенной. Потому она еще называется вселенскою» [Слободской 2009: 449].

Из этого определения видно, что «единодушие христиан» должно проявляться и проявляется во всех областях, сферах Церкви и ее жизни. Это единодушие выражается в традиционности и стремлении к соблюдению канона.

Известно, что Православная Церковь и в наши дни стремится к традиционности, соблюдению канона во всем: богослужении, иконописании и написании церковной литературы.

Так, в современных житиях мы замечаем стремление к топосам (общим местам), что является одним из постулатов древних житийных текстов, то есть стремление к следованию тем канонам, по которым писались жития. Думается, из этого можно сделать вывод, что современный автор, как и средневековый книжник, «стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому», то есть соборное отношение Церкви. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в других разделах данного исследования.

Д.С. Лихачев обращает наше внимание на то, что каждый жанр древнерусской литературы характеризовался особым образом автора: «Каждый жанр имеет свой строго выработанный традиционный образ автора, писателя, “исполнителя”. Один образ автора – в проповеди, другой – в житиях святых (он несколько меняется по поджанровым группам), третий – в летописи, иной – в исторической повести и т. д. Индивидуальные отклонения по большей части случайны, не входят в художественный замысел произведения. В тех случаях, когда жанр произведения требовал его произнесения вслух, был рассчитан на чтение или на пение, образ автора совпадал с образом исполнителя – так же, как он совпадает в фольклоре» [Лихачев 1979: 69].

Всё это не характерно для современных агиографических жанров, так как современные авторы были воспитаны на другой литературе, впитали богатый литературный опыт предыдущих поколений писателей, поэтому современная агиография имеет индивидуальные авторские черты.

Еще одно любопытное совпадение современных агиографических жанров с жанрами древнерусской литературы – «соединение нескольких жанровых определений в названиях произведения» [Там же: 58]. Вот что пишет об этом Д.С. Лихачев применительно к древнерусской литературе:

«Соединение нескольких жанровых определений в названиях произведения указывает не только на колебания книжника – какое определение выбрать, но является иногда результатом того, что древнерусские произведения действительно соединяли в себе несколько жанров. Одно произведение могло состоять, например,

из жития, за которым следовала служба святому, посмертные чудеса и т. д. Множество произведений “нанизывали” на одну тему отдельные, различные по своему жанру, более мелкие произведения, например: “Сказание и страсть, и похвала святым мученикам Борису и Глебу”, где были действительно соединены житие (“сказание и страсть”) с “похвалой”; или “Поучение к ленивым, иже не делают, и похвала делателем”» [Там же].

Сочетание наименований жанров в названии произведения свойственно также и современной житийной литературе. Вот примеры соединения нескольких жанровых определений в названиях современных житийных произведений: «Матрона Московская. Повесть о житии» [Матрона Московская 2002], «Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны» [Жданова 1993], «Старец иеросхимонах Сампсон (Житие Святого Преподобного Сампсона многострадального, исповедника нашего времени. Письма. Воспоминания о нем)» [Старец иеросхимонах Сампсон 1994]. Последняя названная книга 1994 года издания, как видим, объединяет несколько жанров: житие, письмо, воспоминания. Такие названия не единичны, это скорее закономерность в современной житийной литературе. Приведем еще один пример книги, не так давно изданной (2010 года): С.С. Девятова «Великие старцы XX столетия: 15 жизнеописаний, воспоминания современников, поучения, подвиги и чудеса, молитвы» [Девятова 2010]. Здесь в название книги включен большой набор жанров: жизнеописания, воспоминания современников, поучения, подвиги и чудеса, молитвы.

Это явление, характерное для литературы Древней Руси, нашло отклик в современной агиографии потому, что литература Нового и Новейшего времени, пройдя через смерть автора и жанра и придя к постмодернизму, любит играть с жанром, искать новые пути его развития и в то же время, потеряв жанр, ищет пути к его восстановлению. Современная агиографическая литература сейчас снова находится в стадии становления, в периоде младенчества, почти, как и во времена Средневековья, так как многовековая традиция написания такой литературы в России была утрачена. Утрата эта произошла потому, что в советские времена почти все монастыри (источники духовного развития) были закрыты, многие монахи и священнослужители расстреляны или сосланы в

лагеря, а распространение и издание духовной литературы было под запретом. Поэтому русской литературе только предстоит воссоздание этого жанра.

В современной житийной литературе можно выделить несколько следующих внутрижанровых разновидностей, опираясь на исследования традиционных житий [Житийная литература 2008 и Живов 1994]:

- Проложные и пространные жития.
- Житие-летопись.
- Жизнеописание.
- Воспоминания.
- Псевдожития.
- Житие-автобиография.
- Сборники (синаксари, патерики и т. д.)⁶.

Следует заметить, что некоторые из них уже существовали в агиографической литературе (проложные и пространные жития, летопись, синаксарь, патерик, житие-автобиография), но в наше время они претерпели свои изменения; а такие жанры, как воспоминания и жизнеописания, обрели в ней новую жизнь. Жанр псевдожития можно считать как новым, так и старым явлением в агиографии, если учитывать существование апокрифов.

Как уже говорилось ранее, в современной агиографии наблюдаются две тенденции: часть современных агиографов не придерживается житийного канона и пишет так, как это видится самому автору, а другая часть стремится как можно точнее сохранить житийный канон. В любом случае современные жития имеют некоторые отличия от житий Древней Руси. Часто меняется размер жития, иногда автор сам дает определение жанра своему произведению, кроме того, так как многие жития пишутся светскими авторами, в них можно видеть также сильное влияние светской литературы.

Конечно, верующий читатель не задумывается о том, какой жанр он читает, он преследует свои цели: ему важно, во-первых, чтобы произведение было душеспасительным, во-вторых – захватывающим, интересным.

⁶ Здесь названы не все жанры современной житийной литературы, а только наиболее часто встречающиеся.

Однако автор не всегда думает о душевспасительности своего произведения или же имеет ложные представления об этом. Иногда в угоду назидательности страдает занимательность изложения, а особенности житийного жанра могут не соблюдаться не только по незнанию автора, но и намеренно. Такие изменения, происходящие в житийном жанре, говорят о том, что жанр растет и развивается (правда, не всегда в лучшую сторону), и у него имеются перспективы. Рассмотрим основные жанры современной житийной литературы.

2.2.1. Проложные и пространные жития

Проложными житиями назывались краткие жития, входящие в славянский церковно-учительный сборник «Пролог» («Синаксарь») – «сборник кратких житий и кратких слов на различные праздники, предназначенных для чтения на утрени (после шестой песни канона)» [Живов 1994: 103].

Однако в настоящий момент жития редко читаются за богослужением. Думается, это сделано ради сокращения продолжительности службы. Только раз в год, в среду пятой недели Великого поста, совершается служба, посвященная преподобной Марии Египетской, в ходе которой полностью читается житие преподобной.

Краткие жития входили также в Минологии, предназначенные для домашнего и монастырского чтения [Живов 1994]. «Важнейшей характеристикой этого типа житийной литературы являются лаконизм и схематичность изложения, отсутствие вступительной и заключительной частей, а также риторической украшенности» [Трубачев 2008: 283].

Сегодня краткие жития можно встретить не только в богослужебных книгах, но и в православных календарях с чтением на каждый день, в периодических изданиях или же в электронном православном календаре на сайте <http://days.pravoslavie.ru/>, а также на других сайтах.

На наш взгляд, краткие жития пользуются большей популярностью среди читателей, так как у современного читателя чаще всего не так много времени для чтения полных (пространных) житий. Кроме того, к кратким житиям часто

обращаются как к справочникам, чтобы быстро получить информацию о жизни святого.

В то же время нельзя сказать, что пространные жития становятся непопулярными. Есть случаи, когда в православной среде такие жития заменяют художественную литературу, так как у некоторых верующих существует предвзятое отношение к последней. Например, на сайте «Иоанн (Душевный лекарь)» размещена статья с цитатами Отцов Церкви под названием «Что не стоит читать, смотреть по ТВ, слушать по радио?» [Что не стоит читать 2011], в которой осуждается чтение светской литературы.

Такое отношение к светской литературе существовало и ранее. Вот, что говорил по этому поводу Святитель Филарет митрополит Московский (1783-1867):

«Литература, зрелища, вино губительно действуют на общественную нравственность. Чрезмерно размноженные светские повременные издания, усиленно распространяемые в народе, неблагоприятно действуют даже тем, что возбуждают и питают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство; дают много чтения приятного и занимательного, но мало назидательного, доставляют познания отрывочные, смешанные, сбивчивые, но с тем вместе поглощают внимание и время, отвлекают от чтения книг основательных, делают умы поверхностными и ленивыми для глубоких размышлений о важнейших предметах знания» [Там же].

Поэтому не удивительно, что пространные жития как душеполезная литература столь популярны в православной среде.

Пространные жития, как уже говорилось, – это полные жития, в которых жизнь святого описана с самого рождения до его кончины [Живов 1994], «предполагавшего подробное и последовательное повествование о жизненном пути подвижника, поскольку именно благочестивая жизнь святого, а не его мученическая смерть стала предметом изображения агиографа» [Житийная литература 2008: 285]. К появлению этого типа агиографического текста привело резкое сокращение числа мучеников (после 313) и прекращение гонений на христиан (после гибели в 363 императора Юлиана Отступника) [Житийная литература 2008: 285]. «Пространное житие, получившее

интенсивное развитие с IV в. и сформировавшееся под влиянием античной литературы (произведения Филострата, Флегонта, жизнеописания Плутарха, сочинения Ксенофонта и др.), в дальнейшем стало важнейшим жанром средневековой письменности и основным типом агиографических текстов в литературах всех христианских Народов» [Житийная литература 2008: 285].

Пространные жития входили в агиографические сборники или сборники смешанного состава, Минеи-Четьи, минейные Торжественники, в том числе существовали в отдельных списках [Трубачев 2008: 283].

С исторической точки зрения, краткие жития первичны, а пространные – вторичны, так как в древние времена сначала делалась краткая запись о святом, а затем на ее основе писалось полное житие [Ключевский 2000: 42]. Такая традиция восходит еще ко временам гонений на первых христиан, когда собирались акты мучеников [Живов 1994].

Как известно, пространными житиями чаще всего считались жития преподобных или юродивых, в которых жизнь святого описывалась в хронологическом порядке от его рождения до смерти, в то время как в мучениках чаще всего описывался только мученический подвиг святого [Трубачев 2008]. Что касается современных житий, то большинство из них являются мученическими и сочетают в себе житие-мученический подвиг и пространное житие (житие-биос) [Ланцов 2002: 219], так что современные пространные жития часто достигают размера книги.

2.2.2. Житие-летопись

Жанр, который будет рассмотрен в данном разделе, не является в полном смысле слова ни хроникой, ни подражанием древнерусской летописи. Нам представляется, что это самостоятельный жанр, выросший на базе жанра монастырской летописи, которая, в свою очередь, связана с древнерусской летописью, или хроникой. «Литературный энциклопедический словарь» дает следующее определение хроники: «Хроника (греч. *chroniká* – ‘летопись’), литературный жанр, содержащий изложение исторических событий в их временной последовательности. В центре хроники – время как субъект исторического процесса» [Эпштейн 1987: 487].

Монастырская летопись с включением житий святых – целое направление в русской православной культуре, пережившее расцвет в середине XIX века в таких обителях, как Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Валаамский Преображенский монастырь, Серафимо-Дивеевская пустынь и Оптиная пустынь.

Традиция ведения монастырских летописей продолжается и в наши дни. Одна из современных книг-житий по замыслу автора писалась как летопись возрожденной Оптиной пустыни [Павлова 2002: 3]. В эту летопись искусно вплетены жизнеописания святых (трех оптинских новомучеников), поэтому жанр мы обозначили как «житие-летопись».

Жанр книги Н.А. Павловой «Пасха Красная», изданной в 2002 году, был обозначен самим автором как «летопись событий». В предисловии к книге говорится: «“Пиши, как писала прежде”, – так благословил меня на труд архимандрит Кирилл (Павлов), подсказав тем самым жанр этой книги: не житие – я никогда не писала их, но летопись событий. А складывалась летопись так – в 1998 году Господь привел меня паломницей в Оптину пустынь, и с тех пор я живу здесь, став очевидцем тех событий, о которых и попыталась рассказать на основе дневников этих лет. Такую Оптинскую летопись вел век назад православный писатель Сергей Нилус, и жанр этот достаточно традиционен» [Павлова 2002: 3].

Действительно, как мы уже говорили выше, «жанр достаточно традиционен», однако, несмотря на это, «Пасха Красная» не является летописью современной возрожденной Оптиной пустыни, хотя с тем, что автор в какой-то степени следует этой традиции, можно согласиться.

Во-первых, если бы автор ставила перед собой цель написать современную летопись монастыря, это было бы обозначено в заголовке, например: «Летопись современной/возрожденной/новой Оптиной пустыни», но в книге дан заголовок, скорее свойственный художественной светской литературе, чем житийной.

Во-вторых, если сравнивать книгу с «Летописью Серафимо-Дивеевского монастыря» [Чичагов 1903], составленной архимандритом Серафимом (Чичаговым), можно видеть, что автор не следует в точности летописному жанру. Так, события в книге не всегда представлены в хронологическом

порядке, погодные записи также не соблюдаются. Рассказ начинается с описания зарослей крапивы у стен монастыря летом 1988 года, далее автор вспоминает о том, что было с монастырем после революции, потом снова возвращается в 1990 год и опять – в события до 1988 и после 1988 года, рассказывая о жизни трех будущих новомучеников. Хотя в первой половине книги автор стремится рассказать не только о трех новомучениках, но и о жизни в монастыре, общей атмосфере, царившей в то время, но в остальных частях книги замысел меняется, и автор сосредоточивается на жизнеописании новомучеников. Поэтому композиционно три последние части книги, в которых подробно рассказывается о каждом из трех монахов в отдельности, стоят особняком от первых трех, в которых частично раскрывается летопись монастыря до 1993 года. Однако следует признать и то, что обе книги имеют общие черты: как и в «Летописи Срафимо-Дивеевского монастыря», автор книги «Пасха Красная» прибегает к воспоминаниям очевидцев тех событий.

Книга «Пасха Красная» была написана как летопись событий 1993 года, произошедших в Оптиной пустыни. В этой книге отчетливо отобразился журналистский подход к изложению событий, это во многом объясняется тем, что автор окончила факультет журналистики и какое-то время работала журналистом в газете «Комсомольская правда». Журналистский стиль можно видеть, например, во фрагментах, где автор приводит рассказы очевидцев тех событий, например: «рассказывает бабушка Дорофея из деревни Ново-Казачье» [Павлова 2002: 7], «рассказ Устины Дементьевны Гайдуковой» [Там же: 8], «вспоминает игумен Владимир» [Там же: 17] и т. д.

Житие-летопись построена как расследование одного события – убийства трех монахов. Это центральное событие, вокруг которого и строится вся книга. Автор постоянно подчеркивает предназначенность мученического подвига, пытается найти какие-то знаки, указать на святость трех монахов, их душевную особенность, отличие от других «обычных» людей. Даже тогда, когда о кульминационном событии уже рассказано, автор постоянно описывает трех монахов как будущих мучеников, то есть находит в их жизни какие-то знаки, показывает их особенную святость, отличие от сверстников уже в самом начале жизни. Например, Н.А. Павлова упоминает такой знак приближающейся трагедии: «Перед Пасхой в алтаре всегда кипит уборка. Иеромонах Филипп,

еще инок в ту пору, вспоминает, как он чистил в алтаре ножом подсвечник, а нож сорвался, поранив руку. Зажав рану, он выбежал из храма. Ведь если в алтаре прольется кровь, надо заново освящать его. Послушник-алтарник Александр Петров вышел следом за о. Филиппом и, забинтовав ему руку, сказал: “Не понимаю, что происходит? За страстную седмицу уже четвертый раз кровь в алтаре. То копие сорвется на проскомидии, то еще кто как-то поранится. Что такое – кровь в алтаре?”» [Там же: 39].

Особенность этого жития в том, что оно сочетает в себе несколько жанров: собственно житие, летопись и детектив. В житии использован также дневник иеромонаха Василия (Игоря Рослякова).

Композиционная структура жития-летописи включает в себя введение – предысторию, историю перед убийством, кульминацию – убийство и заключение – собственно жизнеописание трех будущих монахов. Книга состоит из шести частей: «Восста из мертвых земле оптинская, яко иногда Лазарь четверодневный...», «Перед Пасхой», «Пасха красная», «Инок Ферапонт», «Инок Трофим» и «Иеромонах Василий».

В первой части рассказывается о восстановлении Оптиной пустыни и о пути в монастырь каждого из трех будущих монахов-мучеников. Во второй части автор фокусируется на подготовке к убийству и подготовке к смерти. В третьей – на убийстве трех монахов на Пасху и предполагаемых убийцах. Четвертая, пятая и шестая части посвящены каждому из новомучеников в отдельности, то есть, можно сказать, что в них описывается собственно житие, жизнь этих людей до прихода в монастырь и в монастыре.

Такая композиция жития необычна для классического жития-мученика. Кульминация книги, как и в классическом мученичестве, – мученический подвиг, само убийство трех монахов, однако расследование этого убийства – новый элемент жанра, не свойственный классическому житию-мученику.

Итак, можно видеть, что, несмотря на традиционность жанра монастырской летописи, перед нами значительно трансформированный жанр, сочетающий в себе, помимо жизнеописаний, стоящих особняком от основного текста летописи, и детективное журналистское расследование.

2.2.3. Жизнеописание (житие, сказание)

Под жизнеописанием мы понимаем агиографический жанр, в котором описывается жизнь святого, но, в отличие от жития, жизнеописание выделяется сдержанностью, сухостью стиля, точностью биографических данных, как например, в книгах игумена Дамаскина (Орловского).

Однако «Словарь литературных терминов» не различает термины «житие», «биография» и «жизнеописание». Так, Н.С. Ашукин пишет, что «западноевропейское средневековье знало биографию почти исключительно в виде жизнеописаний святых, но с XVI в. появились биографии людей светских» [Ашукин 1925]. В русской же традиции под термином «житие» закрепилось значение «описание жизни святого», а термин «жизнеописание» означает «описание чьей-либо жизни», то есть человеком, чья жизнь описывается, может оказаться и известная личность, и человек святой жизни.

Мы выделяем жизнеописание в отдельный жанр потому, что этот термин используют сами агиографы, а кроме того, термин «житие» часто не характеризует текст точно, и многие современные жития можно скорее отнести к жанру жизнеописания.

Некоторые жития, например, «Пасха Красная», настолько сложны по структуре, что их непросто отнести к определенному жанру. Но «Пасха Красная» включает в себя также и жанр жизнеописания: жизнеописания трех новомучеников.

В связи с тем, что термин «жизнеописание» может относиться не только к святым, но и ко всем людям, в современной агиографической литературе наблюдается хаос. Так, среди православной литературы можно встретить жизнеописания и святых, и просто уважаемых церковных деятелей, старцев и стариц, а также лжестарцев и лжестариц и других неканонизированных подвижников веры.

Реже можно встретить обратное явление: когда «житием» называется книга неканонизированного подвижника. Возможно, это связано с тем, что сейчас к этому относятся серьезнее, чем в 1990-е годы, когда не существовало церковной цензуры. Как пример можно привести две книги, изданные в Москве почти в одно и то же время: «Старец иеросхимонах Сампсон (Житие Святого

Преподобного Сампсона многострадального, исповедника нашего времени. Письма. Воспоминания о нем)» [Старец иеросхимонах Сампсон 1994] и «Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны» [Жданова 1993].

В первом случае можно видеть, что составители книги стараются преувеличить святость старца, дают ему сразу несколько «титолов»: старец, святой, преподобный, многострадальный, исповедник, к тому же слова «святой» и «преподобный» написаны с большой буквы. Сам этот факт уже должен насторожить читателя: «титолы» были присуждены подвижнику самочинно самими духовными чадами старца без его канонизации. Сопоставление данных его жития и архивных документов показало, что сведения не совпадают, в связи с чем Московская епархиальная комиссия посчитала канонизацию иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) невозможной [Романова 2005].

Таким образом, налицо самочинное причисление человека к святым и подмена термина «жизнеописание» термином «житие».

Во втором случае можно видеть намеренно созданную архаичность в названии книги: «сказание о житии», хотя самое житие не написано в древнерусском стиле. Матрона во время написания книги тоже еще не была канонизирована. Несмотря на обманчивость заголовка, книга о иеросхимонахе Сампсоне не стала такой популярной, как «сказание о житии Матроны». Подробнее подобные книги будут рассмотрены в параграфе «Псевдожития».

2.2.4. Воспоминания

Отдельную группу современных житийных текстов представляют книги-воспоминания о том или ином подвижнике, иногда еще не канонизированном.

Воспоминания (или мемуары от франц. *mémoires* – ‘воспоминания’) – светский жанр, ранее не относившийся к агиографической литературе. Хотя «Литературный энциклопедический словарь» [Мемуары 1987: 216] относит «Житие протопопа Аввакума» к мемуарам, но это не так, так как многие исследователи причисляют «Житие протопопа Аввакума» к жанру житие-автобиография.

В наше время жанр воспоминаний стал активно использоваться или как часть жизнеописаний, или как самостоятельный жанр воспоминаний о подвижнике веры.

Одна часть таких книг рассказывает о неканонизированных старцах/старицах. Так, в последнее время было издано несколько книг-воспоминаний об известном старце Николае (Гурьянове). Например: «Воспоминания о старце Николае Гурьянове» [Воспоминания о старце 2007] и «Девять встреч. Воспоминания о старце Николае Гурьянове» [Лашин 2008].

Другая часть – книги-воспоминания о канонизированных подвижниках. В качестве примера можно привести книги-воспоминания о наиболее известных святых: «Воспоминания о Царской Семье» Т.Е. Мельник-Боткиной [Мельник-Боткина 2004] и «Император Николай II и его семья» П. Жильяра [Жильяр 1991].

Т.Е. Мельник-Боткина в своих воспоминаниях рассказывает о буднях царской семьи, показывает их жизнь изнутри глазами очевидца. О членах царской семьи говорится всегда в уважительной форме, используются царские титулы: «Его Величество», «Ее Величество», «Великие Княжны» и т. д. Автор обращает внимание на мелочи, подробности повседневной жизни, а также подчеркивает добродетели членов царской семьи: доброту, милосердие, трудолюбие. Например: «Ее Величество, как редкая мать, входила во все мелочи жизни своих детей, выбирая им книги и занятия, распределяя их день, сама читая и работая с ними. Когда кончались уроки, Великие Княжны шли за рояль или за рукоделия, в которых они были большие мастерицы.

Кроме вышивания, они должны были шить на бедных, так же, как и светские дамы, каждой из которых Ее Величество поручала набирать в свою очередь 12 дам для изготовления определенного количества теплых и необходимых вещей. Все это отсылалось Ее Величеству, разбиралось и сортировалось фрейлинами и Великими Княжнами и рассылалось по приютам или лично им известным бедным семьям [Мельник-Боткина 2004].

В целом воспоминания написаны достаточно последовательно, в рамках жанра мемуаров, но применительно к жанру жития-воспоминания следует учитывать тот факт, что автор пишет об убиенной царской семье, которая почиталась как святая, и это накладывает определенный отпечаток на стиль

повествования: автор в большей степени подчеркивает добродетели царственных мучеников.

2.2.5. Псевдожития

Под псевдожитием мы понимаем житие неканонизированного подвижника (реже – канонизированного) включающее в себя лжеправославные, еретические идеи. О такой литературе преподобный Амвросий Оптинский (1812-1891) говорит: «Не читайте без разбора всякие новые сочинения, хотя бы и духовного содержания, но таких сочинителей, которые не подтвердили своего учения святостью жизни, а читайте творения таких отцов, которые признаны Православною Церковью за твердо известные и, без сомнения, назидательные и душеспасительные» [Что не стоит читать 2011].

Существуют псевдожития как истинных подвижников веры – таких, как блаженная Матрона Московская [Жданова 1993], старец Николай (Гурьянов) [Николая 2002] и др., так и ложных или сомнительных – Григория Распутина [Гроян 2001], иеромонаха Сампсона (Сиверса) [Старец иеросхимонах Сампсон 1994], отрока Вячеслава Крашенникова [Культ почитания 2015], воина Евгения Родионова и др.

Исследователь житийной литературы М.М. Лоевская выделяет два типа житий святых: написанные плохо и безграмотно и жития «лжесвятых» [Лоевская 2005а: 105]. По ее мнению, «яркой отличительной особенностью первой категории являются “колдунофобия” и демонология, переизбыток “чудес”, многочисленные “вещие” сны, встречи с сильными мира сего, что, естественно, вызывает негативную реакцию у многих читателей» [Там же].

О появлении такой литературы предупреждают читателей даже некоторые издатели. Так, редактор автобиографии Луки Войно-Ясенецкого затрагивает эту проблему и предупреждает читателей о появлении псевдодуховной литературы (возможно, таким образом стремясь вытеснить автобиографию в круг истинной литературы): «В последнее время, к сожалению, публикуется множество различной псевдодуховной литературы. В частности, повествования о сподвижниках, в основе которых лежат некоторые факты из жизни людей действительно святых. Однако, эти факты часто

искажаются или являются недостоверными. <...> Публикуемые жизнеописания поражают обилием невероятных событий. Вместо истинного пути жизни подвижника, полного невидимых и непонимаемых миром трудов покаяния и внутренней борьбы со страстями, простосердечному читателю предлагаются “православные чудеса в XX веке”, напоминающие сказки братьев Гримм и Шарля Перро. В книгах таких воспеваются телесные подвиги: непомерные посты, бдения, ношение вериг – и никакого понятия не дается о подвиге душевном, все христианство сводится к неядению и неспанию. <...> Такое чтение уводит человека с пути покаяния, завещанного Святыми Отцами Православной Церкви, в мечтательность...» [Войно-Ясенецкий 2008: 7-8].

Редактор, имя которого не названо, высказывает справедливые опасения по поводу духовной жизни читателей, увлекающихся такой литературой по своей неопытности, взамен он предлагает читателю автобиографию без чудес и знамений, но «настоящего подвижника нашего времени» [Там же: 10].

Однако неискушенный читатель не может самостоятельно отграничивать «истинную» литературу от «ложной» и часто продолжает читать и то, и другое. Иногда такой неофит, попадая в Церковь, оказывается в замкнутой общине – группе прихожан, организованной вокруг одного священника. Глава общины может оказаться носителем сектантских мышлений (например, выступать «против индивидуальных налоговых номеров как печати (или “предпечати”) антихриста, против новых паспортов, переписи и т. д.» [Дворкин 2011]), которые он навязывает всем прихожанам. В таких общинах также может быть распространение, написание, печатание или перепечатывание псевдодуховной литературы. Неофит, попадая в такую группу, начинает придерживаться мнения общины и активно «проповедовать» эти взгляды.

Известный православный сектовед А.Л. Дворкин так отзывается о причине возникновения сектантства в современном православии: «Силы, которые несколько лет назад подняли смуту во имя борьбы против индивидуальных налоговых номеров как печати (или “предпечати”) антихриста, против новых паспортов, переписи и т. д., сейчас выдвинули новое требование: канонизации Григория Распутина и Ивана Грозного. <...> Опровергать все эти мифологемы физически невозможно, потому что они плодятся, как головы дракона: на месте одной отрубленной возникает пучок

новых. Причина их появления – крайне низкая духовная культура людей, присоединяющихся к Церкви, массовый приток неопитов – совершенно неподготовленных, готовых слепо воспринимать любые высказывания всех, кто на шаг старше их в церковности» [Там же].

Разделяя в целом точку зрения А.Л. Дворкина, хотим добавить, что причина интереса к такого рода литературе может быть еще шире. Она кроется в недрах подсознания, в чисто подсознательном влечении ко всему мистическому, тайному, к его темной стороне.

Такую литературу пишут обычно люди, не имеющие высшего образования, часто пишут безграмотно: со множеством грамматических и стилистических ошибок, возможно, ошибаясь намеренно, игнорируя «светские» законы орфографии [Плужников 2015]. К таким ошибкам относится, например, замена приставки *бес-* (якобы бесовской) в словах, где она обычно употребляется, на приставку *без-* [Плужников 2015], повсеместное использование которой возвращает текст во времена дореформенной орфографии.

Например:

«Почему с такой странной *безпечностью* мы не спешим обратиться за помощью к ним, не воздаем им должное, не прославляем их всех?» [Гроян 1996: V].

В другом отрывке из этой же книги: «...разделение Царской власти с народом приводит к многовластию, многовластие — к *безпорядкам, беспорядки* — к ослаблению и падению государства» [Гроян 1996: СХІІІ].

Такие жития пользуются большой популярностью среди читателей, но под видом «православия» в них дан оккультизм и собрание историй из народного православия.

2.2.6. Житие-автобиография

Еще один жанр, который можно встретить среди современных житий, – житие-автобиография. Как известно, сама по себе идея жития-автобиографии не нова. М.М. Лоевская считает, что у истоков жанра автобиографии стояли блаженный Августин (IV в.), авва Дорофей (конец VI – начало VII вв.) и другие

[Лоевская 2005б: 13]. Она также отмечает не менее известное житие-автобиографию соловецкого местночтимого святого Елеазара Анзерского: «Необычайно интересным представляется памятник русской биографической прозы начала XVII века – житие-автобиография Соловецкого местночтимого святого Елеазара Анзерского (1636-1656 гг.), в котором преподобный необыкновенно подробно повествует о самом себе, своих видениях и искушениях, описывает события, связанные с основанием Троицкого скита на Анзерском острове» [Там же].

Однако традиционно первыми такими житиями считаются старообрядческие жития протопопа Аввакума и инока Елифания. Житие-автобиография протопопа Аввакума появилось в 1672-1673 гг. А в 1958 году появились воспоминания архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), продиктованные им секретарю Е.П. Лейкфельду. Существуют также другие современные автобиографии. Например, к таковым можно причислить «Дневники святого Николая Японского» [Дневники святого 1994], которые были написаны с конца XIX по начало XX века, и серию фильмов «Епископ Василий (Родзянко): Моя судьба» [Епископ Василий 2012], которые представляют собой исповедь-житие и новый вариант жития – кинематографический.

Однако книга «Я полюбил страдание...» о жизни архиепископа Луки в большей степени соответствует жанру жития-автобиографии. Рукопись автобиографии хранилась сорок лет в Синодальной библиотеке [Лисичкин 2012]. Название «Автобиография “Я полюбил страдание”» [Войно-Ясенецкий 2008] было дано редактором, который так объясняет выбор названия: «Не чудеса и знамения, а крестоношение – признак духовности нашего времени. Святость XX века – это ежедневное мученичество. Автобиография архиепископа Луки – лучшее доказательство этого. “Я полюбил страдание”, – писал он в одном из писем. Такими словами мы решили назвать книгу его воспоминаний. В этих словах весь жизненный путь настоящего подвижника нашего времени. Он не сотворил знамений и чудес, но на страницах биографии мы видим постоянное водительство Промысла Божия, являвшее себя не только естественным путем» [Там же: 9-10].

Действительно, крестоношение, мученический подвиг – центральная тема жития-автобиографии святителя Луки. Здесь можно заметить подражание Христу, его подвигу. Тоже мы видим и в житии Аввакума, но отличие автобиографии архиепископа в отсутствии показного мученичества, похвальбы и поношения врагов, что сплошь и рядом встречается в житии Аввакума. Например, в этом фрагменте из «Жития»:

«Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чеши, взяли меня паки на Москву, и в крестовой, стязався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора, потом и проклинали; а я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут. И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги Божию отрезали у меня. Чему быть? Волки то есть, не жалеют овец! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою в монастырь – болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьвол, – что на них и пенять! Не им было, а быть же было иным; писанное время пришло по Евангелию: “нужда соблазнам приити”. А другой глаголет Евангелист: “невозможно соблазнам не приити, но горе тому, им же приходит соблазн”. Виждь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускает Бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убелятся, да же искуснии явленни будут в вас. Выпросил у Бога светлую Россию сатона, да же очервлени ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо – Христа ради, нашего света, пострадать!» [Житие протопопа Аввакума 2015].

В автобиографии Луки нет также экзальтированных описаний видений, чудес и дьявольских искушений, таких, о каких рассказывает протопоп Аввакум. Само описание чудес и видений в житии Аввакума повторяет похожие описания в других древних житиях святых. У архиепископа Луки нет такого стремления к подражанию чужому тексту, нет также молитв, постоянных цитат из Евангелия и параллелей из Библии.

Однако в случае с новым житием-автобиографией не следует говорить о возрождении жанра или о подражании ему. Воспоминания святителя Луки – это отдельный, неповторимый труд, который сравнивать с трудом протопопа Аввакума не имеет смысла, так как святитель Лука не подражает ему. Произведения похожи тем, что отражают эпоху и личные переживания авторов,

описывают реальные события того времени, в которых они были написаны, а также оба являются житиями-исповедями.

С другой стороны, между двумя эпохами, в которые были написаны обе автобиографии, можно провести некоторые параллели. Вероятно, появление нового жития-автобиографии не случайно пришлось именно на начало XX века – время перемен, так же и житие Аввакума было написано в переломные времена церковного раскола. Как тогда Церковь раскололась на «никониан» и «старообрядцев», так и в начале XX столетия – на «сергианцев», обновленцев и «катакомбную церковь» и РПЦЗ.

Рассказ архиепископа Луки – это, конечно, желание передать будущим поколениям всю правду о жизни того времени, а не желание похвалиться своим мученичеством. И наоборот, в тексте Аввакума, написанном с благословения старца Елифания, можно усмотреть скрытую похвальбу, как бы любованье самим собой, своим подвигом, что, как маской, прикрыто известной самоуничижительной формулой.

Особую роль играет редактор книги «Я полюбил страдание». Он задает весь тон книге: автор начинает свою автобиографию с рассказа о своей юности, а книга начинается с предисловия редакции. Таким образом, редактор как бы заменяет собой фигуру рассказчика; он также дополняет рассказ ссылками, приложением о последних годах жизни архиепископа Луки и воспоминаниях о нем.

Вступление к книге начинается такими словами:

«Книга, которую вы видите, имеет своей целью познакомить вас со светлой личностью архиепископа Луки, профессора хирургии, лауреата Государственной премии. На его долю выпало то, что пережил любой русский православный архиерей первой половины XX века: поношения, тюрьмы, лагеря, ссылки, изгнания, пытки. <...>

Теперь, когда Русь пробуждается и вновь воскресает, милостью Божией пришло время прозвучать слову Владыки Луки. <...>

Волей Божией настал час, и вот вы держите в руках книгу. С ее страниц звучит живой голос святителя, исповедника, врача, человека, принесшего себя в живую жертву Богу и ближним. Пусть же этот голос достигнет вашего сердца и отзовется в нем решимостью последовать идеалам, которые всей своей жизнью проповедовал Владыка Лука» [Войно-Ясенецкий 2008: 3-5].

Говоря о других житиях (о псевдодуховной литературе), редактор как бы противопоставляет эту книгу всем другим житиям, подчеркивает ее правильность и духовность и таким образом указывает читателю, что тот сделал правильный выбор, купив эту книгу.

Итак, как можно видеть, жанр жития-автобиографии, жития-исповеди до сих пор жив и приобретает новые формы.

2.2.7. Сборники (синаксари, патерики и т. д.)

Автор диссертации по культурологии «Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох» [Лоевская 2005б] и книги «Церковный раскол и мученики за веру в русской агиографии XVII и XX веков» [Лоевская 2009] М.М. Лоевская разделяет все современные и древние сборники житий святых на следующие тематические группы [Лоевская 2005б: 11-12]:

1. Мученические жития святых (правильно – жития мучеников⁷). Здесь у автора можно найти терминологическую неточность: ученые разделяют жанры мученичество (мртирий) и житие-мртирий; о собственно житиях мучеников нельзя говорить в отношении древних актов мучеников, однако именно в современной житийной литературе такие жития распространены, отсюда возникает путаница в понятиях.

2. Географический принцип составления. М.М. Лоевская относит к ним: «Московский патерик», Соловецкий, Валаамский, Псково-Печерский, Глинский, а также все сборники с житиями святых различных епархий и областей России.

3. Гендерный принцип составления. У М.М. Лоевской это патериконы-отечники (сборник изречений святых отцов-подвижников или рассказов о них) и митериконы (собрание изречений святых жен-подвижниц). К якобы современным митериконам она причисляет сборники житий русских жен, написанных А.А. Трофимовым и прот. М. Козловым. Однако тут снова можно увидеть терминологическую неточность. Книга А.А. Трофимова «Святые жены

⁷ Такое употребление можно встретить, например, в энциклопедической статье: [Житийная литература 2008: 285].

Руси» [Трофимов 1993] не является по содержанию митериконом. Это просто сборник житий святых жен, к тому же в нем только две из святых относятся к современным, то есть к XX столетию. Кроме того, нам не удалось найти ни одной книги о житиях святых жен за авторством протоиерея М. Козлова, а редактором и составителем приведенной М.М. Лоевской книги «Подвижницы благочестия земли русской. История женской святости X-XX веков» (2002) является не протоиерей М. Козлов, а М.М. Петрова.

4. Именной принцип составления. М.М. Лоевская относит к ним «сборники с житиями тех святых, имена которых наиболее часто даются при крещении, составленные по принципу месяцеслова» [Лоевская 2005б: 11]. В качестве примера современных сборников М.М. Лоевская приводит только одну книгу: Афанасия, архиеп. Пермского «Избранные жития святых. Январь – декабрь» (1998). В то время как подобных сборников великое множество. Например, сборники игумена Дамаскина (Орловского).

5. Алфавитный принцип составления. М.М. Лоевская считает, что к этой группе относятся жития, подобранные по принципу перечисления евангельских добродетелей (например, «Азбучный Патерик»)» [Там же: 12]. Однако «Азбучный Патерик» «содержит жития, нравоучительные повести и беседы знаменитых древних подвижников, расположенные в алфавитном порядке имен» [Руссика 2004: 388]. М.М. Лоевская не приводит примера из современной житийной литературы, хотя в качестве примера можно привести книгу С.С. Девятовой «Великие старцы двадцатого столетия» [Девятова 2010], жития святых в которой расположены в алфавитном порядке имен святых, а также разделены на группы: «греческие старцы», «оптинские старцы» и «православные старцы России и некоторых зарубежных стран».

6. Временной принцип составления. Это «сборники, в которые вошли жития святых, прославившихся в определенный отрезок времени или эпоху» [Лоевская 2005б: 12]. В автореферате диссертации нет примеров современных сборников, а в книге даны следующие примеры: «Избранные жития святых III-IX вв.» (1992), «Избранные жития русских святых X-XV вв.» (1992), «Избранные жития святых XVI-XX вв.» (2001), Поселянин Е.Н. «Русская Церковь и русские подвижники XVIII века» (1905), Поселянин Е.Н. «Русские подвижники XIX-го века» (1910), «Подвижники благочестия XX столетия»

(1993). Из этих примеров большинство книг изданы в начале XX века и в начале 1990-х годов, в то время как вплоть до 2009 года, в котором издана эта книга, вышло в свет огромное количество православной литературы, в том числе и сборников житий святых. Например, сборники С.С. Девятовой и другие.

В книге М.М. Лоевской «Церковный раскол и мученики за веру в русской агиографии XVII и XX веков» второй пункт – «Географический принцип составления» – отсутствует, зато имеются два дополнительных пункта: «Минеи, Прологи, Торжественники (позднейшие церковные редакции житий), составленные по календарному принципу» [Лоевская 2009: 71] и «Патерики, составленные по географическому принципу» [Там же].

Несмотря на кажущееся удобство такой классификации, у нее есть свои недостатки: например, жанр патерика попадает то в ту, то в другую группу. Это не дает представления о том, какие жанры существуют до сих пор, а какие исчезли. К тому же такая классификация не совсем точна, так как некоторые современные сборники могут входить сразу в несколько групп: в названии и/или содержании современного сборника могут содержаться все шесть выше перечисленных пунктов.

Представляется, что более правильно говорить о сборниках в отдельности: минологии (синаксари), патерики и другие сборники.

В первую очередь стоит рассмотреть жанр патерика. Этот жанр В.М. Живов относит к аскетической литературе. По его определению, патерик – это «сборник изречений св. отцов подвижников или рассказов о них» [Живов 1994: 72], другое название – отечник. Ещё одно определение: «Патерики (от греч. – ‘отечник, отечная книга’) – сборники, состоявшие из кратких повестей о подвижниках какой-нибудь знаменитой обители или из кратких нравоучительных слов отцов и старцев этих обителей» [Руссика 2004: 388].

Как отмечает Православная энциклопедия, «особый род агиографических текстов представляют патериковые рассказы, повествующие об иноках той или иной обители (или местности). Спецификой этих текстов является, как правило, изложение не полного жизнеописания отцов-подвижников, а отдельных событий их жизни, которые в сочетании с изречениями старцев составляют популярный жанр христ. книжности – Патерики (от греч. πατήρ – ‘отец’), или Отечники» [Руди 2008б: 285].

Как видно из приведенных определений, патерики по содержанию не полностью относятся к житийной литературе, а состоят из кратких рассказов о святых и их нравоучений. В названии многих современных книг значится «патерик», тем не менее, это не всегда патерики, часто это просто сборники полных, пространных житий святых одного монастыря. Например, «Московский патерик», Соловецкий, Валаамский, Псково-Печерский, Глинский – «Глинская пустынь» схиархимандрита Иоанна (Маслова).

Отчасти к жанру патериковых рассказов можно отнести книгу архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы» (2011) [Шевкунов 2011], и юмористический патерик Майи Кучерской: «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние» [Кучерская 2008] (впервые издание вышло в 2004 году в журнале «Знамя»), хотя обе эти книги относятся, скорее, к художественной прозе. Эти книги получили широкую популярность в последние годы как в православных, так и в светских читательских кругах. Впрочем, в «Несвятых святых», в отличие от «Современного патерика», нет вымышленных персонажей. «Современный патерик», по выражению автора, – «изящная словесность», «художественная проза». Сборник «Несвятые святые» очень близок к патериковому рассказу, так как включает в себя и поучительные истории, и отрывки из жизни святых и не только святых людей, а «Современный патерик» М.А. Кучерской состоит, как и настоящий патерик, из пронумерованных кратких поучительных историй, очень близких к жанру анекдота.

В конце XX – начале XXI вв. была возрождена традиция составления календарных сборников: в 1992 году вышла первая книга, составленная игуменом Дамаскиным (Орловским), «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, январь», а в 2002 году вышли шестая и седьмая книги.

Игумен Андроник (Трубачев) подчеркивает большую работу, проделанную игуменом Дамаскиным в создании этих книг: «В издание вошли более 900 житий и жизнеописаний, календари памяти новомучеников и исповедников. Автор использовал материалы Архивов ФСБ, Президента РФ, бывш. партийных и др., в т. ч. региональных. Основную массу источников составили судебные-следственные дела. Агиограф также использовал тысячи

показаний очевидцев и участников событий, собранных в 70-х гг. XX в.» [Трубачев 2008: 316].

Работа над созданием календарных сборников ведется до сих пор. В 2005 году началось издание полного собрания «Житий новомучеников и исповедников Российских XX в.», также принадлежавших перу игумена Дамаскина, по месяцам (Тверь, 2005-2007. Янв., Февр., Март, Апр., Май, продолж.). Жизнеописания игумена Дамаскина были опубликованы также в сборниках: «Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии» (Тверь, 2002-2005. Т. 1-5, доп. 1-4) [Там же].

В 2011 году вышел в свет современный синаксарь иеромонаха Макария Симонопетрского, не имеющий аналогов по полноте персоналий: «Синаксарь: Жития святых Православной Церкви» [Симонопетрский 2011]. По мнению верующих, «это первое подготовленное на высоком современном научном уровне и в то же время общедоступное собрание житий святых» [Синаксарь 2011]. Стоит заметить, под «общедоступностью» синаксаря имеется в виду не его цена (она достаточно высока) и не количество экземпляров (тираж сборника всего 5 тысяч экземпляров на весь православный мир). Он назван общедоступным потому, что жития изложены, как заявляет издатель, «без нарочитой славянизированности и витиеватостей; они изложены языком, понятным современному человеку» [От издателей 2011: 8].

Приведенные в данном разделе сборники – это всё, что мы имеем на данном этапе развития жанра агиографии.

2.3. Типы современных житий по чину святости

2.3.1. Мученичества (маририи)

Среди современной житийной литературы Русской православной церкви самое большое место занимают мученичества (маририи). После гонений на Церковь, которые длились с конца 1917 года до конца 1980-х годов, в 2000 году состоялось официальное прославление новомучеников и исповедников российских, хотя материалы к их канонизации готовились намного раньше, в чем выразилось естественное желание Церкви – сохранить память о мучениках: записать жития этих людей. В этом случае, как и во времена гонений на первых

христиан, материалом для написания житий послужили записи допросов и протоколов и другие архивные материалы, а также свидетельства людей, близко знавших этих святых.

Такого большого количества мучеников, как в начале XX века, Русская Церковь раньше не знала, однако в этот период расцвели и другие виды святости: праведные и Христа ради юродивые, или блаженные. Последний вид святости особенно характерен для времен правления диктаторов.

Русское слово «мученик» несет в себе иной смысл, чем греческое «мартис» и латинское «мартир», что означает – «свидетель» [Живов 1994: 58]. Но суть их подвига понимается так же, как и в первые века христианства: мученики XX столетия были свидетелями истинной, непоколебимой веры не только для мучителей и современников, но и для потомков.

В.М. Живов подробно объясняет греческое значение слова «мученик»: «Основным значением гр. *μάρτυς* является свидетель, и в этом значении это слово может относиться к апостолам как свидетелям жизни и воскресения Христа, получившим благодатный дар исповедовать Божество Христа, явление Бога Слова во плоти и наступление нового царства, в котором человек усыновляется Богу (ср. Деян. 2. 32). <...>

С распространением гонений на христиан этот дар свидетельства приписывается по преимуществу мученикам, которые своей добровольной смертью за веру засвидетельствовали силу данной им благодати, превратившей страдания в радость; тем самым они свидетельствуют о победе Христа над смертью и о своем усыновлении Христу, т. е. о реальности Царствия Небесного, достигнутого ими в мученичестве» [Там же].

Чин мучеников подразделяется на несколько категорий: мученики, преподобномученики, священномученики, страстотерпцы, исповедники [Слободской 2009: 35-36]. Все эти типы присутствуют и в современных мучениках. Однако нельзя отрицать тот факт, что исторические реалии XX века наложили свой отпечаток на житийные тексты, посвященные мученикам.

При обращении к современным житиям мучеников возникают следующие вопросы: какие изменения претерпели современные мученики? каково отношение читателей к этим текстам? изменился ли этот чин святости в сознании современников?

Большинство современных мученичеств – житий новомучеников – написано иеромонахом (впоследствии игуменом) Дамаскином (Орловским). Говоря о новомучениках, следует отметить, что новомучениками обычно называют только мучеников советского времени, хотя некоторые (например, Союз православных хоругвеносцев) причисляют к ним еще не канонизированных мучеников более позднего периода, например, мучеников Чеченской войны⁸.

Одним из наиболее очевидных отличий современных мученичеств от древних мученичеств можно назвать то, что рассказ о мученике ведется от самого его рождения до смерти. Хотя совсем новым этот факт нельзя назвать: «...Жития и мученичеств, как литературные жанры, стоят близко друг к другу и совмещаются. Появляются также смешанные формы этих жанров...»⁹. Например, «Житие и мученичество Галактиона и Епистимии» – ВHG 665.

То есть если раньше акцент делался на самом факте мученичества, то для современных житий важна вся жизнь святого. Исключение составляет житие солдата Евгения Родионова, написанное священником Георгием Хановым, в котором рассказывается только о мученической смерти воина Евгения, однако любопытный читатель может прочитать воспоминания матери Евгения о его детских годах и жизни до призыва в армию.

Второй особенностью современных мученичеств является то, что русских новомучеников объединяют разные страны, разные временные отрезки и обстоятельства смерти. Так, Церковью был прославлен архиепископ Рижский и Латвийский: священномученик Иоанн, возглавлявший Латвийскую Православную Церковь во времена первой Латвийской республики, который принял мученическую кончину от рук неизвестных на архиерейской даче у Кишозера 12 октября 1934 года. Среди новомучеников есть и православные немецкого происхождения: Императрица Александра Федоровна Романова и

⁸ Священник М. Максимов утверждает: «Надо определенно заявить, что эпоха новомучеников и исповедников Российских, как бы мы ее ни растягивали, уже закончилась. Мы можем провести границу по 1970-м, в крайнем случае, 1980-м годам, когда в мир иной отошли последние исповедники, вышедшие из лагерей. Когда Евгения Родионова причисляют к новомученикам и исповедникам Российским, происходит очевидный подлог. Современная история России – это совершенно иной период» [Максимов 2004].

⁹ “Viten und Martyrien gehören als literarische Genres eng zusammen und überlappen einander. (...) Auch kommen Mischformen zwischen beiden Genres vor (...)” [Pratsch 2005: 9].

Великая княгиня Елизавета Федоровна. Императрица Александра, как и вся царская фамилия, причислена к лику страстотерпцев, что подчеркивает особенность их мученического подвига. Царская семья погибла от рук большевиков не по религиозным причинам, а в результате государственного переворота. Первыми святыми на Руси тоже были страстотерпцы, также погибшие от рук соплеменников в междоусобной борьбе – святые Борис и Глеб.

Однако большинство мучеников XX века приняли мученическую смерть из-за того, что принадлежали к духовному сословию, по религиозным причинам, из-за открытого свидетельства своей веры. Так, мученик Александр Мюнхенский (Александр Шморель, погибший в 1943 г.) открыто выступал против гитлеровского режима в составе организации «Белая Роза». По свидетельствам очевидцев, Александр никогда не скрывал своего православного вероисповедания. Александр был казнен в мюнхенской тюрьме Штадельхайм. С одной стороны, описана другая страна, другие обстоятельства смерти, но суть его подвига одна – свидетельство. Другое свидетельство веры уже конца XX столетия, когда в 1996 году, в Чечне, во время Чеченской войны русский солдат Евгений Родионов отказался снять православный крест и был за это казнен. Он еще не канонизирован, однако многие его почитают как мученика-воина. В Интернете можно найти воспоминания матери Евгения, а также житие, составленное священником Георгием Хановым, «Мученики нашего времени» в составе брошюры «Бесценный подарок. Матери солдата посвящается».

Многие современные жития мучеников, как и древние житийные тексты, строятся по схожей схеме, в чем-то повторяют друг друга. Например, практически всегда сохраняется такая фабула: рождение, жизнь с родителями, уход в монастырь, принятие монашества, духовного сана, закрытие храма, монастыря, в котором служит, гонения, преследования, ссылки, лагеря, расстрел.

Причины арестов также часто похожи. Например, в житии преподобноисповедника Гавриила (Мелекесского) читаем: «19 августа 1934 года, в праздник Преображения Господня, во время богослужения его арестовали, обвинив в принадлежности к активной контрреволюционной церковно- монархической группировке» [Девятова 2010: 406].

Если древним житиям современный читатель неохотно верит, сомневается в их правдивости, то современные просто не может отвергать, так как еще живы те, кто помнит исторические события того времени, сам пережил арест, был свидетелем мученической кончины знакомых. Например, один из православных читателей под ником «Yelka» так отзывается о древних житиях на одном из христианских форумов: «Этот жанр чисто психологически мне очень неблизок, можно даже сказать, далек. Читаешь – и тут же включается скепсис и недоверие. И житийная литература дает к этому много поводов. Слишком все гладко, приторно-однотонно, в едином восторженно-славословящем ключе.

В житии Сергия Радонежского сразу же споткнулась о его детские подвиги: младенец, возопивший во чреве матери во время литургии, он же, отказывающийся от грудного молока по средам и пятницам (в постные дни). Тут какой-то перебор, так что с трудом верится.

Я ни в коем случае не ругаю жития. Просто трезво их оцениваю. И принимаю не в качестве достоверного свидетельства о жизни святых, а часто как наивное выражение народного благочестия» [Истории из житий святых 2004].

Современные же жития, в отличие от древних, не надо пытаться «трезво оценивать», как делает этот читатель с древними житиями, так как в современных просто отсутствуют «смущающие» детали: сказочные, выдуманные мотивы, как, например, в «Повести о Петре и Февронии Муромских», когда жене князя Павла по ночам являлся змей в образе мужа [Повесть о Петре и Февронии 1979]. «Повесть» облечена в сказку, так что трудно различить, что автор придумал, а что было на самом деле.

В современных маририях святой показан простым, порой слабым человеком, таким, каким он был на самом деле; не скрываются болезни святых и их чисто человеческие качества. В современных житиях открыто пишется о таких фактах из жизни мучеников, как подписание ими ложных документов после длительных, изнуряющих допросов, симпатия или антипатия к тем или иным известным личностям (например, неприятие митрополита Сергия

(Страгородского)¹⁰. Так, в житии преподобномученика Викентия (Никольского) рассказывается о том, как святой признает свою вину на допросе:

«– Скажите, Никольский, вы признаете себя виновным, что вы проводили контрреволюционную агитацию среди верующих, выражали недовольство в частной беседе на дому у своей хозяйки?..

– Да, в этом я себя виновным признаю, что проводил контрреволюционную деятельность против советской власти и ее мероприятий.

Однако, на следующем допросе, 8 августа, он категорически отказался признавать себя виновным» [Орловский 2008: 145].

Как видим, агиограф сохраняет в житии факт признания своей вины святым, но в то же время подчеркивает, что на следующий день святой отказался от своих признаний. В таких текстах проявляется позиция современного агиографа, который работает с архивными материалами, как историк, стараясь сохранить историческую правдивость.

Во многих современных житиях изображаются страшные допросы и пытки. Эта традиция идет еще от первых мучеников. Особенно поражают мученичества, в которых описывается мужество святых во время таких допросов. Как пример такого мужества можно привести фрагмент из автобиографии святителя Луки (Войно-Ясенецкого): «Ежовский режим был поистине страшен. На допросах арестованных применялись даже пытки. Был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем ни ночью.

Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в

¹⁰ Митрополит Сергей (Страгородский) – заместитель Патриаршего Местоблюстителя (митрополита Петра (Полянского), позже (с 12 сентября 1943 г.) – Патриарх Московский и всея Руси, был лоялен советской власти, что вызвало недовольство членов Церкви.

которой расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине извиваются змеи.

От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой. Не видя конца этому допросу, я надумал напугать чекистов. Потребовал вызвать начальника Секретного отдела и, когда он пришел, сказал, что подпишу все, что они хотят, кроме разве покушения на убийство Сталина. Заявил о прекращении голодовки и просил прислать мне обед. <...> Потерпев фиаско со своим почти двухнедельным конвейером, меня возвратили в подвал ГПУ» [Войно-Ясенецкий 2008: 113-114].

Описание похожих допросов можно встретить практически во всех современных маририях, однако чаще мучения святого описаны не так живо, как в этом отрывке, так как здесь события рассказаны самим очевидцем.

Изменилось орудие мучения: если в древности к христианам чаще всего применяли распятие на кресте, усекновение мечом, отдание на растерзание животным, сожжение, то современные мученики чаще всего были расстреляны. Эти изменения можно видеть на современных иконах: изображаются чекисты в советской форме с винтовками в руках.

В годы гонений в русском православии появились новые явления и понятия, такие как «монашество в миру» и «катакомбные церкви». Следует заметить, что под понятием «монашество в миру» имеется в виду жизнь монахов вне стен монастыря. Это явление распространилось в XX веке в СССР после разорения и закрытия монастырей.

Хотя такое понятие и явление, как «шаталова пустынь» существовало и ранее. Происходит этот термин от глагола «шататься», «бродить туда-сюда без толку» и обозначает монахов, которые не были прикреплены ни к одному монастырю, а ходили от одного монастыря к другому. Так, протоиерей Андрей Ткачев пишет: «“Бродилова пустынь, Шаталов монастырь” – говорят о черноризцах, которых согнал с места диавол и которые с тех пор так и не нашли места покоя. Это люди, не пускающие корней, а потому не приносящие плода.

Они похожи на дезертиров с фронта, на которых одежда военная, но погоны сорваны» [Ткачев 2011а].

«Советские» монахи – это совсем другое по своей сути явление. Они были насильно изгнаны из монастырей и/или просто вынуждены были скрываться как от властей, так даже и от простого народа, поскольку были распространены доносы. Поэтому «монашество в миру», возникшее в эпоху гонений, следует признать новым явлением в Русской православной церкви.

О «катакомбной церкви» до нас дошло мало сведений. Сам термин, вероятно, возник на основе ассоциативной связи с катакомбными храмами первых времен христианства. Современные «катакомбные» церкви в Советском Союзе существовали также тайно, скрывались от властей и от народа, были известны только небольшой группе людей – членам общины. Богослужения проводились тоже тайно, нелегальные «храмы» находились в домах священника или одного из членов общины. О таких церквях рассказывается во многих современных житиях святых, например, в книге «Отец Арсений»:

«Стала звать его опять к себе жить, а он посмотрел на меня как-то по-особому, кротко-кротко и сказал: “Возможно ли это? Я ведь священник, иерей, молюсь подолгу и богослужение дома совершаю, а у Вас взгляды другие, вы неверующая, атеистка, кроме того, ко мне и друзья приезжать будут, и не один, а много. Неподходящий я для Вас постоялец”» [Отец Арсений 2016: 141].

О самой же истории возникновения катакомбных церквей богослов А.В. Слесарев сообщает следующее:

«Возникновение катакомбных (нелегальных) общин в Русской Православной Церкви явилось следствием церковной реакции на крайне радикальную религиозную политику, проводившуюся в советском государстве с первых дней его образования. При формировании катакомбных структур преследовалась цель сохранить от уничтожения апостольское преемство рукоположений посредством проведения тайных хиротоний и уберечь от преследований паству путем конспирации приходских общин. Появление первых катакомбных общин произошло после опубликования 19 января 1918 г. святейшим патриархом Всероссийским Тихоном (Белавиным) воззвания, анафематствовавшего гонителей русского Православия. В дальнейшем побуждающими факторами к образованию законспирированных церковных структур, имеющих

священническое или даже епископское возглавление, послужили ужесточения антирелигиозных гонений, сопротивление кампании по изъятию церковных ценностей, нежелание вступления в открытый конфликт с поддерживаемой большевистской властью обновленческой лжецерковью, а также резкая критика политики компромисса с коммунистическим правительством, допускаясь со стороны патриарха Тихона и митрополита Сергия (Страгородского)» [Слесарев 2012].

Итак, ход церковной истории показывает, что такое явление, как катакомбные церкви, было для РПЦ новым явлением.

Изменение, коснувшиеся текстов современных мученичеств, не затронули самого чина святости. Он сохранился в своем неизменном виде, поскольку мученичество – это первый и важный чин святости в христианстве, это подражание подвигу Христа. Так, первыми святыми Нового завета стали тоже мученики, принявшие смерть во свидетельство веры: Благоразумный Разбойник и первомученик Стефан, ставший первым мучеником первой христианской общины, а также все апостолы, кроме апостола любви – Иоанна Богослова.

Первыми святыми в XX веке стали также мученики. Мученичеству всегда сопутствовали преследования, поэтому гонения на Церковь XX века послужили мощному расцвету чина мученичества.

Среди современных мучеников, как и во времена первых христиан, были не только люди из народа или служители культа, но и высокообразованные, уважаемые люди, деятели науки и искусства, как например, святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Правда, святитель не был расстрелян, но пострадал, как исповедник, пройдя заточения и ссылки.

Многие читатели положительно отзываются о современных житиях-маририях, считают это важным, полезным чтением. Правда жизни, показанная в них, вызывает у читателей живой интерес. Например, на православном форуме «Мир Вам!» читателем под ником log11 был размещен следующий отзыв:

«Смотрел видео о трех новомучениках Оптинских и мурашки по коже... когда читал “Красную Пасху” около трёх лет назад, то эта книга многое во мне перевернула, заставила смотреть на многие вещи по-другому, её прочитали почти

все у нас на работе (крещеные и нет, и даже мусульмане) и никто не остался равнодушным... После этого я посетил Оптину пустынь, меня просто сразу потянуло туда. Долго стоял, разговаривал с ними, просил их молитв. Теперь я часто обращаюсь к ним за помощью и они мне помогают... **НОВОМУЧЕНИКИ ОПТИНСКИЕ о. ВАСИЛИЙ, инок ТРОФИМ, инок ФЕРАПОНТ, МОЛИТЕ БОГА О НАС!!!**» [Мир Вам! 2012].

Следует заметить, что это не единственный положительный отзыв на современные жития. Таких откликов пользователей сети Интернет очень много. Некоторые из них можно прочитать даже в приложении к книгам. Так, в книге «Серафим Вырицкий» размещен целый раздел «Отзывы на первые издания». Приведем один из этих отзывов:

«Дорогие о Господе!

Недавно к нам попала книжка “Старец Серафим Вырицкий”. Нельзя читать ее без слез и умиления. Столько духовной благодати получаешь и чувствуешь, что старец Серафим рядышком с тобою. Вот уж поистине «дивен Господь во святых Своих». Книжечку передаем из рук в руки. Низкий поклон вам за труды, что мы, грешные, сподобились ознакомиться с жизнеописанием и чудесами этого дивного старца...» [Отзывы на первые издания 2004: 119].

На наш взгляд, такие письма показывают, что почитание новомучеников и исповедников сложилось как традиция современной Церкви. Однако в этом вопросе можно заметить некоторое разногласие. Так, известные в православной среде люди в статье «Почитаем ли мы новомучеников?» (за 4.02.2012) на портале «Православие и мир» ответили на этот вопрос неоднозначно. Большинство склоняется к тому, что «пока почитание собора новомучеников и исповедников Российских не сложилось», [Данилова 2011] но все отмечают, что существует почитание отдельных святых [Данилова 2011].

Однако, чтобы понять суть спора, нужно прежде всего определить, что мы подразумеваем под почитанием/непочитанием святых. Все опрошенные в этой статье отметили, что службы новомученикам совершаются, жития издаются, однако это не было оценено ими как народное почитание. По всей очевидности, под почитанием/непочитанием каждый из них подразумевал что-то свое: возможно, свое личное отношение, домашнюю молитву.

В.Д. Сарычев так объясняет почитание святых в православии:

«Праведники не только призываются в молитвах, но и достойно чествуются или прославляются верующими. Почитание святых в Церкви выражается в благоговейном воспоминании их подвигов и дел, с целью подражания им, в празднествах в их честь, в сооружении храмов во имя святых и т. д. Это почитание – выражение нашего благоговения к святым как верным рабам и друзьям Божиим, освященных при помощи благодати Божией. Поэтому – здесь не только прославление самых святых, как наиболее полно отразивших в себе образ Божий, но и прославление Самого Бога, “дивного во святых Своих”» [Сарычев 2012].

Всё, что перечислено В.Д. Сарычевым в качестве признаков почитания: воспоминание подвигов, праздники и храмы в честь новомучеников – всё это присутствует в современном православии и указывает на почитание новомучеников.

В качестве доказательства народного почитания новомучеников можно привести ряд произведений современного фольклора с чертами «народного православия» – псалмы, духовные песни и духовные стихи (См.: произведения, посвященные оптинским новомученикам [См.: Светлой памяти 2012], Жанна Бичевская «Песня о святых Царственных Мучениках» [Бичевская 2018], «Песня Жуковские новомученики» [Sergey Aleynikov 2017], Нина Карташева «Новомученики от Царя до крестьянина...» [Карташева 1992]).

Приведем в качестве примера одно из стихотворений:

Плыл над землей пасхальный звон
Как избавление от страхов,
И вдруг раздался тихий стон –
Клинком пронзенных двух монахов.

Спешивший к ним на помощь брат
Убит ударом той же стали.
Теперь они у Царских Врат
Пред Господом своим предстали.

Какой безжалостной руке
Дано расправиться над ними

Кто три шестерки на клинке
И дьявольское вывел имя.

И соблазненный сатаной
Не ведал в ослепленьи диком,
Что тоже со своей виной
Он встанет пред Господним Ликом.

Что за его душой всегда
Кровавому тянуться следу,
Ведь сатанистам никогда
Не одержать в борьбе победу.

Как ни стремятся силы зла
Свернуть людей с дороги к Богу,
Вновь зазвучат колокола,
Другой звонарь забьет во славу Богу.

Пусть будет битва нелегка,
А речи сатаны лукавы,
Но нам победу на века
Несет Христос в сияньи славы.

Плыл над землей пасхальный звон...
Плыл над землей пасхальный звон...
Плыл над землей пасхальный звон...
Звени звонарь! Звени звонарь! Звени звонарь!

(Автор неизвестен) [Светлой памяти 2012].

Другой признак народного почитания – наречение именем святого новорожденного: многие родители дают имена современных святых своим детям:

«Среди подходящих и приносимых к Чаше детей до 10 лет многие носят имена Николай, Тихон, Алексей; очень многие девочки носят имя Елизавета, Александра или имена великих княжон. И в нашей семье есть Елизавета – образ святой преподобномученицы обладает удивительной притягательной силой; наверное,

даже в те поистине героические и одновременно трагические годы немного было у нас людей, обладающих такой внутренней цельностью и преданностью Божией правде, как святая Елизавета Феодоровна» [Данилова 2011].

Все эти факты, несомненно, указывают на то, что народная память помнит и чтит новомучеников и исповедников российских.

В качестве примера современного жития мучеников рассмотрим «Жизнеописание святителя Василия, епископа Кинешемского» [Орловский 2005], написанное иеромонахом Дамаскином (Орловским). Оно, несомненно, опирается на многовековую агиографическую традицию. Будучи начитанным, богословски образованным человеком, автор прекрасно знал, по какому принципу строится классическое житие. Однако жанр текста обозначен в заголовке как «жизнеописание», а не «житие». Думается, что жанр текста скорее приближается к житию, чем к сухому жизнеописанию, так как текст действительно построен как литературное произведение.

Вступительная часть с самоуничижительной формулой отсутствует. Агиограф начинает рассказ с рождения святого и его жизни, а в конце текста, вместо заключения, помещена переписка святителя с его духовными чадами. Видно, что агиограф не старался следовать каким-то определенным критериям, по которым надо писать современное житие, а писал так, как ему виделось правильным.

Итак, мы видим перед собой не мертвый текст, сухо воспроизводящий существующие жанровые каноны, а живой организм, аккуратно вобравший в себя как традиционные житийные каноны и образы, так и современные детали.

Житие начинается со стандартного мотива: описывается рождение святого от благочестивых родителей. Агиограф рассказывает, где родился святой, в каком году, упоминает его мирское имя (Вениамин Сергеевич Преображенский), говорит, кем были его родители. Уже в этой части видно, чем современное житие отличается от классического, так как в классическом обязательно присутствовало абстрагирование: читатель не знал точного времени, когда жил святой, который как бы существовал вне времени. Обычно для указания годов жизни святого, средневековый агиограф упоминал, во времена какого правителя он жил. Например, некоторые жития, написанные

святителем Димитрием Ростовским, начинаются с такой фразы: «Во времена нечестивого римского императора Декия». Значит, начало современного жития звучало бы так: «Во времена нечестивого большевика Ленина...». Конечно, это звучит забавно, поэтому ни одно современное житие не начинается с такой фразы.

Иеромонах Дамаскин (Орловский) с самого начала подчеркивает значимость родительского воспитания в жизни святого, подчеркивает, что родители будущего святителя были благочестивы: «Очищение ума и сердца таинствами и молитвой – в этом был смысл и цель земной жизни супругов. И потому родители старались оградить детей от влияния мира, зная, как трудно вырвать из сердца тернии грехов и страстей, если те уже проросли» [Орловский 2005: 3].

Здесь видно, что для описания автор использует известную христианскую метафору: «тернии грехов и страстей», которая, по всей видимости, восходит к евангельской притче о сеятеле.

Агиограф подчеркивает, что детство святого было подобно монашеской жизни: «Ни новостей, ни праздных разговоров не проникало за высокую изгородь их дома, покидать который детям воспрещалось» [Там же]. Не случайно также автор подчеркивает, что детство святого было таким недетски аскетическим. Такое построение жития характерно для монашеских житий: преподобных и святителей.

В житии присутствует также другой распространенный мотив: описываются чудеса, произошедшие во время крещения младенца и указывающие на его избранность. Следуя канону, автор рассказал и о крещении святого: «В самый день его крещения, когда Вениамина принесли из храма домой, к ним пришла странница-старушка, которая, глянув на мальчика, сказала: “Это будет великий человек”. Были и иные предзнаменования его незаурядного будущего» [Там же]. Здесь можно видеть топос *imitatio Christi*. Образцом для написания всех житий является евангельская история, поэтому во многих житиях можно видеть как бы повторение евангельских событий. В данном случае можно провести параллели с евангельскими событиями, когда в сороковой день после рождения Младенца, Дева Мария с Иосифом принесли Христа в храм. И хотя эти события в христианстве не приравниваются к

крещению (как известно, крещение заменило древнеиудейское обрезание), однако именно эта история подробно описана в Евангелии и могла так или иначе отражаться в житийных текстах. Как и в евангельской истории, к младенцу Вениамину пришла старушка (в Евангелии Младенца Христа встретили праведный старец Симеон, который и предсказал будущее, и старица Анна) и предсказала, что его ждет великое будущее. Автор упоминает, что это была странница-старушка. Странничество – это особый образ жизни, одна из древних форм святости. Образ странника не раз возникал на страницах русской классической литературы.

Следующее, на что хочется обратить внимание – это отношение современного агиографа к слову. Е.Л. Конявская заметила это явление в трудах древнерусских агиографов, она пишет: «По-видимому, со *словом* у древнерусского книжника были связаны две основополагающие ассоциации: Слово-Логос, сакральное несение Божественной истины, – и феномен, с которым пишущий имеет дело, можно сказать, профессионально (как синоним звучат также “буква”, “книга”) и владение которым есть премудрость» [Конявская 2000: 21].

Эта любовь к слову, к знаниям, образованности проходит через весь текст жития святителя Василия. Во-первых, автор подчеркивает высокую образованность Вениамина: он окончил гимназию, Киевскую Духовную академию, написал диссертацию, знал в совершенстве древние и новые европейские языки. Во-вторых, Вениамин предстает перед читателем не только как высокообразованный человек, но и как носитель, проповедник, служитель Слова: он был преподавателем иностранных языков, псаломщиком, и в конце концов стал епископом. Агиограф постоянно подчеркивает важность Слова для епископа Василия. Это, конечно, прочитывается уже в самом начале жития: в описании детских лет святителя («ни новостей, ни сплетен, ни праздных разговоров» – в этом читается трепетное, бережное отношение к слову). Далее мы видим щепетильное, ревностное отношение святого к Слову (еще до епископства): во-первых, «он стал проповедовать в храмах Кинешмы и ее окрестностях» [Орловский 2005: 5], во-вторых, «Вениамин приступил к созданию православных кружков, где изучению Священного Писания придавалось большое значение» [Там же]. В кружке Слово звучало в разных его

проявлениях: пели молитвы, читали Евангелие, жития святых, пели церковные песнопения, духовные стихи. Далее игумен Дамаскин пишет о том, что «в каждом человеке он (Вениамин) прежде всего старался пробудить интерес и жажду к духовному» [Там же: 6].

Любовь святителя к Слову проявляется также в его служении: святитель Василий служил в дни больших праздников и каждый четверг – всенощные в Вознесенской церкви. Агиограф упоминает также о необыкновенных проповедях святителя: он обладал исключительным ораторским даром, говорил так, что «некоторые совершенно меняли образ жизни; иные, следуя примеру святителя, раздавали имущество нищим, посвящая жизнь служению Господу и ближним» [Там же: 10].

Святитель исцеляет словом не только душу, но и тело: по его горячим молитвам люди получают исцеления.

В житии описаны также и другие чудеса и пророчества святого. Агиограф постоянно подчеркивает, что перед читателями не простой человек, а именно святой, обладающий дарами пророчества, прозорливости, чудотворения. О проповеди святителя, способной творить чудеса, агиограф пишет так: «Свет веры достигал и неверующих. Как бы ни относился иной человек к христианской вере и к Православной Церкви, почти всякий чувствовал, что слово, произнесенное епископом, отвечает внутренним запросам души, возвращает ей жизнь, а жизни – озаряющий смысл» [Там же].

Описание чудес автор предваряет такими словами: «Вскоре Господь стал открывать окружающим, что не только в проповеди даровал Он Своему рабу благодать, но и молитву его Он слышит и исполняет» [Там же: 17]. Агиограф описывает случаи исцеления от современных болезней: бесплодия, дизентерии, тифа.

О провидческом даре святителя агиограф пишет: «И тогда власти стали посылать в храм людей, поручая им во время проповеди епископа задавать искусительные вопросы, чтобы привести его в замешательство. Владыка провидел, что такие люди есть в храме, и заранее давал ответы на многие их вопросы» [Там же: 12].

Прозорливость, духовная рассудительность святого были показаны также на примере самовозгорающейся лампы. Агиограф начинает свой рассказ

такими словами: «Как истинный пастырь, святитель оберегал свою паству от всякого рода зла и заблуждений. Если узнавал, что кто-то из его духовных детей мыслит неправо, то спешил этого человека посетить» [Там же]. У одной духовной дочери святителя в полночь сама собой зажигалась лампадка. Она приняла это явление за благодатное, решила, что это от Бога. Однако святитель сказал ей, что это от бесов, наложил на нее епитимью и сказал, что лампада больше не будет зажигаться. После этого лампада, действительно, не зажигалась. Похожие случаи с лампадой не раз встречаются в традиционных житиях.

В этом житии также подчеркивается, что святой всегда старался скрывать свои дары. Смирение, стремление избежать человеческой славы – это характерная черта героев всех житий. Дар прозорливости тоже скрывается: на просьбу рукоположить одного человека в священники, святитель сказал: «Подождем», и только спустя некоторое время все узнали, что этот человек был болен и сошел с ума. Его болезнь была препятствием к священству, и это провидел святитель Василий.

В одном эпизоде женщина просила святителя благословить ее на поездку, однако тот сказал ей, что она должна сейчас пособороваться и причаститься, так как предвидел ее скорую кончину.

Другая женщина просила благословения вкушать в Великий пост один раз в день, но владыка благословил ее вкушать два раза в день, сказав, что иначе ее не хватит до Пасхи. Оказалось, что, когда наступил Великий пост, у нее заболели две снохи, и ей пришлось ухаживать за ними и за всем их хозяйством.

Присутствует в житии святителя Василия и такой обычный для древних житий эпизод, как видение. Автор описывает его так: «Одному из близких людей он рассказывал, что во время литургии Преждеосвященных Даров, когда хор поет “Ныне Силы Небесные с нами...”, он воочию видел предстоящие престолу Небесные Силы в образе белых голубей» [Там же: 14].

В отличие от древних житий, в тексте жития святителя Василия Священное Писание цитируется только один раз, и цитата не дословная, однако в письмах святителя Василия, приведенных после жития, Писание активно цитируется. Агиограф вкладывает в уста епископа Василия такие слова: «Но несмотря на это, Церковь победит, и врата ада не одолеют ее» [Там же: 26]. Это

– не совсем точная цитата из Евангелия от Матфея: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18). Однако неточность цитаты может быть объяснена тем, что слова в житии вкладываются в уста святого, а в устной речи некоторая неточность допустима. В то же время, в письмах святителя Василия можно видеть только дословное цитирование Писания.

Завершается данное житие подобно древним житиям. Характерное общее место многих классических житий – предсказание собственной смерти. Здесь опять же можно провести параллели с Евангелием, когда Иисус Христос неоднократно говорил ученикам о собственной смерти. В житии святителя Василия это предсказание выглядит так: «Разве я до этого времени доживу, подумал владыка, получив письмо. И в свою очередь написал, что здоровье его становится всё хуже, и он не надеется дожить до осени. 13 августа 1945 года епископ почувствовал приближение смерти и позвал жившую у хозяйки монахиню» [Там же: 34-35].

Автор жития предстает перед нами православным верующим человеком, уважительно относящимся к монашеству и образованности и негативно – к советской власти, которую называет «безбожной властью». Отрицательно воспринимает он и обновленчество, считая представителей обновленчества еретиками.

С точки зрения метода нарратологии, нарратор проявляет себя как имплицитный, недиегетический, первичный, слабо выявленный, безличный, антропоморфный, единый, объективный, всеведущий, вездесущий, внутринаходимый, профессиональный, надежный.

Из вышесказанного следует, что общая житийная фабула в современных мучениках чаще всего сохраняется, однако изменились как форма, так и содержание современных мучеников. Формальные изменения касаются сочетания в рамках одного текста мученичества и пространного жития. Изменения, коснувшиеся содержания, – это отсутствие сказочных мотивов, обилие подробностей, деталей биографии, чаще всего орудием мучения является расстрел. Часто упоминаются такие новые явления, как «монашество в миру» и «катакомбные церкви». Читатели нередко положительно отзываются о современных мучениках. Несомненно то, что новомученики и исповедники

российские почитаются в народе. Следует также отметить, что преподобнические и святительские жития, ранее существовавшие как отдельные типы житий, в конце XX – начале XXI столетий по большей части входят в состав житий-мантирий, так как большинство монахов и иерархов приняли мученическую кончину.

2.3.2. Жития Христа ради юродивых (блаженных)

Второй тип современных житий – жития юродивых, или блаженных.

Несмотря на то что среди современных канонизированных святых в большей степени представлены мученики, наиболее почитаемыми, как и раньше на Руси XV – первой половины XVII вв., остаются юродивые. В народе, особенно среди женщин, почитаются современные блаженные: Матрона Московская, Любовь Рязанская, Матрона Босоножка Петербургская и Ксения Петербургская и др., и, хотя почитание последней началось еще при ее жизни в XVIII веке, канонизация этой святой произошла лишь в 1988 году. Существует целый сборник житий блаженных XX века: «Блаженные старицы (XX век)» С.С. Девятовой [Девятова 2015], еще одна книга-сборник того же автора «Православные старицы XX века» [Девятова 2016], а также книга «Блаженные старицы Дивеевского монастыря» А.Н. Стрижева [Стрижев 2003].

Следует отметить, что на Руси число святых жен было невелико. Г.П. Федотов полагает, что их всего двенадцать [Федотов 1990: 214]. Он объясняет это явление тем, что «известная социальная принадлежность русской женщины, особенно в московский период, очевидно, сказалась и в духовной жизни: в отсутствии религиозной инициативы, героической жертвенности, в теплом характере благочестия» [Там же].

К тому же в обязанности женщин в первую очередь всегда входило хранение домашнего очага, воспитание детей; даже Церковь учила, что «жены в церквах да молчат» (1 Кор. 14, 34) и «жена спасется чадородием» (1 Тим. 2, 14-15), что могло сковывать женщину, не допускать её к религиозному к подвигу. Подвиг был, но это был другой – «домашний» подвиг.

По поводу распространенности подвига юродства среди женщин на Руси Г.П. Федотов отмечает, что «Древняя Русь знала юродивых жен (XVII в.), но ни

одна из них не была канонизирована» [Федотов 1990: 216]. В то же время мы можем наблюдать чрезвычайное распространение женского юродства и вообще женского подвижничества в XX веке, более того, эти подвижницы были канонизированы Церковью. В сборнике житий С.С. Девятовой «Блаженные старицы (XX век)» можно насчитать шестнадцать юродивых жен.

«За последние 30 лет Русская Православная Церковь канонизировала более 10 святых жен, Христа ради юродивых, подвиг которых требует осмысления» [Грудева 2013], – пишет Е.В. Грудева. Можно предположить, что это обусловлено активным включением женщины в общественную жизнь в XIX-XX веках и, конечно, другими обстоятельствами быта, историческими событиями в России XX века. Войны, революция, всколыхнувшие Россию, изменили отношение к женщине, но и у женщины в результате этих событий был сформирован другой характер, другое мировоззрение. Если в Древней Руси, по мнению Г.П. Федотова, преобладал подвиг жен-княгинь, то в XX веке это подвиг мирянок крестьянского происхождения. Сословная принадлежность была стерта, и важным становится сам подвиг святости, а не принадлежность к определенному сословию. Это уже примета времени, примета XX века. Хотя сам подвиг святых князей в XX веке также сохраняется.

В тоже время С.А. Иванов считает, что «...юродство возникает тогда, когда христианство не подвергается гонениям, а христианское государство – угрозе со стороны иноверцев; когда жертвенность, мятежность, парадоксальность раннего христианства постепенно уступают место покладистости и компромиссу» [Иванов 2005].

Игумен Дамаскин (Орловский) дает следующее объяснение распространению этого подвига в XX столетии:

«Прежде всего, этот подвиг сохранялся там, где вообще традиционно подвизались юродивые, например, около Дивеевского монастыря, где путь подвига преподобного Серафима Саровского оказался связанным с подвигом дивеевских подвижниц и Христа ради юродивых. Невозможность последовать подвигу прп. Серафима – крайней степени аскезы и пустынночества – нашла свое выражение в подвигах юродивых – Пелагеи Ивановны, Прасковьи Ивановны» [Орловский 2010].

В.М. Живов также указывает на то, что само слово «блаженный» возникло в России лишь в XIX веке и относилось к святым, почитаемым у католиков «в тех случаях, когда почитание их установилось до разделения церквей и тем самым признается православной церковью (ср.: блаженный Августин, блаженный Иероним Стридонский, блаженный Феодорит Кирский и т.д.)» [Живов 1994: 24]. В наше время, конечно, различия в значениях этих слов стерлись, и теперь юродивых называют как «блаженными», так и собственно «юродивыми».

Игумен Андроник (Трубачев) приводит четыре значения слова «блаженный»: 1. наименование чина юродивых, 2. наименование, которое употребляется по отношению к любому святому или еще неканонизированному праведнику, 3. наименование, относящееся к любому верующему человеку, стремящемуся к праведной жизни, со значением «счастливый, благополучный», 4. устоявшееся наименование некоторых святых [Трубачев 2002].

Слово «юродивый» также имело в русском языке много значений, даже больше, чем слово «блаженный». С.А. Иванов пишет:

«Необходимо оговориться, что “юродивый” – это сокращение более точного “Юродивый Христа ради”. Поскольку значения вроде “урод”, “врожденный калека” у слова “юродивый” давно исчезли, да и простого “сумасшедшего” больше не называют “юродивым”, усечение концептуально важного сочетания “Христа ради” вполне понятно. Теперь в православном дискурсе “юродивый” и значит только одно – “юродивый Христа ради”» [Иванов 2005: 11].

С.А. Иванов разъясняет также, что «православная точка зрения состоит в том, что такой человек добровольно принимает на себя личину сумасшествия, дабы скрыть от мира собственное совершенство и таким способом избежать суетной славы. Вторым побудительным мотивом юродства церковь считает духовное наставление в шутливой и парадоксальной форме» [Там же: 11-12]. Однако следует отметить, что наставления или обличения не всегда бывают в шутливой форме, иногда юродивый прямо и открыто обличает в грехах, на что обычно не оскорбляются окружающие, так как знают, что перед ними юродивый.

Чтобы показать отношение православного общества к современным блаженным, остановлюсь подробно на статьях о блаженной Матроне, и, хотя в них не упоминается мнение читателей о ее житиях, но отражается особенное, трепетное отношение к святой, народное почитание.

Обязательный критерий канонизации – прижизненные и/или посмертные чудеса. Блаженная Матрона совершила их великое множество, ее жития изобилуют рассказами о чудесах.

При анализе житийных текстов о Матроне было выявлено, что основной тип чуда блаженной – это помощь людям в житейских нуждах. В современных житиях гораздо больше, чем в традиционных, говорится о помощи в личных, бытовых, семейных проблемах. Возможно, это актуально для современного читателя жития и волнует его больше всего. В этих житиях он видит образцы для подражания. Ощущается нужда и стремление современных верующих людей в постоянной помощи святого, особенно в сложных ситуациях: житейских делах, неурядицах, болезнях.

Это явление наблюдается и в статьях о блаженной Матроне. Например, Н.Е. Сухинина пишет:

«Недавно позволила себе маленький эксперимент. Позвонила на выбор нескольким знакомым москвичам – получали ли вы помощь от блаженной Матронушки? Вот ответы.

– Она меня на работу устроила, я полгода пороги обивала, а пришла к ней, попросила...

– Моему мужу операция грозила, я к Матронушке, никогда так не рыдала, врачи и по сей день ничего понять не могут.

– Сын в Чечне воевал, так я, как на работу, в Покровский монастырь ходила, просила ее молитв. Вернулся...

– Дочка по блудному пути пошла, так я каждый день акафист блаженной Матронушке читала, вымолила.

– Квартиру я только благодаря Матронушке поменял» [Сухинина 2009].

Тот же автор восторженно пишет о Матроне:

«А она... Она подвижница, великая заступница Москвы. Она ее, Москву нынешнюю, преобразила. Визитная карточка православной столицы – длинная

очередь к ее мощам. Маленькая неимущая старушка, а Москва склоняется перед ней в покаянии и надежде» [Там же].

Образ Матроны в сознании простого читателя – это «заступница Москвы», «визитная карточка Москвы». Собственно, такие выводы читатель делает не просто так: само житие (варианты жития), приводит его к таким мыслям. Почти во всех житиях блаженной Матроны рассказывается предание о том, что как-то раз, когда она была на службе в Андреевском соборе, к ней, тогда 14-летней девочке, подошел сам протоиерей Иоанн Кронштадтский и сказал: «Матронушка, иди-иди ко мне. Вот идет моя смена – восьмой столп России». Само наименование Матроны «столпом России» в житиях можно встретить и без отсылки к конкретному случаю с праведным Иоанном Кронштадтским.

Почему же блаженную Матрону называют именно «восьмым столпом России»? Само слово «столп» имеет несколько значений; в этом случае оно обозначает – выдающийся деятель, являющийся надежной опорой чего-либо.

Число «восемь» имеет сакральное значение, означает полноту, завершенность. В христианстве «восемь» является символом Воскресения Господня, «символом возрождения; в этой связи оно становится эмблемой крещения водой (баптистерии – крестильни католических церквей нередко имеют форму восьмиугольника)» [Числа 2013]. Число «восемь» неотъемлемо связано с другим сакральным, библейским числом – «семь». Гуго Сен-Викторский разъяснял значение чисел, ведя отчет от шести дней творения: семь – это отдых после трудов, восемь – вечность после земной жизни [Там же]. Известно, что основа Церкви – семь Таинств (Крещение, Миропомазание, Исповедь, Причащение, Бракосочетание, Елеосвящение, Священство), а также – семь Вселенских Соборов. Число «семь» фигурирует также в предсказании старца Нектария Оптинского: «Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов» [Девятова 2010а: 131].

В связи с вышесказанным можно сделать предположение, что праведный Иоанн Кронштадтский, называя блаженную Матрону «восьмым столпом

России», вероятно, не хотел сказать, что она будет последней святой на Руси, а скорее, предсказывал духовное возрождение России.

Существует несколько вариантов жития Матроны Московской, а также жития Матроны для детей: «Матрона Московская. Повесть о житии» [Матрона Московская 2002] и «Детям о Блаженной Матронушке» [Детям о Блаженной Матронушке 2002].

Первое житие Матроны «Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны», написанное З.В. Ждановой [Жданова 1993], вызывало и до сих пор вызывает жаркие споры и неприятие со стороны как читателей, так и критиков, но именно на его основе были составлены многие другие, «исправленные» жития блаженной Матроны, потому что других воспоминаний о блаженной не сохранилось.

По мнению Ж.В. Корминой, издавая «Сказание», молодое издательство Ново-Голутвина монастыря преследовало свои определенные цели:

«Можно предположить, что занятые устройением монастырской жизни насельницы, в основном молодые и образованные, инициировали кампанию по подготовке канонизации старицы Матроны, планируя сделать ее “своей” святой, которая привлечет в их обитель паломников и инвестиции. Однако после прославления Матроны в 1999 г. как местночтимой московской святой ее мощи были переданы в московский Покровский монастырь на Таганке» [Там же: 7].

Конечно, при написании или издании книги непрославленного праведника трудно предсказать, насколько он будет почитаемым в православной среде. Однако у Ж.В. Корминой имеются предположения о том, что книги, подобные «Сказанию...», возникли как ответ на запросы общества верующих. Она пишет об этом:

«Анализ агиографических публикаций середины 1990-х гг. показывает, что идея прославления такой принципиально новой святой – старицы – возникла не на пустом месте. В православной среде этого времени сформировался повышенный спрос на женских святых определенного типа – мирянка, инвалид (слепая от рождения и/или парализованная) или юродивая деревенского происхождения, жившая в советское время и почитаемая как

старица, т. е. духовная наставница, обладающая даром предсказания и, как правило, целительства» [Там же].

Почему же именно «духовная наставница, обладающая даром предсказания и, как правило, целительства» [Там же]? Чтобы понять причину столь быстро растущей популярности «Сказания...» и других подобных книг, нужно вспомнить реалии того времени. В конце XX века в Советском Союзе в СМИ стремительно стали распространяться оккультизм, эзотерика, астрология и прочая мистика: в конце восьмидесятых и начале девяностых годов советское телевидение показывало сеансы «экстрасенса» А.В. Чумака и «психотерапевта» А.М. Кашпировского, большой популярностью пользовалась также целительница Джуна, а о слепой болгарской предсказательнице Ванге знал весь Советский Союз. К сожалению, по этой причине многие читатели сравнивали Матрону с Вангой, однако Матрона, в отличие от болгарской прорицательницы, не была столь известна при жизни.

Описанные тенденции, к сожалению, до сих пор сохраняются в российском обществе: издаются газеты, журналы и книги о мистике и оккультизме, выходят передачи о паранормальных явлениях, начиная с 90-х годов XX века распространяются учения различных сект, таких как «Свидетели Иеговы», община Виссариона, секта Гробового и многих др., поэтому нет ничего удивительного в том, что в «Сказании» так много говорится о колдовстве и колдунах. Прекращение действия запретов советской идеологии, с одной стороны, явилось возможностью для возрождения Русской православной церкви, а с другой стороны, открыло интерес ко всему потустороннему, нематериальному, оккультному.

Об этой же оккультной стороне «Сказания...» писал дьякон Андрей Кураев в книге «Оккультизм в православии» [Кураев 1998]. Он считает, что

«именно распространение такого рода книг хулит память святых, а никак не критика подобного рода апокрифов. Книжка удачная, читая ее, так и слышишь неподдельные разговорные интонации, бабушкины пересуды. В качестве источника по этнографии, по народным верованиям она ценна и незаменима. Но боюсь, что издана она не для этнографов. И читается она скорее как введение в мир Православия. Но Православие, предстающее со страниц этой книжки, очень уж странное. На всю книжку в 126 страниц ни одной цитаты из Евангелия. Лишь на

последней страничке приведено одно изречение апостола Павла и это единственное место из всей Библии, упомянутое составителями и рассказчиками. Даже имя Христово практически отсутствует в этой книжке. Все связывают свои надежды и верования только с Матронушкой...» [Кураев 1998: 86-87].

«Сказание о житии» начинается с главки под названием «Вместо предисловия», в которой нарратор кратко излагает основные вехи жизни и чудес Матроны Московской. Он нарочито подчеркивает, что родители Матроны были крестьянами, «были обычные, трудолюбивые люди, работали на поле, жили бедно, печку топили по-черному, соломой, дров не было, зимою спали в печке» [Жданова 1993: 1]. Здесь не говорится о том, что родители ее были набожными, благочестивыми, как это обычно подчеркивалось средневековым агиографом. Хотя и в некоторых древних житиях можно встретить упоминание о том, что святой происходил от нечестивых родителей, язычников. Возможно, в данном житии нарратор указывает на то, что родители святой были обычными, для того чтобы таким образом подчеркнуть особенность блаженной Матроны. В этом предложении нарратор красочно раскрывает всю жизнь маленькой Матроны: то есть жили очень бедно («дров не было»), в холоде («зимой спали в печи»). Таким образом, в тексте возникает топос *imitatio Christi*: блаженная Матрона, как и Христос, родилась в бедной семье, жила в бедности, позже о ее жизни можно будет сказать словами Христа: «лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Матф. 8: 20), что также указывает на топос *imitatio Christi*. Так, З.В. Жданова с самого начала подчеркивает необычность и трудность жизненного пути блаженной.

Этот топос использован и в детском житии блаженной Матроны: «Потом я кое-что узнал, услышал и прочитал о Матронушке – маленькой, беспомощной и бездомной бродяжке, которой, как и Спасителю нашему, негде было голову приклонить и у которой не было ничего, кроме Бога» [Матрона Московская 2002].

Уже в предисловии нарратор готовит читателя к чему-то необычному, подбирая следующие слова, указывающие на избранность Матроны и исполненность ее Духовными Дарами: «вещее сновидение», «необыкновенные знамения», «особое избрание», «дар духовного рассуждения и ведения»,

«способность предсказывать различные события», «духовное зрение», «прозорливость», «чудотворения», «исцеления». Нарратор называет Матрону также «Светильником Божьим» и «подвижницей». Всё это готовит читателя к тому, что перед ним предстанет великая святая.

В этом же предисловии упоминается и другой топос: гнушение детскими играми. О маленькой Матроне сказано, что «она рано перестала играть с детьми, потому что сверстники ее обижали, и почти всегда была дома» [Жданова 1993: 2]. Но здесь нарратор объясняет отказ от игр не волей самой святой, а тем, что ее обижали сверстники. В то же время в тексте жития можно видеть, что маленькая Матрона не гнушалась игр, любила «играть» с иконами.

«Сказание» состоит из пятнадцати рассказов свидетелей: родственников, друзей, знакомых, близко знавших Матрону. Рассказы эти, по всей очевидности, были переработаны и дополнены автором-составителем З.В. Ждановой. Это проявляется в том, что в рассказах, изложенных от первого лица, вдруг возникает третье лицо. Например, в рассказе Антонины Борисовны Малаховой неожиданно говорится: «Бабушка Антонины сломала палец, пошла к Матроне (...)» [Там же: 24]. В то же время после этой истории в тексте упоминается другая Антонина, «которая постоянно ухаживает за могилой Матушки» [Там же: 26]. О какой из них идет речь дальше – о рассказчице или другой женщине, непонятно.

В этом же рассказе можно встретить авторские отступления, из которых опять же не явствует, чьи слова приведены – нарратора, рассказчицы или самой Матроны:

«В детстве блаженная Матрона играла в куклы. То есть как понять “играла”? Она ходила в широком платье. Нашили ей самодельных кукол, и вот она бросала по одной этой кукле за пазуху, и они проскакивали через платье и падали вниз. Этим она показывала, что матери будут убивать своих детей во чреве.

Еще Матрона говорила, что краситься большой грех, человек портит и искажает образ естества человеческого. Дополняют того, чего не дал нам Господь, придумывают поддельную красоту, что ведет к развращению, таким образом в аду этим людям будет плохо» [Там же: 24].

Здесь видно, что даже из обычной игры в куклы нарратор хочет вывести назидание или какое-либо пророчество святой. В то же время средневековые агиографы не толковали с такой легкостью поведение или сны святого, понимая, что толковать может только человек, сам обладающий духовным опытом и святостью.

В рассказе Сифаровой Ксении Ивановны также присутствует авторское отступление. После её рассказа о молебне по случаю засухи нарратор в дополнение к сказанному излагает свои воспоминания: «Я, Жданова Зинаида, будучи девочкой лет 8, жила летом у бабушки в с. Себено и присутствовала на таком молебне...» [Там же: 9]. Тем самым нарратор как бы подтверждает слова рассказчицы, убеждает, что эти события действительно происходили.

Нельзя не заметить, что начало рассказа написано в сухой, протокольной манере, что, хотя и вызывает доверие у читателя, указывая на достоверность событий, но в то же время оставляет впечатление отчета, протокола.

В большинстве рассказов в житии говорится о колдовстве, «порченных», бабках, гипнотизерах, колдунах и колдуньях. Слово «порченный» имеет несколько значений: «подвергшийся порче, больной (от колдовства, наговора); не совсем нормальный, странный» [Порченный 1998]. Полный церковно-славянский словарь, составленный протоиереем Г. Дьяченко, для толкования значения этого слова, обращается к греческому аналогу славянского слова «порча» – «*farmakeo*», обозначающему ‘яд, отрава’, и дополняет значение: «Иногда берется за самое действие данного яда, т. е. за самую болезнь» [Полный церковно-славянский словарь 1993: 460].

Интересное объяснение этому термину дает в своей книге «Об одном древнем страхе: Кого и как “портят” колдуны» игумен N:

«Процесс наведения порчи издревле имел во многих славянских языках несколько синонимических наименований, например: *чарование, обавание, волхование, волшебство, ведовство* (от “вЕдение”), *знахарство* (от “знание”). А людей, которые обладали специфическими знаниями, позволявшими входить в контакт с демоническими силами, называли, соответственно, *чародеями, волхвами, обавателями, волшебниками, ведунами, знахарями*, а также *портёжниками* (от слова “портить”). Об этих людях и о последствиях их деятельности “Толковый словарь живого великорусского языка” В. Даля (1-е издание его появилось в 1861-

68 гг.) говорит следующее: «*Портежник, портежница и порчельник, порчельница; портельщик портельщица* [выделено автором книги] – *кто портит людей или скот чарами, дурным глазом, наговорною водою, знахарством*» [Игумен 2006].

Далее игумен N поясняет:

«В настоящее время славянские термины: *чарование, обавание, волхование* и проч. давно уже вышли из употребления и, как правило, заменяются двумя более современными терминами: “колдовство” или “магия”, которыми в дальнейшем будем пользоваться и мы. Таким образом, именно колдовство (магия) является главным способом наведения порчи на человека и домашних животных» (выделено автором книги) [Там же].

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля выделяет следующие значения слова «порченный»: «Порченный – в виде существительного, испорченный злым знахарем, на кого находит, напущено; припадки в виде падучей, пляски Вита, кликушества, беснованья и пр.» [Даль 2012]. Словарь С.И. Ожегова дает следующие значения: «1. Испорченный, негодный (разг.), 2. Больной, ненормальный от порчи» [Ожегов 1972: 520].

Можно видеть, что слово «порченный» употребляется в разговорной речи, в народе, а его книжный аналог – «беснование». Однако нарратор жития использует народное слово, в то время как в традиционных житиях вместо этого термина обычно употребляются термины «бесноватый» и «беснование». Сам этот факт указывает лишь на то, что нарратор использует знакомое ему слово, которое сам часто употребляет в бытовой речи. Но в то же время оно связано со словом «порча», и этот факт, по-видимому, смущает многих читателей, в сознании которых оно ассоциируется с «порчей», «колдовством», «заговорами». Если бы редактор заменил его на нейтральное, книжное «бесноватый», то, возможно, оценка читателей и критиков жития не была бы такой резкой и категоричной.

Неизвестно также, кто из писателей, автор-составитель или рассказчицы, использовал в своей речи такие обороты. Однако во многих рассказах можно встретить слова: «бабка», «порченные», «колдовство», даже фразу: «С кем что-

нибудь “сделают” – к ней идут», невольно указывающую на порчу. Поэтому не случайно многие критики и читатели оценивали это житие отрицательно.

Упоминание о порченных и колдовстве встречается не только в рассказах свидетелей, но также и в повествовании самой З.В. Ждановой. Книгу, начинающуюся словами автора, логически завершает глава «Восьмой столп России», также написанная автором. Эта глава изобилует рассказами о колдовстве и порченных. Нарратор все время подчеркивает, что Матрона боролась с колдунами.

Нарратор не ограничивается только своими воспоминаниями о блаженной, но использует также воспоминания знакомых и даже малознакомой женщины: «Эту историю мне рассказала малознакомая Верочка...» [Игумен 2006], что также может вызывать недоверие у читателей.

И воспоминания нарратора, и воспоминания свидетелей полны описаний снов, несмотря на то что тут же в тексте говорится о том, что блаженная Матрона учила не верить снам.

З.В. Жданова завершает свое повествование нравоучением:

«Теперь, когда жизнь на земле подходит к великому ожидаемому концу обличения за грехи человеческие, все содрогается в муке. Видишь великую битву добра и зла, и силы эти борются за каждую душу, за каждое проявление жизни. Злая сила губит открыто истоки жизни нашей, и, если бы не великая Сила любви к нам, людям, Творца нашего, погибать бы всем. Ад весь вооружился, и уже откровенно выступил всей силой своей: экстрасенсы, колдуны, факиры, маги, волшебники, астрологи, “тарелки” и вся нечисть соблазнительей, губителей обрушена на творение Божие – человека, на всю тварь и на всю красоту земную. Заселяют человека, как дома свои, всех признавших могущество зла и всех прельщающихся на лживые обещания: продления жизни, здоровья и силы» [Жданова 1993: 124].

В этом отрывке З.В. Жданова еще раз показывает, что мир «лежит во зле». В принципе схожая модель присутствует и в традиционных житиях, однако примечательно, что здесь текст «модернизирован», нарратор не просто говорит, что «мир лежит во зле», но и перечисляет это современное зло: «экстрасенсы, колдуны, факиры, маги, волшебники, астрологи, “тарелки”» [Там же: 125]. Если средневековый автор апеллировал к Священному Писанию, используя евангельские образы и сюжеты, употреблял слова «дьявол», «сатана», «бесы»,

то в этом современном тексте мы можем видеть появление современных реалий.

Судя по сообщениям на православных форумах, читатели очень по-разному восприняли «Сказание о житии». Среди них можно выделить тех, кто: 1) не против существования такого жития, хоть и видит в нем суеверия; 2) против жития и считает, что его надо запретить; 3) духовно пострадал от таких житий; 4) сомневается в праведности Матроны [См.: Благовест 2002-2008].

Многие читатели, возможно, в некоторой степени находясь под влиянием критики дьякона Андрея Кураева, видят в этом житии обилие оккультизма – указание на порчу, сглаз. Например, на православном форуме «Благовест: дискуссионный клуб» в теме «Сглаз и порча: отношение Церкви», от 15.12.2002 г., можно встретить такие размышления читателей:

Юлия: «Один из Соборов постановил, что вера в сглаз и прочее подобное противоречит учению Церкви. Даже, кажется, отлучение на сколько-то лет предусмотрено. А сейчас в книгах, изданных “по благословению...”, то и дело сглаз да сглаз. Книги о св. Матроне, о Макарии... Кто поможет разобраться?» [Благовест 2002-2008].

Домна: «Да, действительно, в книге о св. Матроне Московской практически всё – о сглазах, колдовстве, кому-то там “на смерть сделали”... Я тоже не знаю, как к этому относиться. Тема, по-моему, важная» [Там же].

Здесь мы можем видеть отрицательное отношение читателей к этому житию: «то и дело сглаз да сглаз», «в книге о св. Матроне Московской практически всё – о сглазах, колдовстве, кому-то там “на смерть сделали”...», а также столкнуться с известной проблемой: в православных книгах «по благословению» могут встречаться умозрения совсем не православного духа и даже далекие от православия. В таких случаях «благословение» может оказаться поддельным, или же архиерей, у которого оно было получено, по каким-то причинам не читал этой книги.

Но есть, как уже говорилось выше, читатели, которые лояльно относятся к такому житию и даже защищают его и блаженную, например, на том же форуме, в той же теме, другой читатель Владимир_А, пишет:

«Ведь разговор начался с того, что “в книге о св. Матроне Московской практически всё – о глазах, колдовстве, кому-то там "на смерть сделали"...”. Св. Матрона за проблемами, бедами, несчастиями обращавшихся к ней людей видела действие невидимой враждебной человеку силы. Она жила среди простого народа и объясняла эту вражду на доступном простому человеку языке <...> Св. Матрона показала, как надо относиться к колдунам, магам, чародеям и т. д. “Незачем тебе приходиться ко мне”, и тем более нам к ним незачем ходить» [Там же].

Данный читатель также сообщает, каким вариантом жития Матроны он пользуется и какому доверяет:

«Я пользовался книгой “О жизни и чудесах блаженной Матроны” – М.: Даниловский благовестник, 2001 г. Издана по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В этой книге помещено краткое жизнеописание, воспоминания З.В. Ждановой, рассказы о чудесах блаженной Матроны, акафист и др.» [Там же].

Можно заметить, что в данном случае читатель доверяет надписи «по благословию», а именно патриаршему благословию.

Далее Владимир_А защищает житие Матроны, хоть и упоминает отрицательные отзывы о ней:

«О книге З.В. Ждановой, действительно, существует много отрицательных отзывов. Называют ее “ждановской клеветой”, ждановщиной. <...>

Пренебрегать воспоминаниями Ждановой, думаю, не следует, потому что сама блаженная благословила ее рассказать о ней людям. Книга писалась во свидетельство о том, что она (Жданова) лично видела и слышала, – и в этом ценность воспоминаний. Она не думала о том, чтобы удовлетворить требования комиссии по канонизации или требования рафинированного православия, брезгующего чирьями и килою. <...>

Самое ценное в воспоминаниях З. Ждановой то, что мы ясно видим нравственный облик матушки – облик истинной христианской подвижницы. Любовь к Богу и ближнему, ясное понимание того дара, которым наградила ее Господь, ревностное исполнение своего служения, нестяжательность, кроткий нрав – вот истинно христианские добродетели, которыми обладала блаженная Матрона. Со смирением она переносила скорби, притеснения. Вспомним Пелагею, которая держала матушку впроголодь, а сама пила, ела, пьянствовала за счет матушки. Неслучайно блаженная Матрона не имела своего угла, находилась всегда на

людях. Даже по ночам за ней подсматривали, подслушивали. Видимо, надеялись увидеть какие-то тайнодействия или полет на метле; но ничего, кроме молитв и поклонов, не видели. Сама немощная, ничего не имеющая, неграмотная, но скольким помогла!..» [Там же].

Многие критики и читатели видят в книге З.В. Ждановой суеверия и оккультизм, а образ Матроны воспринимают как образ колдуньи, однако у читателя Владимир_А эта книга вызывает иное отношение: «Самое ценное в воспоминаниях З. Ждановой то, что мы ясно видим нравственный облик матушки – облик истинной христианской подвижницы» [Там же].

По поводу одного и того же жития можно встретить совершенно противоположные отзывы читателей. Кого-то оно смущает, а кого-то, наоборот, приводит к вере, вызывает любовь и уважение по отношению к святой. Например, на том же форуме читатель Миша видит в этом житии оккультизм:

«Очень обидно, что имя Святой Матроны ассоциируется с порчей, сглазом и т. д. Здесь все просто: книга о житии Матроны Московской была написана замечательными людьми, хорошо знавшими Матушку, но, к сожалению, люди эти были неграмотны богословски, бабульки писали эту книгу. И, естественно, привнесли в свое повествование тьму суеверий. Ну отнесемся к ним снисходительно и любовно! А сами обретаем веру в Спасителя...» [Там же].

В сознании этого читателя возникает отрицательный образ автора жития: «люди были неграмотны богословски», «бабульки писали эту книгу».

Другой читатель, Dima, относится к сомневающимся читателям, он подвергает сомнению православный дух Матроны:

«Дорогой Владимир_А, я бы на вашем месте не стал пользоваться этой книгой о св. Матроне. <...>

Со страниц этой книги подвижница, которая, по мнению Синодальной комиссии по канонизации святых, достойна прославления и почитания как местночтимая святая, предстает скорее в качестве колдуньи.

По сути своей тот взгляд на Матрону, который выражен в этой книге, не является православным. Это скорее жизнеописание какой-нибудь магической целительницы и ясновидицы вроде Ванги, но не христианки.

В сентябре 1997 г. Синодальная комиссия по канонизации святых отклонила книжку З. Ждановой в качестве источника для канонизации Матроны. <...> Комиссия не ставила вопрос о том, чьи же верования были нецерковно-фольклорны: только ли Ждановой или же и ее наставницы – самой Матроны» [Там же].

Как видим, по мнению этого читателя, образ Матроны, показанный в книге, не соответствует церковным, православным канонам. Читатель высказывает мнение, схожее со взглядами дьякона Андрея Кураева, активно выступавшего против этой и подобных ей книг.

Об этом же житии можно встретить восторженные отзывы читательниц, на которых книга произвела большое впечатление, вызвала желание съездить на могилку к блаженной и непременно подарить эту книгу всем своим знакомым. Вот пример из воспоминаний рабы Божией Фотиинии (Москва):

«Однажды я рассказала схимнику о том, как во сне мне явилась благообразная старица.

Она предложила мне четыре яблока, а когда я стала отказываться, говоря, что у меня есть свои, она ответила:

– Бери, бери. Они освященные.

Схимонах внимательно выслушал меня, и спросил: знаю ли я что-нибудь о блаженной Матроне, похороненной недалеко от монастыря на Даниловском кладбище. Я ответила, что никогда раньше не слышала о блаженной, тогда схимник попросил меня подождать у дверей братского корпуса. Через несколько минут он принёс из кельи книгу маленького формата в мягком переплёте: “Сказание о житии БЛАЖЕННОЙ СТАРИЦЫ МАТРОНЫ”.

Я не могу передать то впечатление, которое произвела на меня эта книга, скажу только, что ничего подобного раньше мне читать не приходилось. Позже я с большим трудом разыскала православную лавку, где еще продавалась эта книга, уговорила дать мне несколько экземпляров, оставила под залог свой паспорт, с тем, чтобы спустя некоторое время вернуть деньги за книги.

Мне хотелось, чтобы у многих моих родных и знакомых в доме появилась книга о Блаженной Матроне» [Свет. Блаженная 2015].

Книги о блаженной Матроне вызывают восторженные отклики в основном у читательниц, которые являются, скорее всего, новообращенными, неопитами. Судя по отзывам, читательницы воспринимают такие книги

сердцем, не критически по сравнению с мужчинами-читателями. Возможно, это происходит еще и по той причине, что книга о Матроне написана женщиной; многое, описанное в ней, близко женскому самосознанию, например, описание быта, поисков супруга и т. д.

Приведем еще один похожий отзыв с «желанием съездить к ней на могилку». Пишет Лидия Васильевна Б., г. Жуковский: «Прочитав книгу “Сказание о житии блаженной старицы Матроны”, я загорелась желанием съездить к ней на могилку. Я очень волновалась и боялась ехать одна, но какая-то сила меня туда звала, и я поехала...» [Жукова 2015]. В этом отзыве поездка на могилку блаженной Матроны показана как чудо, и снова видно восторженное отношение читательницы к святой.

Вот похожий отзыв читательницы, в котором поиск книги о Матроне показан как чудо. Пишет Раба Божия Раиса:

«О блаженной Матронушке мы впервые узнали из вашей газеты. В статье упоминалось название книги о ней – “Сказание о житии блаженной старицы Матроны”. Нам очень захотелось прочитать ее и узнать о старице подробнее. Но как мы ни старались, найти эту книжку не могли. Нам отвечали в книжных лавках, что если она и появляется в продаже, то расходуется сразу же. Мы почти отчаялись найти эту книгу, как совершенно неожиданно нам дала ее почитать одна женщина, от которой мы этого никак не ожидали, и, если бы кто сказал нам об этом, не поверили бы. Верю, что это произошло по молитвам Матушки Матроны. После прочтения этой книги я стала еще чаще обращаться с молитвой к блаженной. Помощь ее приходила сразу же и в таких случаях, когда “по букве” поступать было не совсем удобно» [Раба Божия Раиса 2002].

В этом отзыве можно видеть, что не только поиски книги показаны как чудо, но и говорится о последующих помощях-чудесах по молитвам к блаженной.

Итак, в соответствии с изученными материалами можно сделать вывод о том, что у большинства читателей сложилось отрицательное отношение как к житию Матроны, написанному З.В. Ждановой, так и к его автору. Основная причина такого отношения – некорректное использование автором жития лексики.

Как мы уже убедились, в XX веке наблюдается чрезвычайное распространение подвига юродства в основном среди мирянок крестьянского происхождения.

В современных житиях, в частности в житиях о юродивых делается акцент на помощи святых в чисто житейских проблемах, что отличает современные жития от древних. Это объясняется тем, что у современных верующих появилась нужда в постоянной помощи святого, особенно в сложных ситуациях: житейских делах, неурядицах, болезнях.

Святая блаженная Матроны – наиболее популярная юродивая XX века – воспринимается в сознании простого читателя как «заступница Москвы». Нарратор жития Матроны Московской использует в своем тексте народное слово «порченный», в то время как в традиционных житиях вместо этого термина обычно используются: «бесноватый» и «беснование». Этот факт смущает многих читателей, в сознании которых слово «порча» ассоциируется с «колдовством», «заговорами», а образ святой блаженной Матроны превращается в образ колдуньи.

Вместо используемых в средневековых житиях образов потустороннего мира – дьявола, сатаны, бесов, в современных житиях появляются люди, связанные с этим миром – экстрасенсы, колдуны, факиры, маги, волшебники, астрологи, «тарелки». В связи с этим в сознании читателя возникает отрицательный образ автора жития.

Многие читатели солидарны в своем мнении с заключениями об этой книге дьякона Андрея Кураева, который рассмотрел его в свете оккультизма. С другой стороны, существует достаточно большая аудитория, в основном представленная новоначальными прихожанками храмов, воцерковляющимися читательницами, неофитами, на которую данная книга произвела большое влияние. После прочтения жития они желают съездить на могилку к блаженной и подарить книгу с ее житием своим знакомым.

2.3.3. Жития праведных

Третий тип современных житий – жития праведных. Это такой тип житий, в которых описывается жизнь благочестивых людей, угодивших Богу, живя в миру, и умерших своей смертью чаще всего в старости.

В «Законе Божьем» об этом чине святых говорится следующее: «Праведные проводили праведную, угодную Богу жизнь, живя подобно нам в миру, будучи семейными людьми, как например, св. праведные Иоаким и Анна и др.

Первые праведники на земле: родоначальники (патриархи) человеческого рода, называются праотцами, как например: Адам, Ной, Авраам и др.» [Слободской 2009: 36].

Этот чин святости не столь характерен для современных житий, так как, в связи с гонениями на христиан, в советские времена было очень много православных христиан, принявших мученическую кончину, то есть расстрелянных или замученных, умерших в советских лагерях; к мученикам-исповедникам веры причисляют также тех, кто, побывав в лагерях, вернулся оттуда живым и умер позже своей смертью.

Святые праведники не являются новыми для агиографической традиции. Однако Г.П. Федотов отмечает, что чина праведных как такового на Руси почти не существовало: «Святые князья и юродивые почти исчерпывают мирянский чин святости на Руси. <...> Немногие имена святых мирян, остающиеся вне обоих списков, рельефно оттеняют некоторые черты русской народной религиозности» [Федотов 1990: 211].

Он причисляет к мирянскому чину святости Артемия Веркольского (год смерти – 1545) – мальчика, убитого молнией, праведного Симеона Верхотурского (год смерти – 1642), страстотерпцев и святых жен, из которых многие отнесены или к мученицам, или к преподобным. Страстотерпцы обычно принадлежат к мученическому чину. Из святых жен к чину праведных в его первоначальном смысле относится только Иулиания Лазаревская.

К относительно современным святым можно отнести праведного воина Феодора Ушакова (умер в 1817, канонизирован в 2000 году) и праведного Феодора Томского (умер в 1864, канонизирован в 1984 году).

Кроме того, нельзя не обратить внимания на такое интересное явление, как праведники Русского Севера XVI – XVIII вв. Их почитание долгое время распространялось в народе и не признавалось официальной Церковью [Рыжова 2007]. Это праведные Иоанн и Логгин Яренгские, праведный Кирилл Вельский, праведный Афанасий Наволоцкий, праведный Прокопий Устьянский, а также уже упомянутый нами Артемий Веркольский и др. Их жития Л.А. Дмитриев называл «народными житиями», а их жанровую форму – «легендарно-биографическими сказаниями» [Дмитриев 1970: 390].

Само построение северорусских житий значительно отличается от классических житий: в них отсутствует собственно биографическая часть жития святого, поэтому они не могут быть выбраны для сопоставления с текстами современных житий о праведных. Подробно специфику этих житий рассматривает Е.А. Рыжова в статье «Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера» [Рыжова 2007].

Любопытно, что у Г.П. Федотова есть отдельная глава «Святые миряне и жены», а у В.М. Живова в «Кратком словаре агиографических терминов» подобная глава отсутствует. Еще один интересный факт – отсутствие канонизации священников из белого духовенства в Древней Руси. Г.П. Федотов замечает по этому поводу:

«В объяснение отсутствия святых священников в русской церкви можно указать на низкий уровень белого духовенства в Древней Руси и малое уважение к нему. Исторические памятники касаются этого сословия лишь для того, чтобы указать на какие-либо его недостатки. Историки изображают сельское духовенство мало отличающимся по хозяйственному быту и по образованию от крестьянского населения. Следовательно, иерейская праведность не выделялась из праведности мирянской. Но мирянская святость была канонизирована в своих крайних концах: как княжеская и как юродская. Белое духовенство представляло, в социальном и бытовом отношении, общественную середину, и отсутствие святых иереев не более удивительно, чем отсутствие святых бояр или купцов. Духовное же сословие в целом, как клир, было представлено святым епископом» [Федотов 1990: 213-214].

Напротив, в современных житиях именно чин праведных священников из белого духовенства выходит на первый план. И.К. Смолич объясняет это

явление особыми брожениями, происходившими в обществе благодаря публицистике 1960-1970-х гг.: «Интерес общества к своим проблемам и широта их обсуждения не могли не оказать воздействия на духовенство. Публицистика активно будила его дремавшие и до поры подавленные силы. Всё чаще стал появляться приходской священник нового типа, искавший новых путей пастырского служения и ревностно трудившийся над обустройством приходской жизни. В церковных общинах возникали братства, занимавшиеся благотворительностью и народным образованием» [Смолич 1996: 376].

На появление такого чина святости повлияло, конечно, не только это, но также и пример личной святости, например, личный пример и деятельность митрополита Филарета Дроздова, время правления которого даже называют «веком митрополита Филарета» (с 22.08.1826 по 19.11.1867) [Там же: 717]. Он был также участником составления Манифеста 1861 года об отмене крепостного права [Филарет 1998: 1276]. Отмена крепостного права меняла те условия, в которых развивалось духовное сословие и таким образом влияла на их нравственное, духовное и умственное состояние [Смолич 1996: 371-382]. Личность митрополита Филарета сыграла также немалую роль в жизни святого праведного Алексия Мечёва, житие которого мы будем рассматривать ниже.

Наиболее известными и почитаемыми «священниками нового типа» стали три пастыря конца XIX – начала XX вв.: святой праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев), святой праведный Алексей Московский (Мечёв) и святой праведный Александр Вологодский (Баданин). Эти священники были также духовно связаны между собой. Праведный Иоанн был лично знаком и с праведным Алексием, и с праведным Александром. Именно отец Иоанн поддержал и утешил отца Алексия Мечёва, когда последний потерял свою любимую жену и был убит горем, таким образом, в какой-то степени, появлением святого праведного Алексия мы обязаны отцу Иоанну. С праведным же Александром Баданиным отец Иоанн был знаком, так как часто бывал в Вологде проездом на родину [Девятова 2010а: 192].

Жития праведников выделяются в отдельную группу на основании следующих особенностей, о которых пишет, в частности Т. Р. Руди:

«Говоря о специфике этого типа житий, можно отметить, что в них наиболее часто встречается мотив подражания прав. Иову (*imitatio Iobi*), хорошо известный в византийской агиографии. Сюда относятся устойчивые формулы, мотивы и сюжеты, описывающие нищелюбие и долготерпение героя, его смиренное и благодарное принятие всех жизненных испытаний. Важнейшим мотивом житий праведников (как мужей, так и жен) является собственно добродетельная жизнь во Христе: исполнение заповедей и любовь к ближнему. Общими мотивами, объединяющими жития праведников с житиями св. правителей (благоверные правители и юродивые относятся к праведникам в широком понимании как св. миряне), являются храмоздательство, нищелюбие и милостыня» [Руди 2008а].

Таким образом, можно выделить три специфические черты житий праведников: 1) устойчивые формулы, мотивы и сюжеты, описывающие нищелюбие и долготерпение героя; 2) смиренное и благодарное принятие всех жизненных испытаний; 3) исполнение заповедей и любовь к ближнему.

Б.И. Берман высказал интересные наблюдения о постепенном изменении представлений о святости в России: «На русской почве акцент в представлениях о святости с течением времени всё более заметно перемещается с аскезы на милосердие и сердобольность, со смирения на кротость, с самоистязания на терпение. Недаром собственно русское житие начинается с кротких причитаний «послушливых» стратотерпцев Бориса и Глеба...» [Берман 1982: 172].

В житиях XX-XXI вв. мы также видим святых, исполненных добродетелей странноприимства, нищелюбия и благотворительности, которые являются основными добродетелями чина праведных. В качестве примера современного жития праведных представим анализ жития праведного Алексея Московского.

О праведном Алексии Мечёве написано много книг: С.С. Девятова «Великие старцы XX столетия» [Девятова 2010а], Сергей Фомин «“Пастырь Добрый”. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва» [Фомин 1997], «Старец протоиерей Алексей Мечёв. Жизнеописание и свидетельства к церковному прославлению» [Старец протоиерей Алексей Мечёв 2000], «Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва» [Соколова 1992], «Московский батюшка. Воспоминания об о. Алексее Мечёве» [Московский батюшка 1994], «Отец Алексей Мечёв. Воспоминания, проповеди, письма» [Отец Алексей Мечёв 1989], «Жизнеописание священномученика о. Сергия Мечёва, составленное его духовными чадами» [Жизнеописание

священномученика 1993], «Соль Земли» [Фомин 1998], Александр Добровольский «Рассказы о старце Алексее Мечёве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах» [Добровольский 1995].

Для рассмотрения мы возьмем три его жития: воспоминания Александры Феодоровны Ярмолович «Пастырь добрый», житие из книги «Великие старцы XX столетия» С.С. Девятовой и «Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва», написанное монахиней Иулианией [Соколова 1992].

Особое внимание следует обратить на житие, написанное монахиней Иулианией (Соколовой). Это, возможно, одно из первых и наиболее полных жизнеописаний старца отца Алексея. Кроме того, монахиня Иулиания (в миру Мария Николаевна Соколова), будучи духовной дочерью праведного Алексея, по благословию своего духовного отца праведного Алексея Мечева возродила, сохранила и передала потомкам древние традиции иконописания [Алдошина 1995]. Мы можем предположить, что она стояла у истоков возрождения агиографической литературы (насколько нам известно, первое житие отца Алексея, написанное монахиней Иулианией, вышло в 1992 году).

При анализе житийных текстов мы будем опираться на теоретические исследования В. Шмида, изложенные в его работе «Нарратология» [Шмид 2003], а также на работы Б.И. Бермана «Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия)» [Берман 1982] и Е.Л. Конявской «Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.)» [Конявская 2000].

Прежде чем перейти к анализу житийных текстов, остановимся на самой личности известного московского пастыря.

Появлением святого праведного Алексея Мечева, как уже сказано выше, мы обязаны другому святому того времени – праведному Иоанну Кронштадтскому. Именно праведный Иоанн поддержал отца Алексея после смерти его жены и направил на служение народу. От одной искры – истинной веры отца Иоанна – загорались многие другие. Здесь просматривается удивительная параллель: всероссийский батюшка Иоанн окормлял Кронштадт и Санкт-Петербург, а отец Алексей – Москву. Противоречие между городами как противоречие между Западом и Востоком разрешается в единстве святости праведников, подвизавшихся в этих городах.

Противопоставление Москвы и Санкт-Петербурга отразилось в народном творчестве – поговорах и пословицах: «Питер женится – Москва замуж идет»; «В Ленинграде женихи, а в Москве невесты»; «Питер – кормило, Москва – корм»; «Питер – голова, Москва – сердце» [Синдаловский 2003: 220-221]. Вот, что сказано по этому поводу в «Словаре петербуржца»: Дело не только в том, что Москва – существительное женского рода, а Петербург – мужского. В XVIII-XIX вв. Петербург в отличие от Москвы был городом с преимущественно мужским населением. Здесь находились воинские части и военные училища, учебные заведения, куда женщин почти до самого конца XIX в. не принимали, и огромный штат чиновников и церковных служащих [Там же: 221].

Действительно, разница в населении городов отразилась и в служении двух праведников – святого Иоанна Кронштадтского и святого Алексия Московского. Разницу в подвиге святости между этими двумя святыми очень хорошо подметил протоиерей Андрей Ткачев: «Отец Иоанн не имел детей, не был связан необходимостью прокормления и воспитания. Он служил, служил и паки – служил. Проповедовал, проповедовал и паки – проповедовал. С момента прихода к нему всероссийской известности он путешествовал по всей стране, всюду принося дух апостольской ревности и апостольского чудотворства.

В отличие от него, отец Алексей никуда не путешествовал. Он сидел на месте, и храм, в котором он служил, был одним из самых маленьких и невзрачных во всей Москве. Он был семейный человек, и, когда отдавал последнее нищим, сердце его не раз сжималось болью о своей семье. “Чужим помогаю, а о своих не пекусь”, – мучительно думалось ему в эти минуты. Как и кронштадтский пастырь, отец Алексей искал силы и вдохновения в молитве, наипаче – в литургии. Каждый день год за годом в его маленьком храме звонили к литургии. “Опять звонишь? – спрашивали соседи-настоятели. – Зря звонишь”» [Ткачев 2011б].

Как видим, отец Иоанн жил как несемейный человек, всего себя отдавал людям и много путешествовал, поэтому и образ жизни его в большей степени соответствовал Петербургу, напротив, отец Алексей всю жизнь прожил в Москве, был семейным человеком, вел «вел московский образ жизни».

Первое, что важно как для средневекового читателя жития, так и для современного – отражение в тексте христианского мировосприятия. Это значит,

что адресат (конкретный читатель) должен иметь ключ, с помощью которого он сможет открыть для себя смысл прочитанного, и этим «ключом» как раз и является христианское мировосприятие и христианское вероучение. Без этого «ключа» многое остается непонятным читателю или оказывается понятым неправильно.

Б.И. Берман говорит о том, что жития были рассчитаны на «массового» читателя: «Жития святых – это литература, игравшая основную роль в повседневном чтении (как бы скучно оно ни было) представителей средневекового общества, обслуживавшая массового читателя и утолявшая его основные запросы» [Берман 1982: 163]. Похожую мысль высказывает Л.В. Левшун, пишущий о том, что дидактическая агиография, «рассчитанная на “начинающих”, была наиболее востребована культурой этого периода» [Левшун 2006: 115], а также «по закону системы четьей книжности Типикона, не должна касаться догматики и сложных вопросов вероучения, а потому была наиболее свободна и разнообразна в изобразительных средствах» [Там же: 116].

Современные жития в какой-то степени также адресованы массовому читателю и также рассчитаны на «начинающего», однако они понятны и интересны не всем, так как они адресованы в первую очередь верующим людям, и поэтому не играют основную роль в повседневном чтении, как это происходит со светской литературой. Однако надо признать, что читателем современного жития может стать и неверующий, и представитель любой другой религиозной конфессии.

Таким образом, современные жития охватывают только маленькую часть современного читательского общества, если учитывать, что в соответствии со статистикой православных верующих воцерковленных людей в России всего 5-7 %, а тех, кто причисляет себя к РПЦ, всего 41 % [Зайцев 2013]. К сожалению, статистика числа читателей православной литературы не ведется, поэтому мы не можем с точностью и уверенностью сказать, кто и что из православной литературы читает и каково процентное соотношение читателей [Романов 2013].

Мы можем в какой-то степени судить о православной читательской аудитории и о ее вкусах по публицистическим статьям на эту тему. Например, в российской православной газете «Вечный Зов» за сентябрь-ноябрь 2013 года

в статье «Интерес к христианской литературе не падает!» В. Чубарова, директор магазина христианской книги «Слово», обращает внимание на то, что современного православного читателя интересует простая и понятная литература: «Интерес вызывают книги, актуальные для сегодняшнего дня, приближенные к реальной жизни, написанные современным, доступным для понимания языком, основанные на личном опыте. Но, к сожалению, такой литературы на христианском рынке ещё недостаточно» [Там же].

О читательской аудитории В. Чубарова говорит следующее:

«...Основываясь на визуальных наблюдениях и на общении с посетителями, могу с уверенностью сказать, что контингент наших покупателей самый разнообразный. Это и священнослужители, и студенты богословских учебных заведений, в том числе православных, и светские люди, пенсионеры и молодежь, люди разного пола и разного социального положения, те, кто уже укрепился в христианской вере, и те, кто еще только ищет себя в ней. Поводом к этому служит богатейший ассортимент книг, собранных в одном месте, отражающий наше стремление максимально удовлетворить потребности различных групп населения в христианской литературе» [Там же].

Как видим, читательская аудитория православной литературы действительно разнообразна.

Итак, для понимания житийной литературы необходимо православное мировосприятие, ведь повествовательный мир жития разделен на мир Божий, во главе которого стоит Христос с ангелами и святыми, и мир зла, во главе которого стоит дьявол и его служители – демоны и злые люди. Б.И. Берман отмечает: «Житие ориентирует читателя в мировом разделении на два противостоящих лагеря: царство дьявола и царство бога» [Берман 1982: 175].

Кроме того, Б.И. Берман пишет: «Теоретически для этого сознания (средневекового – У.М.) бог лишь попускает дьяволу творить зло, но только теоретически: в художественном мире жития иерархии и власти бога не менее властно противостоят полчища дьявола. Между благим началом и силой зла идет непрестанная борьба, в которой участвует каждый христианин, но особо своим личным подвигом – святой, “как адамант твердый, как столп неколебимый, как гора недвижимый воин Христов”. Душа, отторгнутая от бога,

принадлежит дьяволу, и потому в житиях каждый спасающий душу свою совершает ратный подвиг во имя Христа» [Там же: 174].

Как нам представляется, немалую роль в создании этого художественного мира играет агиограф (нарратор жития).

У любого текста есть абстрактный и фиктивный автор. Абстрактный автор применительно к житиям – это реальный агиограф, реальный человек, который пишет житие святого, а фиктивный автор – это проявления автора в самом тексте. Фиктивный автор (нарратор) может изображаться эксплицитно и имплицитно. Как отмечает В. Шмид, термин «эксплицитное изображение» означает, что «нарратор может называть свое имя, описывать себя как повествующее “я”, рассказывать историю своей жизни, излагать образ своего мышления <...>. Уже само употребление местоимений и форм глаголов первого лица представляет собой самоизображение, хотя и редуцированное» [Шмид 2003: 66].

Имплицитное изображение нарратора происходит с помощью симптомов, или индициальных знаков (индексов), которые основываются на экспрессивной функции языка, а именно:

«1. Подбор элементов (персонажей, ситуаций, действий, в их числе речей, мыслей и восприятий персонажей) из “событий” как нарративного материала для создания повествуемой истории.

2. Конкретизация, детализация подбираемых элементов.

3. Композиция повествовательного текста, т. е. составление и расположение подбираемых элементов в определенном порядке.

4. Языковая (лексическая и синтаксическая) презентация подбираемых элементов.

5. Оценка подбираемых элементов (она может содержаться имплицитно в указанных выше четырех приемах либо может быть дана эксплицитно).

6. Размышления, комментарии и обобщения нарратора» [Шмид 2003: 67].

В. Шмид упоминает также «черты нарратора, указываемые индексами» [Там же]:

«1. Модус и характер повествования (устность или письменность, спонтанность или неспонтанность, разговорность или риторичность).

2. Нарративная компетентность (всеведение, способность к интроспекции в сознание героев, вездесущность или отсутствие таких способностей).

3. Социально-бытовой статус.

4. Географическое происхождение (присутствие региональных и диалектных признаков речи).

5. Образованность и умственный кругозор.

6. Мироззрение» [Шмид 2003: 68].

В соответствии с приведенными теоретическими сведениями мы полагаем, что для нашего исследования важно имплицитное изображение нарратора и эксплицитное изображение двух других повествовательных инстанций (Бога и дьявола), когда они сопоставлены с нарратором. И если Бог, т. е. «божественное начало», под которым мы понимает не только Бога, но и другие духовные сущности, постоянно – эксплицитно или имплицитно – присутствует в житии, то дьявол не наделен такой функцией в тексте. (Впрочем, этот момент в современных житиях, возможно, выражен не так ясно).

Бог говорит с читателем через агиографа-книжника. Божественное начало, таким образом, выступает также в качестве «отправителя сообщения» и «получателя». Он является «отправителем» также потому, что в житии святого во всем проявляется Божественный Промысел. «Получателем» (адресатом) «божественное начало» является только в случае с летописным текстом: «Летописец, скорее всего, писал некую “книгу”, которая должна будет фигурировать на Страшном суде. Следовательно, создаваемый летописцем перечень деяний людей и их моральных оценок, видимо, в первую очередь предназначался для Того, Кому в конце концов должны были попасть летописные тексты» [Данилевский 2004: 267].

На наш взгляд, житийный текст всё-таки предназначался не для Бога, а для людей (читателей), но текст не смел «лгати на святого», как говорил святитель Дмитрий Ростовский. Таким образом, святой в какой-то степени тоже является читателем жития, значит, «божественное начало» также выступает и в качестве читателя жития.

Рассмотрим теперь сами жития праведного Алексия Мечева.

В житиях С.С. Девятовой максимально «отсутствует» авторское начало. Так и в «Житии праведного Алексия» (далее – Житие) почти не чувствуется

автор (нарратор). Это Житие выполнено в стиле хроники: как набор информации и цитат из источников, свидетельств очевидцев, из-за чего текст выглядит довольно «сырым», необработанным материалом, компилятивным.

В Житии иногда отсутствуют какие-то связующие элементы между абзацами, в результате то, что понятно автору (нарратору), порой с трудом понятно читателю. Например, неискушенный читатель не поймет, кто такой митрополит Московский Филарет (нарратор не упоминает его фамилии) и чем он известен. Хотя митрополит Филарет был довольно известным лицом даже в светских кругах общества, можно вспомнить, к примеру, его стихотворное послание А.С. Пушкину «Не напрасно...» [Малинин 2006].

Некоторые топосы в Житии опущены. Вместо известного житийного топоса – рассказа о родителях святого – сразу дается рассказ самого о. Алексия о своем рождении. Если бы нарратор пересказывал цитаты своими словами, текст был бы более понятен, и читателю не пришлось что-то додумывать, например, по случаю какого праздника митрополит Филарет служил обедню и т. д.

Однако это Житие удобно для современного читателя: оно краткое (всего три листа), в конце Жития даны дни памяти святого, а также молитва к нему, что важно для современного читателя, так как на чтение больших объемов литературы порой не хватает времени, а также в Житии содержится все важное, что касается святого: молитва и даты)¹¹.

В этом Житии также присутствуют три специфические черты написания житий святых праведных (мотив подражания праведному Иову), которые упоминались выше, а именно:

- 1) устойчивые формулы, мотивы и сюжеты, описывающие нищелюбие и долготерпение героя;
- 2) смиренное и благодарное принятие всех жизненных испытаний;
- 3) исполнение заповедей и любовь к ближнему.

Во-первых, на протяжении всего Жития можно видеть жизненные ситуации, подчеркивающие добродетель долготерпения праведного Алексия, а

¹¹ Подробно о проблемах современного читателя и чтении см. [Маркова 2008].

также его «смирненное и благодарное принятие всех жизненных испытаний». Перечислим эти жизненные события:

1. Бедный приход, в котором служил отец Алексей. Автор-нарратор подчеркивает большую веру святого и пишет по этому поводу следующее: «Нужна была большая вера, чтобы, несмотря на трудности, не упасть духом» [Девятова 2010а: 212]. А также он приводит слова отца Алексея о том, что тот 8 лет служил при пустом храме. Этот сюжет упоминается во всех житиях праведного Алексея.

2. Болезнь и смерть жены отца Алексея. Вот как это событие описывает нарратор: «К несчастью, тяжело заболела жена отца Алексея, ему одному пришлось заботиться о детях, ухаживать за прикованной к постели супругой. В августе 1902 г. умирает жена отца Алексея» [Там же]. Этот сюжет также является ключевым во всех житиях об отце Алексии.

3. Приход стало посещать много людей, святой отдавал себя людям, помогал решать их жизненные и духовные проблемы – так проявлялась любовь к ближнему. Нарратор Жития пишет: «Отец Алексей теперь никогда не остается один, с утра и до вечера отдает себя людям, он для них уже не только пастырь, а родной отец и заботливая мать. Вскоре о старце заговорила вся Москва. Церковь уже не может вместить всех желающих...» [Там же: 213].

4. Болезнь сердца отца Алексея. Причину болезни святого нарратор видит в принятии на себя чужих страданий: «Епископ Арсений говорил: “Но если молитва бодрит и освежает человека, то принятие на себя страданий ближних сокрушает сердце пастыря, делает его физически больным”. Батюшка о. Алексей стал страдать той болезнью сердца, от которой впоследствии скончался...» [Там же: 215]. Этот отрывок – немного измененная цитата из жизнеописания, составленного монахиней Иулианией.

Таким образом, в Житии показано не только то, как праведный Алексей проявлял долготерпение и нес крест жизненных испытаний, но сделан акцент и на «исполнении заповедей и любви к ближнему». Последнее проявляется, например, в том, что праведный Алексей не отчаялся после смерти жены, а стал дальше с рвением служить и помогать людям. Сам нарратор ни разу не говорит о скорби отца Алексея по поводу смерти жены. Это мы можем понять только из слов отца Иоанна Кронштадтского, которые приводит нарратор: «Ты

жалуешься на скорби и думаешь – нет на свете горя больше твоего, так оно тебе тяжело» [Там же: 212-213].

Чудеса святого, показанные в Житии, нарратор объясняет как проявление любви к ближнему. Б.И. Берман говорит, что чудеса поддерживают особую атмосферу житийных текстов: «Мы говорили, что в потрясении перед чудом смыкаются умиление и страх. Житие недаром всегда завершается рядом чудес – эти финальные хлесткие эффекты тоже входят в сладкую истому катарсиса, очищающего страх от боязни и умиление от сострадания» [Берман 1982: 180].

Повествовательный мир Жития проникнут только «божественным началом» (в нем нет явной борьбы добра и зла), это выражается, например, в тексте такими словами как «по промыслу Божьему», «Бог дал ему...», а также в чудесах Божьих, описанных в тексте: чудо провидения, чудо исцеления алкоголика, дар слез отца Алексея, стояние на воздухе.

Б.И. Берман обращает внимание на важность мотива «слез», «слезного плача» для житийного текста: «Слезы, будь то слезы сокрушения или умиления, – начало и конец, альфа и омега видения жития, и чем, как не слезностью, в первую очередь “заражаться” читателю? Своими умиленными слезами читатель должен приобщиться к “плачу» святых и так войти в культивируемую житием атмосферу, о которой мы уже многое знаем. Сам психический феномен облегчения в слезах служит тут созданию ощущения душевной легкости – фикции освобожденности и просветленности духа» [Там же: 172].

Мотив слез присутствует и в Житии праведного Алексея: «Очевидцы рассказывали, что за богослужением он преображался. Его детская вера часто обнаруживалась в слезах, особенно за божественной литургией. Часто он затруднялся произносить возгласы: “Приидите, ядите...” или “Твоя от твоих”. При этих словах по его изменившемуся голосу всякий в храме понимал, что он плачет. Его лицо было полно умиления, и плач его захватывал и служивших ему. <...>

Этот дар слез, которым обладал батюшка за свое смирение, особенно проявился в нем при чтении Великого канона св. Андрея Критского. Он его не читал, он произносил эти тропари как свои слова из глубины сокрушенного сердца, обливаясь слезами. Вся церковь сливалась с ним в умилении...» [Девятова 2010а: 213].

В тексте несколько раз повторяется слово «умиление». Это не случайно. Об «умилении» не раз говорил Б.И. Берман как о важной составляющей жития, влияющей на читателя: погружаясь в текст, читатель тоже должен был проникнуться, умилиться, прослезиться и, возможно, вспомнить что-то из собственного духовного опыта.

Таким образом, и через описание «слез», и через описание чудес, которые вызывают у читателя умиление, страх, слезы, читатель может «заразиться» этой слезностью, приобщиться к особой атмосфере жития.

Умиление, по мнению Б.И. Бермана, также связано с умиранием:

«Поиск умиления в умирании, столь чуждое словарному употреблению понимание смерти умиляющей, – исходит из той же традиции мысли и чувствования, для которой в таинстве перехода в иную жизнь проявляется “правда божия”, если снова воспользоваться словами Достоевского, “умиляющая, примиряющая, всепрощающая”. Кончина святого всегда “в бозе”, в этом для жития ее смысл» [Берман 1982: 170].

Кончина праведного Алексея тоже «в бозе» и также, очевидно, призвана вызвать умиление у читателя. Однако текст этот с небольшими купюрами почти полностью цитирует текст из жития праведного Алексея, написанного монахиней Иулианией, и, надо сказать, многое теряет в смысловом плане. Например, непонятно, кто такая упомянутая в тексте Нина, которая присутствовала при смерти отца Алексея и голову которой батюшка прижимает к своей груди. Такие моменты без достаточного объяснения просто непонятны читателю и смущают его.

Только из текста монахини Иулиании мы узнаем, кто такая Нина: «С собой он взял только Нину (Неониллу), проживавшую в его квартире и помогавшую по хозяйству» [Соколова 1992: 153].

Сравним эпизоды, в которых описывается смерть святого, представленные в обоих житиях:

С.С. Девятова. Святой праведный Алексей Мечёв	Соколова, Иулиания, монахиня. Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва
---	--

<p>Все, кто видел батюшку в эту зиму, замечали, что он был каким-то особенно светлым, светился каким-то особым, духовным, неземным, нетленным светом, в котором сочеталась такая же неземная, тихая радость.</p> <p>Батюшка, как тяжело думать, что вас не будет.</p> <p>Глупыш, я всегда с вами буду...</p> <p>Другой своей духовной дочери он незадолго до смерти сказал:</p> <p>Молись за меня, а я – за тебя, любовь по смерти не умирает, и если я обрету дерзновение перед Богом, за всех буду молить Бога, чтобы вы все там были со мной.</p> <p>Из воспоминаний духовной дочери старца: «Подле него была Нина. Она со скорбью и беспокойством наклонилась к нему. Батюшка взял ее голову обеими руками и прижал к груди... В эту минуту она услышала в его груди сильный звук как бы лопнувшей пружины. Батюшкины руки ослабели и упали. Глаза закрылись навсегда. Это была пятница, 9/22 июня 1923 года» [Девятова 2010а: 215-216]</p>	<p>В последние дни замечали, что с Батюшкой как будто что-то случилось: он тихо говорил, тихо двигался, будто боясь нарушить что-то, что его наполняло, и был каким-то просветленным.</p> <p>В последний вечер был весел, очень со всеми ласков; часто вспоминал отсутствующих, особенно своего внука – Алешу.</p> <p>Стало темнеть. Поздно вечером Батюшка почувствовал себя плохо, забеспокоился как-то, попросил лекарств. Вышел в сад. Было уже темно. Быстро вернулся, снова лег.</p> <p>Подле него была Нина. Она со скорбью и беспокойством наклонилась к нему. Батюшка взял ее голову обеими руками и прижал к груди: «Милая...» – тихо прошептал он, озаряя ее последним лучом той святой Христовой любви, которой служил всю свою жизнь. В эту же минуту она услышала в его груди сильный звук как бы лопнувшей пружины. Батюшкины руки ослабели и упали. Глаза закрылись навсегда. Это была пятница, 9/22 июня 1923 года [Соколова 1992: 154]</p>
---	--

Сопоставив эти два отрывка, мы можем увидеть, что при общем сходстве текстов нарратор в первом тексте (С.С. Девятовой) делает акцент на словах

«духовный, неземной, нетленный», батюшка как бы предсказывает свою праведную кончину, в то время как во втором отрывке отец Алексей предстает более обычным, земным человеком.

Следующее житие, которое будет проанализировано ниже, – «Пастырь добрый» [Ярмолович 2007]. Это часть гетерогенного по составу сборника с одноименным названием, составителем которого является С.В. Фомин. Автором текста жития праведного Алексея является А.Ф. Ярмолович. Вот что говорится о ней в комментариях к тексту: «Автор воспоминаний – Александра Феодоровна Ярмолович. Практически никаких сведений о ней найти не удалось, кроме небольших воспоминаний последней из оставшихся в живых насельниц Борисо-Глебского Аносина женского монастыря схимонахини Анны (Тепляковой), относящихся к периоду 1925-1928 гг.: Она была из рода основательницы нашего монастыря – игумении Евгении (Мещерской). Ярмолович – фамилия мужа. Было лето. Сенокос. Она до сих пор стоит у меня перед глазами: в черной юбке, белой батистовой кофточке с длинными рукавами. Жизнерадостная какая-то, со всеми разговаривает. Возится с сеном. Я любовалась ею. У нее было необыкновенно приятное лицо. Я почувствовала в ней большую интеллигентность, благородство. По всему было видно, что она не простого происхождения [Фомин 1997: 764-765].

По тексту «Пастыря доброго» можно понять, что автор (нарратор) – бывшая дворянка, прихожанка храма, где служил о. Алексей, и одна из помощниц батюшки Алексея, его «правая рука», отчасти его духовная дочь (хотя нарратор называет своим духовником о. Константина). Интересно, что сам батюшка давал А.Ф. Ярмолович несколько прозвищ-эпитетов: «нервная», «интеллигентка», «большевичка», «буря», «огонь». Сама А.Ф. Ярмолович передаёт слова пастыря: «Вы очень нервная, я это заметил, как только вы вошли ко мне [Ярмолович 2007: 423]. На наш взгляд, выражение батюшки «вы очень нервная» указывает именно на характер нарратора. Это видно и в самом восторженно-восхищенном стиле написания текста: нарратор буквально боготворит о. Алексея. А.Ф. Ярмолович, действительно, «буря» и «огонь»: пишет ярко, эмоционально, навзрыд. Перед читателем предстает живой образ святого, именно такого, каким его видела нарратор и многие, кто знал его при

жизни. Живость текста выражается и в описании быта, обстановки жизни о. Алексия.

Автор приводит некоторые выражения отца Алексия, в которых содержится намек на ее непростое происхождение. Например, в эпизоде, где отец Алексей смеется над ее стилем: «Да разве можно такие письма писать? Разве можно так обращаться ко мне? <...> Это все ваша интеллигентская привычка ничего просто и прямо не делать. Все ходите вокруг да около. Ищут сами, чего не знают, спорят, о чем сами ничего не понимают». А.Ф. Ярмолович возмущается по этому поводу: «Причесть меня к интеллигенции, которую я в это время глубоко презирала, признавая только крестьян, для меня было очень обидно. Батюшка точно бичом хлестнул меня. Я вспыхнула, но промолчала [Там же: 425].

Этот отрывок показывает, что нарратор – начитанная, образованная женщина, которая имеет «интеллигентские привычки»: писать письма с соблюдением всех официальных правил, что не нравится батюшке, так как он был простым человеком и любил прямооту и простоту.

«Пастырь добрый» написан как воспоминания, но одновременно включает в себя и житийные мотивы. Характер повествования спонтанный, иногда довольно сумбурный, лишенный систематичности: отсутствуют план и единая концепция текста, однако воспоминания написаны живо и красочно.

В начале текста рассказывается больше не о самой А.Ф. Ярмолович, а о других людях – о разных «душах», как их называет нарратор, то есть о тех людях, которых она приводила к о. Алексею, затем нарратор пишет о себе и своей семье: «Как возился с моей грешной душой дорогой мой старец, как он спасал душу моего мужа и как поставил меня, глупую, на путь истинный, подчинив меня духовному отцу и поучив, как должно относиться к нему и чем должен быть для меня мой духовный отец» [Там же: 474].

В этом отрывке, посвященном автору жития, виден эксплицитный нарратор, выраженный при помощи личных местоимений и форм глагола первого лица, и имплицитный, который проявляется в использовании экспрессивных слов «грешная» и «глупая». Эти слова передают намеренное самоуничижение нарратора, который, как типичный агиограф, видит себя «грешнейшим из всех». Е.Л. Конявская об этой особенности житийных текстов

говорит следующее: «Это (преувеличение своих грехов и пороков – У.М.) также говорит об определенной зрелости авторского самосознания агиографа, который для создания нужного эффекта очевидным образом жертвует достоверностью. Контрастное противопоставление в данном случае – это художественное средство, использованное автором вполне сознательно» [Конявская 2000: 140-141].

Нарратор дает постоянные пояснения читателю о душевном состоянии святого, особенностях его характера, поведения, например: «Это в особенных и очень редких случаях о. Алексей давал как бы вещественное старческое благословение, и оно воспринималось и чувствовалось особенно» [Ярмолович 2007: 454].

Начало текста выполнено в житийном стиле. Текст предваряет молитва: «Молитвами святых отец, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную» [Там же: 415]. Это начальная молитва домашнего молитвенного правила и большинства церковных богослужений, это приготовление к написанию и к чтению текста (см. об этом у Д.С. Лихачева [Лихачев 1979: 71-72]), молитвенное обращение ко второму Лицу Святой Троицы.

Затем идет молитва о святом, о котором пойдет речь: «В Твоем вечном царстве – царстве веры, надежды и любви, – упокой, Господи, душу верного раба Твоего о. Алексея, человека Божия и его св. молитвами прости моя согрешения» [Ярмолович 2007: 415]. Тут мы видим также обращение нарратора к «божественному началу» – Господу и его святому «человеку Божьему», который уподобляется другому святому, блаженному Алексию, человеку Божию, в день которого и родился праведный Алексей (Мечев).

Можно выделить также следующие черты жития: уничижительная формула, обращение к святому, разговор с ним как с живым. Пример последнего: «Родной, дорогой мой старец и батюшка, прости меня, что не писала до сих пор и что осмеливаюсь писать теперь, когда многое из подробностей позабыла.

Яркий след твоего учения остался в душе моей, но иногда не смогу воспроизвести все выражения, все слова твои.

Всякий раз при пении “вечной памяти”, особенно в твоей церкви, я даю снова и снова обещание, что, хотя подо мной и вокруг меня все рушилось, свято хранить твои заветы. По своему нерадению не выполняю его.

Прости и помоги, дорогой старец и батюшка» [Там же].

В этом отрывке опять присутствует эксплицитный нарратор, выражающийся при помощи личных местоимений и форм глагола первого лица. Как видим, здесь опять же для нарратора важно подчеркнуть свое нерадение и уничтожить себя.

В тексте очень подробно передано множество диалогов, бесед с о. Алексеем. Нарратор ищет подтверждения святости о. Алексия: сначала – для себя, затем – в тексте, для читателя в повседневном, святости, поэтому часто упоминает в тексте, как по-особому посмотрел на нее батюшка во время богослужения или в личной беседе, описывает глаза, взгляд святого.

Образцом описания святости для А.Ф. Ярмолевич стал текст – беседа Мотовилова с о. Серафимом Саровским. А.Ф. Ярмолевич сама признается, что ищет именно «такого» святого и «такого» чуда: «И вот раз, прочитав беседу преп. Серафима с Мотовиловым и потеряв от восторга голову, я бросилась к духовному отцу моему, прося “дать” мне то, о чем говорил преподобный Серафим. <...>

Мне было мало книг когда-то, кем-то написанных, мне мало было очень красивых, но подчас непонятных богослужений, – мне нужно было видеть живого святого, чтобы самой убедиться, что то, о чем говорили древние Отцы Церкви, действительно может быть.

О современных старцах я имела мало представления. По монастырям мы никогда не ездили. Знала, что где-то, в какой-то Оптиной пустыни существует отец Анатолий, к которому очень страшно ездить, так как он человеку говорит все его грехи. К прозорливым священникам относилась с предубеждением. Я хотела жизни первохристианских веков; я хотела жизни, описанной в древних Патериках, жизни, которую только и признавала за настоящую [Ярмолевич 2007: 416].

В этом отрывке, как и во всем тексте, преобладают экспрессивность, эмоциональность. Как уже говорилось, экспрессивная функция также помогает нам выявить отношения между нарратором и читателем. Л. Иванов выявляет

следующие функции экспрессивности текста: «Общей задачей экспрессивности является выражение или стимуляция субъективного отношения к сказанному. Со стороны говорящего/пишущего это – усиление, выделение, акцентирование высказывания, отступление от речевого стандарта, нормы, выражение чувств, эмоций и настроений, наделение высказывания эмоциональной силой, оценивание, достижение образности и создание эстетического эффекта. Со стороны читателя/слушателя это – удержание и усиление внимания, повышение рефлексии, возникновение эмоций и чувств [Иванов 2015].

Эмоциональность, описание быта, семейных обстоятельств, излишняя любовь к чудесам и знамениям характерны для «женских» житий, то есть житий, написанных женщинами. Текст А.Ф. Ярмолович не исключение. Женщины пишут о том, что их волнует. И.Н. Кавинкина отмечает: «Женская письменная речь, по сравнению с мужской, более эмоциональна и аксиологична. В лексиконе женщин больше слов, описывающих чувства, эмоции, психофизиологические состояния» [Кавинкина 2006].

Можно предположить, что большинство читателей таких текстов именно женского пола, поэтому жития, написанные женщинами, не остаются без читательского внимания, любви и признательности. По данным соцопроса, «среди читателей преобладают женщины с показателем 5,07 книги, против мужских 3,76» [В России снова 2014].

Рассмотрим следующие два фрагмента житийных текстов, чтобы выявить, как гендерная принадлежность автора влияет на стиль изложения:

Соколова, Иулиания, монахиня. Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва	(Симонопетрский), Макарий, иеромонах. Память святого праведного Алексия Московского
В последние дни замечали, что с Батюшкой как будто что-то случилось: он тихо говорил, тихо двигался, будто боясь нарушить что-то, что его наполняло, и был каким-то просветленным.	В последних числах мая 1923 о. Алексей уехал в Верею, где обычно отдыхал. Он предчувствовал, что уходит навсегда. Перед отъездом отслужил в своем

<p>В последний вечер был весел, очень со всеми ласков; часто вспоминал отсутствующих, особенно своего внука – Алешу.</p> <p>Стало темнеть. Поздно вечером Батюшка почувствовал себя плохо, забеспокоился как-то, попросил лекарств. Вышел в сад. Было уже темно. Быстро вернулся, снова лег. Подле него была Нина. Она со скорбью и беспокойством наклонилась к нему. Батюшка взял ее голову обеими руками и прижал к груди: «Милая...» – тихо прошептал он, озаряя ее последним лучом той святой Христовой любви, которой служил всю свою жизнь. В эту же минуту она услышала в его груди сильный звук как бы лопнувшей пружины. Батюшкины руки ослабели и упали. Глаза закрылись навсегда. Это была пятница, 9/22 июня 1923 года [Соколова 1992: 154]</p>	<p>храме последнюю литургию, попрощался с духовными детьми, уходя, простился с храмом, проливая обильные слезы. Скончался св. Алексей 9 июня (ст. ст.) 1923 г. [Симонопетрский Т. 5. 2011: 546]</p>
---	---

Сопоставление этих отрывков показывает, насколько по-разному в них изображена смерть святого: в женском варианте – подробно, эмоционально, детально, в мужском – по-монашески скупое, кратко, сухо, максимально сжато. Женский вариант дает «ненужную» (лишнюю), с мужской точки зрения, информацию. Интересно, что мужской вариант жития говорит об «обильных слезах» святого, чего нет в женском варианте. Как было сказано выше, мотив «слез» и умиление обозначает очищение перед смертью (по Б.И. Берману). В этом иеромонах Макарий следует житийной традиции.

В тексте иеромонаха Макария присутствует житийный мотив предчувствия, предсказания своей смерти святым, напротив, в тексте монахини Иулиании нет прямого указания на то, что святой предвидел день своей кончины, однако в подтексте читатель может усмотреть предчувствие: «В

последние дни замечали, что с Батюшкой как будто что-то случилось: он тихо говорил, тихо двигался, будто боясь нарушить что-то, что его наполняло, и был каким-то просветленным».

Для «благочестивого сентиментализма» или «стиля умиления» (по определению О.А. Черепановой [Черепанова 2015]) характерна излишняя эмоциональность текста. Этот стиль, по мнению О.А. Черепановой, зародился в русской литературе XIX-XX вв. в произведениях таких авторов, как Н.С. Лесков, П.И. Мельников-Печерский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, И.С. Шмелев, Н.М. Рубцов. Исследовательница отмечает, что «его элементы используются как средство характеристики благочестивых, добрых и мудрых людей, а также людей духовного сословия» [Там же].

Можно выделить следующие основные черты стиля умиления:

- слезы и вздохи;
- скорбь и радость в сердце;
- утешение, поклоны и поцелуи.

Эти черты обычно выражаются в тексте с помощью таких средств языка, как: 1) экспрессивно-коннотированные лексемы; 2) лексика с уменьшительно-ласкательными формантами.

В житии, написанном А.Ф. Ярмолович, широко представлены черты стиля умиления с использованием различных средств языка. Например: «Помню, как молилась всю обедню горячо и со слезами перед иконой Смоленской Божьей Матери. И не раз это было так. Молилась, что люди здесь такие счастливые: у них такая церковь, такая служба, а я не могу здесь быть. Я не имею права надоедать батюшке. У меня есть свой духовный отец, да еще “такой”. И вообще эта церковь не для меня. И всегда в церкви и дома молилась горячо св. Николаю и Божьей Матери, чтобы мне постоянно ходить на Маросейку и видеть батюшку как можно чаще, хоть на минутку, хоть одно слово от него получить [Ярмолович 2007: 433].

В этом фрагменте жития автор использует в качестве определения указательное местоимение «такой», «такая», которые выражают подчеркнуто положительную оценку, не передавая при этом конкретной информации о предмете. Использование указательного местоимения в этой функции схоже с употреблением эпитета, который выражает не логическое определение

предмета, а отражает настроение говорящего. Это языковое явление в большей степени свойственно нарратору женского пола.

Интересно отметить также использование местоимения «кто» в неопределенно-личном значении с оттенком обобщения: «Как было хорошо это батюшкино благословение, когда бывало приходишь ко Кресту! Кого спросит о том, что ему нужно. Кому скажет что-нибудь полезное для души, или просто ободрит, утешит. Одно его слово – и в душе вместо смятения и неясности водворялась тишина и простое, ясное понимание всего. Сколько сил давали такие слова батюшки! Он видел человеческую душу, понимал ее, и давал ей то, что ей в данное время нужно было» [Там же: 434].

Местоимения «кого», «кому», с одной стороны, указывают на неопределенное лицо, нарратор не называет конкретных прихожан, а с другой стороны, употребляет эти местоимения в обобщенном контексте, подчеркивая, что батюшка так делал постоянно, по отношению ко всем и к каждому, не выделяя среди прихожан кого-то особого. Тем самым показывается истинная христианская любовь о. Алексея ко всем людям.

А.Ф. Ярмолович постоянно упоминает в тексте «темные и глубокие» глаза батюшки. В конце текста она делает вывод: «Если я в первую зиму знала о. Алексея с ясными, детски чистыми голубыми глазами, то во вторую зиму у о. Алексея голубых глаз не видала, и в этих темных глазах все чаще и чаще вспыхивал огонь, как зарница того небесного света, который был в душе его» [Там же: 569].

Портретная детализация, стремление передать внутренние душевные и духовные процессы через внешние детали, такие как взгляд, глаза, – все это подчеркивает, что нарратором является женщина.

Текст примечателен также тем, что нарратор подробно описывает свою духовную жизнь, рассказывает о том, как о. Алексей вел ее по пути духовной жизни, особенно следует отметить описание снов и видений нарратора, которые происходят уже после кончины батюшки. Несмотря на то что и о. Алексей, и духовник А.Ф. Ярмолович о. Константин запрещали ей верить снам и видениям, нарратор пишет о них. В связи с этим вызывает недоумение описание видений о. Алексея и Спасителя в храме, явление о. Алексея нарратору во сне. О таких видениях в традиционных житиях стараются умалчивать, в некоторых житиях

нарратор становится свидетелем видения святому случайно или подглядывает за этим, иногда святой является в ответ на горячую молитву его учеников, а А.Ф. Ярмолович пишет о таких видениях как о чем-то само собой разумеющемся.

Кончина о. Алексия в тексте жития подробно не описана, единственное, о чем говорит нарратор – это о том, что перед смертью о. Алексий уехал из Москвы [Там же].

В таком «житии» акцент делается всё же не на жизни святого, а на описании своей жизни, нарратор скорее видит задачей жития показать, какую роль сыграл о. Алексий в ее собственной жизни. Даже видения в житии – это не видения святого, как в древних византийских житиях (см. параграф 7 «Пророчества и видения», глава 13 «Чудо», в книге Томаса Прача «Агиографический топос» [Pratsch 2005: 290-297]), а видения, которые пережил сам нарратор.

Рассмотрим одно из видений нарратора:

«В тот же вечер лежала я одна и злоба душила меня. Злоба на “того”, кто все время вредил душе моего Вани. Мне захотелось “его” уничтожить. Я забыла свою душевную и телесную немощь, я готова была вступить с ним в борьбу, чтобы далеко отогнать “его” от бедного моего Вани. Забывшись, я бросила вызов всему аду, самому сатане. Я горько плакала от отчаяния и моего бессилия.

Вдруг стены комнаты раздвинулись и сам царь тьмы прошел по воздуху во всем своем величии. Он был одет в пурпуровый хитон и был воплощение греха во всей его красе. Это был тот дух зла, за которым люди шли толпами, плененные его красотой, и не узнали его. Воздух стал тяжелым. Трудно было дышать. Потом все исчезло.

Появилась церковь Маросейская. На батюшкином месте стоял кто-то очень “великий”, не знаю кто. Церковь была полна мужчин и женщин, одетых в белые одежды. Они казались все молодыми, сильными, красивыми неземной красотой. По очереди входили они на батюшкино место и “тот” “великий” перед крестом и Евангелием принимал от них клятву бороться против зла и смерти, не щадя себя. И обещали они отнимать у дьявола всякую душу, попавшуюся ему. Завет свой они скрепляли своею кровию. Я была между теми, которые должны были образовать эту общину. Душа была полна восторга, что нас столько уже борющихся. Очнувшись, почувствовала, что в комнате, как в церкви во время

“Достоинно”. На душе было так светло и хорошо. Скоро это чудное состояние прошло и начался сильный жар» [Ярмолович 2007: 543].

В этом отрывке показано сосуществование двух царств в повествовательном пространстве жития (о чем уже упоминалось выше): царство Бога и царство сатаны, при этом божественный мир подчиняет сатану себе. Видение имеет и назидательный подтекст, и некоторые черты прославления святого: каждый христианин – это борец со злом, с царством тьмы, и немалую роль в этой борьбе играет маросейская церковь и ее пастырь. В этом видении не понятно: кто именно ее пастырь, кто этот «великий» – отец Алексей или Христос.

Последнее житие, которое мы рассмотрим, – это «Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечева» [Соколова 1992].

Нарратор изображен в тексте имплицитно. Некоторые средства языка, форма изложения, построение повествования выдают в нарраторе женщину. Так, нарратор подробно останавливается на детстве святого, его взаимоотношениях с матерью, часто говорит о его семье, о его сыне – отце Сергии, общении с прихожанами.

«Божественное начало» – Бог – постоянно эксплицитно и имплицитно присутствует в повествовательном мире текста: как в описании чудес, так и в комментариях, оценках нарратора. Нарратор во всем видит «божественное начало», Божий промысел. Например: «В этом необыкновенном случае святитель увидел дивный промысел Божий, он отметил особым вниманием и попечением спасенного им ребенка и все остальное время своей жизни постоянно заботился о нем и любил его» [Там же: 9], «Рождение о. Алексея произошло при особых, знаменательных обстоятельствах» [Там же: 10].

Мир зла, дьявольский мир, показан имплицитно, не через изображение демонов или бесов, а через описание сложного, тяжелого уклада жизни тех лет: голода, холода, болезней, войны, воровства; через порицание отца Алексея другими людьми и лжеучения. Например: «Распространяются рассказы о бандитах, прозванных “прыгунчиками”, которые, наряжаясь в белые простыни, с фонарем на лбу, вечерами нападали и грабили одиноких прохожих на глухих

улицах, потом, при помощи пружин, прикрепленных к подошвам, перепрыгивали через невысокие дома и скрывались» [Там же: 65-66].

Кажется, что от этого зла некуда деться, не у кого искать помощи, но нарратор замечает: «Но страшно становилось только пока о том не знает Батюшка, а если он узнал и благословил в дорогу, то все будет хорошо. Крепкая вера в его молитву и защиту делает бесстрашными молоденьких девушек, женщин, старушек, не говоря уже о мужчинах» [Там же: 66]. Как видим, отец Алексей показан как истинный подвижник и борец со злом и несправедливостью. Нарратор почти всегда, говоря об отце Алексии, уважительно называет его «Батюшкой» и всегда пишет это слово с заглавной буквы.

Рассказы монахини Иулиании близки по искренности и духу рассказам из книги «Отец Арсений» и местами напоминают их.

В тексте также присутствуют устойчивые формулы, мотивы и сюжеты, описывающие нищелюбие и долготерпение героя. Например, гостеприимство и хлебосольство его родителей: «Семья Алексея Ивановича принадлежала к тем семьям русских людей, которые держались доброго старого обычая радушного гостеприимства и хлебосольства, которые не замыкались в узких интересах своей лишь семьи, но жили радостями и горестями каждого, кого Бог привел быть в их доме, т. е. ближайших родственников и знакомых, почему и маленькая квартирка Алексея Ивановича, в которой было всего лишь две комнаты, всегда была переполнена народом» [Там же: 11].

А также можно видеть мотив нищелюбия самого отца Алексея, который помогал бедным, несмотря на собственную нищету: «Крайне скудный в средствах, батюшка о. Алексей все-таки не проходил мимо нужды и горя, с которыми ему как священнику приходилось встречаться на требах или на исповеди, и всегда он нес бедняку свою лепту, несмотря на нужду своей семьи» [Там же: 28].

Отец Алексей, как и полагается праведнику, смиренно и благодарно принимает все жизненные испытания. В тексте монахини Иулиании эти испытания описаны с большей подробностью, чем в тексте С.С. Девятовой. Перечислим эти испытания:

1. Праведный Алексей жил очень скромно, не имел порой самого необходимого: «...По-прежнему, постоянно и тут был народ, так что сын его Алексей, окончивая семинарию, не имел не только отдельной комнаты, но и даже, казалось бы, необходимого, своего угла для занятий; учил уроки при всех» [Там же: 13]. Этот сюжет напоминает фрагмент из Евангелия: «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:20), то есть здесь мотив уподобления святого Христу.

2. Алексей тяжело физически работал, когда был псаломщиком: «По окончании Семинарии Алексей Мечев получил назначение в псаломщики Московской церкви “Знамения Божией Матери” на Знаменке. Здесь ему суждено было понести тяжелое испытание. Настоятель храма был человек крутого характера, требовал от своего помощника исполнения таких обязанностей, которые скорее лежали на стороже. Топка печей, звон к началу службы, уборка храма – все возлагалось на псаломщика и строго с него взыскивалось» [Там же: 15].

3. Духовенство было материально не обеспечено: «Жизнь духовенства малых приходов Москвы этого времени была материально тяжела; едва, едва удавалось сводить концы с концами, особенно многосемейным» [Там же: 27].

4. О. Алексею встречались лицемерные, лживые люди: «Как часто бывает, стали находиться люди, ищущие нажиться на доброте другого. Приходили с намерением выманить у Батюшки обманом, как бы, например, на похороны бедного покойника. Но Батюшка всегда как-то “угадывал” неправду» [Там же: 30].

5. О. Алексей пережил болезнь и смерть жены: «Между тем в семейной жизни Батюшки надвигалось тяжелое горе. Матушка Анна Петровна безвозвратно теряла здоровье. О. Алексей делал все, что мог, чтобы спасти ее. <...> Наконец она увидела, что батюшкины молитвы, удерживая ее на земле, лишь продлевают ее страдания, и она стала просить его отпустить ее. Это была ее последняя и самая тяжелая для него просьба. Он выполнил эту просьбу и отпустил на вечное упокоение. Анна Петровна скончалась 29 августа (ст. ст.) 1902 года» [Там же: 33-34].

6. Голод, холод, болезни, революция, война: «Наступил 1917 год, которому суждено было сделаться роковым для всего строя прежней России. <...> В середине поста грянула первая буржуазная революция, а в октябре власть перешла к социал-демократической рабочей партии. Обычный круговорот жизни начал ломаться с каждым днем все более и более и самым коренным образом. <...> В Москве наступил голод, за ним – болезни; каждый день нес новые и новые тревоги, страхи и опасности. В это время маленький храм батюшки о. Алексея все больше и больше принимал под свой молитвенный покров людей, потерявших имущество, обеспеченность и почву под ногами» [Там же: 58-59].

7. Расхождение во взглядах в среде духовенства: «В самые первые годы после революции начались брожение умов и разногласия среди духовенства. Явилось стремление пересмотреть и “обновить” даже вековые порядки и устои самой Церкви якобы “застаревшие”. Наметились пути к разделению. Святейший Патриарх Тихон иногда обращался к совету Батюшки главным образом в случаях хиротонии, так как батюшка почти всех знал» [Там же: 98].

8. Разделение чужого горя: «Батюшка был великим перегрузчиком чужих скорбей на свои, в это время уже слабеющие плечи. <...> Единственный человек в Москве, с которым можно было говорить обо всем, твердо зная, что он все поймет, был он. К нему шли советоваться, делиться с ним и плакать архиереи, священники, ученые, писатели, художники, врачи, коммунисты, не говоря уже о простом народе» [Там же: 113].

9. Негативное отношение некоторых людей: «Тем не менее до последних дней жизни батюшки о. Алексея находились люди, которые его не понимали, осуждали и порицали» [Там же: 115].

10. Проблемы со здоровьем: «В холодном храме Батюшка часто простужался, лежит в постели, но жаждущие его помощи и слова по-прежнему длинной очередью стоят на улице» [Там же: 66].

11. Болезнь сердца отца Алексия: «Наступил 1923 год. Батюшке становилось все хуже. Жалко было смотреть, как он задыхался от мучившей его одышки» [Там же: 144].

Приведенные цитаты из жития подтверждают, что на долю отца Алексия выпало очень много испытаний, однако он никогда не падал духом, всегда

исполнял заповеди и любил ближних. Нарратор часто обращает читательское внимание на то, что отец Алексей исполнен любовью к ближнему: «“Сердце пастыря должно расширяться настолько, – говорил Батюшка, – чтобы оно могло вместить в себя всех, нуждающихся в нем”. Действительно, батюшка о. Алексей был – огромное сердце, все проникнутое Богом и в Боге беззаветной любовью к человеку. За его маленькой, ничем особенно не выдающейся внешностью скрывались бесконечные сокровища добра, любви и мудрой помощи людям в самых неожиданных, бесконечно разнообразных формах, так же сложных, как сложна жизнь того огромного города, среди которого он жил» [Там же: 110].

Нарратор охотно использует устойчивые формулы (топосы), характерные не только для житий праведных, но и для других типов житий:

1. Благочестивые родители [Pratsch 2005: 66-68]. Об этом топосе применительно к византийским житиям Т. Прач пишет следующее: «Изображение благочестия родителей может быть осуществлено различными способами. Чаще всего они называются просто “праведными и благочестивыми”. Указывается или в общих чертах на их выдающиеся добродетели и их образцовый образ жизни, или особенно выделяются некоторые аспекты их религиозной практики, например, большое количество их молитв, их воздержанность, их частые посещения церкви или их сострадание и щедрость»¹².

В «Жизнеописании московского старца отца Алексея Мечева» этот топос освящен очень подробно. Нарратор подчеркивает благочестивую жизнь родителей святого. Это следует, во-первых, из того, что отец Алексея был регентом митрополичьего хора и «пользовался с детства особым вниманием и любовью преосвященного Филарета» [Соколова 2007: 9]. Во-вторых, нарратор особенно выделяет добродетели семьи: семья «держалась доброго старого обычая радушного гостеприимства и хлебосольства» [Там же: 11] и «в близких людях – отце и матери – маленький Леня постоянно видел неизменное,

¹² “Die Darstellung der Eltern kann auf verschiedene Weise erfolgen. Am häufigsten werden sie einfach als “fromm und gottesfürchtig” bezeichnet. Es wird entweder allgemein auf ihre herausragende Tugenden und ihren vorbildlichen Lebenswandel hingewiesen, oder bestimmte Aspekte ihrer religiösen Praxis werden besonders herausgehoben, wie etwa die große Zahl ihrer Gebete, ihre Enthaltensamkeit, ihre häufigen Kirchenbesuche oder ihre Barmherzigkeit und Freigebigkeit” [Pratsch 2005: 67].

искреннее расположение ко всем и каждому, желание услужить, чем возможно помочь ...» [Там же: 12]. В-третьих, нарратор особо останавливается на добродетельном поступке матери святого: «У сестры Александры Дмитриевны умер муж. Не колеблясь ни минуты, она взяла к себе трех сирот и их мать, нисколько не подумав, что у самих тесно, что разместиться другим будет негде» [Там же].

Нарратор не проходит мимо и темы воспитания, обращая внимание на то, что дети воспитывались в строгости: «Александра Дмитриевна воспитывала своих детей со строгой и продуманной внимательностью: так, Леня перед отходом в школу получал каждый раз несколько копеек на покупку завтрака. Однажды ему захотелось вместо завтрака съесть арбуз. Он купил кусок разрезанного арбуза и по дороге съел его. В это время кто-то из знакомых шел по другой стороне улицы и видел, как Леня ел арбуз, а потом рассказал матери. С этой поры ему стали давать вместо денег готовый завтрак» [Там же: 13].

1. Мотив Благовещения [Pratsch 2005: 74-77] или мотив божественных знамений до рождения святого и/или во младенчестве, указывающих на его избранность и посвященность Богу. Вот что пишет об этом Т. Прач: «Благовещение может осуществляться с помощью разных путей, иногда в общих чертах “через известные видения и знамения”, иногда через регулярное благовещение, то есть сообщение матери через старцев или апостолов, или через голос “свыше”, то есть прямое сообщение от Бога. Часто в благовещенском топосе заранее предвещается имя святого» [Там же: 75].

В «Жизнеописании отца Алексея» этот топос присутствует несколько раз: до рождения святого и во время рождения. Во-первых, нарратор обращает внимание на то, что уже отец Алексея – Алесей Иванович – пользовался особым вниманием у святителя Филарета Московского после чудесного спасения Алексея Ивановича, когда он был еще ребенком.

Во-вторых, нарратор пишет, что «рождение о. Алексея произошло при особых, знаменательных обстоятельствах. Его мать Александра Дмитриевна перед наступлением родов почувствовала себя очень плохо. Роды были трудные и очень затянулись, жизнь матери оказалась в опасности; врачи не ручались за благополучный исход, надежда оставалась лишь на милость Божию» [Соколова 2007: 10].

В-третьих, сам святитель предвещает имя святого: «Родится мальчик, назови его Алексеем в честь празднуемого нами сегодня св. Алексея, человека Божия» [Там же: 11].

В-четвертых, нарратор еще раз подчеркивает, что святой родился при особых обстоятельствах: «Рождение ревностного впоследствии служителя у Престола Божия знаменательно совпало со временем совершения Божественной Литургии: первые минуты жизни будущего великого подвижника были встречены и овеяны молитвами Великого Первосвятителя Русской Церкви, который сам был беспримерным любителем молитвы» [Там же].

2. Ранние признаки святости [Pratsch 2005: 83-92]. Т. Прач пишет об этом топосе: «Для объединенных под этим пунктом знамений святости Эрнст Роберт Куртиус (Ernst Robert Curtius) ввел понятие топоса “ребенок-старец” (puer senex). Это понятие, однако, немного сужает этот топос, так как изображение ребенка как “старца” является лишь одной из возможностей изображения детской зрелости святого, также часто святой описывается просто как “взрослый”, или “серьезный”, или “предвидящий” и т. п.»¹³.

Данный топос также активно используется нарратором Жизнеописания. Про маленького Алексея говорится, что он «не любил никаких свар и ссор» [Соколова 2007: 11]. Нарратор обращает наше внимание на то, что «еще в младенческие годы в ребенке стали замечаться некоторые особенности. <...> Дети хозяев и гостей занимались в детских комнатах играми и развлечениями, в которых принимал участие и Леня. Но нередко в разгар самого большого веселья вдруг Леня становился серьезен и быстро удалялся от детей куда-нибудь в глубь комнаты, затихал, прятался так, что его трудно было отыскать; он замыкался в себе от шумного веселья. К семи годам окружающие прозвали его за это “блаженным Алешенькой”» [Там же: 12]. В этом фрагменте очевидно проступает топос «ребенок-старец», однако здесь наблюдается и модернизация

¹³ “Für die unter diesem Punkt vereinigten Zeichen der Heiligkeit hatte Ernst Robert Curtius den Begriff des Topos vom “Kindgreis” (puer senex) ins Gespräch gebracht. Dieser Begriff engt jedoch den Topos ein wenig ein, da die Darstellung des Kindes als “Greis” nur eine Möglichkeit der Darstellung kindlicher Reife des Heiligen ist, ebenso häufig wird der Heilige einfach nur als “erwachsen” oder “ernst” oder “vorauswissend” u. ä. gezeichnet” [Pratsch 2005: 88].

топоса: ребенок не избегал детских игр полностью, но нередко во время игры замыкался в себе.

3. Образование [Pratsch 2005: 92-105]. Т. Прач пишет, что одним из частых мотивов в житии является получение святым светского или духовного образования. В Жизнеописании также обращается внимание на обучение праведного Алексея в Заиконоспасском училище, затем в семинарии, тем самым подчеркивается, что святой получил духовное образование. Интересен также фрагмент, в котором рассказывается о том, что святой хочет поступить в университет и стать врачом, но отказывается от этого пути и выполняет желание матери, которая хотела, чтобы он стал священнослужителем. Этот эпизод подчеркивает еще одну важную добродетель святого – послушание. Кроме того, нарратор акцентирует внимание читателя на старательности святого в учении: «В учении он был очень старателен и исполнителен до безжалостности к себе; каждый раз уходил в школу задолго до занятий, чтобы не опоздать ...» [Соколова 2007: 13].

4. Описание личности [Pratsch 2005: 106-108]. Т. Прач отмечает, что типичные личностные характеристики святых – «красота тела и душевное целомудрие – имели значение выражения совершенства и божьей избранности»¹⁴. Внешняя красота святого описывалась такими словами, как «красота» и «телесная гармония», в то время как внутренняя красота подчеркивалась такими словами и сочетаниями, как «благодать», «Божий дар», «страх Божий» и др. Как и в византийских житиях, нарратор Жизнеописания на протяжении всего текста несколько раз возвращается к этому топосу и раскрывает добродетели праведного Алексея: его душевную красоту и любовь к ближнему. Это можно встретить, например, в описании его характера в детстве: «Маленький Леня, как звали батюшку о. Алексея в семье, отличался тихим, миролюбивым характером, не любил никаких свар и ссор. <...> Он же особенно выделялся среди братьев и сестер мягкосердечием. Рос он простым и открытым мальчиком; ему хотелось, чтобы всем было хорошо; всех умел умиротворить, если налетела тучка, любил развеселить, утешить, пошутить, даже старших иногда насмешит; но все это у него выходило как-то

¹⁴ “Körperliche Schönheit und seelische Lauterkeit galten als Ausdruck der Vollkommenheit und Gotterwähltheit” [Pratsch 2005: 106].

благочестиво, до старости он сохранил простоту души, ясный, светлый взор; простые души всегда были ему особенно сродни» [Соколова 2007: 11].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что современные жития праведных разнообразны в типовом отношении, имеют как схожие с классическим житием элементы, так и отличные от него.

В современных житиях о праведных на первый план выходит чин праведных священников из белого духовенства в отличие от Древней Руси, когда не было традиции канонизировать священников из белого духовенства. Однако в конце XIX – начале XX вв. появился священник нового типа, что послужило основой для современных житийных текстов.

Странноприимство, нищелюбие, благотворительность – вот добродетели, которые являются главными для данного чина святости и всегда находят отражение в житиях XX-XXI вв.

В данном разделе было рассмотрено три современных жития праведного Алексия Мечева. Каждое из них имеет свои особенности. Данные жития праведного Алексия выполнены в трех разных житийных жанрах: краткое («проложное») житие, житие-воспоминание и пространное житие (жизнеописание).

Общей чертой всех этих житий является тот факт, что все они написаны женщинами. Это было не свойственно классическому житию, и, несомненно, наложило свой отпечаток на характер написания этих текстов. В житиях, написанных женщинами, больше слов, которые передают чувства, эмоции, психофизиологические состояния, детали быта, семейные обстоятельства; прослеживается излишняя любовь к чудесам и знамениям. Чрезмерная эмоциональность таких текстов также типична для «благочестивого сентиментализма» или «стиля умиления».

Во всех трех житиях праведного Алексия проявляется не только долготерпение святого и смиренное несение жизненных испытаний, но и «исполнение заповедей и любовь к ближнему».

Повествовательный мир краткого жития проникнут только «божественным началом» (в нем нет явной борьбы добра и зла), а в житии-воспоминании присутствуют два царства: царство Бога и царство сатаны, однако первое подчиняет себе второе. Эксплицитное и имплицитное

«божественное начало» (Бог) свойственно жизнеописанию: в описании чудес, комментариях, оценках нарратора – везде проступает мысль о том, что все подчинено Божьему промыслу.

Мир зла, дьявольский мир в жизнеописании показан имплицитно, при этом изображение зла происходит не через образы демонов или бесов, а через описание сложного, тяжелого уклада жизни тех лет: голода, холода, болезней, войны, воровства; через рассказ о тех испытаниях, которым подвергся о. Алексей.

Нарратор в кратком житии выражен имплицитно, в житии-воспоминании – эксплицитно: при помощи личных местоимений и форм глагола первого лица, а также он присутствует имплицитно в экспрессивной функции языка (например, в прилагательных со значением оценки «грешная» и «глупая»), в жизнеописании – только имплицитно (это проявляется в топосах).

В житии-воспоминании акцент делается не на жизни святого, а на жизни нарратора. Даже включенные в житие видения – это не видения святого, как в древних византийских житиях, а личный опыт нарратора.

Нарратор жизнеописания последовательно использует устойчивые формулы (топосы), характерные не только для житий праведных, но и для других типов житий, в то время как авторы других житий их не используют или не заостряют на них своего внимания.

Чудеса, мотив слез и праведная кончина отца Алексея присутствуют практически во всех трех житиях и, как и в классическом житии, призваны вызвать умиление у читателя.

Таким образом, описание «слез», чудес, тяжелых условий быта, голода, холода, войны и т. д. заставляет читателя проникнуться переживаниями святого, умилиться, прослезиться, возможно, «заразиться» этой слезностью, чтобы внутренне очиститься, понять свою греховность и приобщиться к особой атмосфере жития.

3. Поэтика современного жития: автор, читатель, нарратор и другое

3.1. Абстрактный читатель и абстрактный автор современного жития

Выше мы говорили о форме, стиле и языке современных житий, теперь необходимо проанализировать особенности жития, связанные с субъективной стороной повествования – с автором и читателем житийных текстов.

Современными агиографами становятся люди различного рода деятельности, каждый из них имеет свой стиль, свое представление о читателе, о целях и задачах жития. Поэтому раскрытие образа автора и образа читателя в современных житиях представляет несомненный интерес. Важной фигурой является также конкретный читатель и его отношение к современным житиям.

Для раскрытия образа автора и образа читателя обратимся к книге В. Шмида «Нарратология». В. Шмид заменяет термины «образ автора» и «образ читателя» на термины «абстрактный автор» и «абстрактный читатель». Под абстрактным автором он понимает «обозначаемое всех индициальных знаков текста, указывающих на отправителя» [Шмид 2003: 53], а под абстрактным читателем – представление о получателе, входящее в «совокупность свойств реконструированного конкретным читателем абстрактного автора» [Там же: 58]. Таким образом, только через призму сознания конкретного читателя выявляются абстрактный автор и абстрактный читатель. В то же время абстрактный читатель – это представления конкретного автора о своем читателе.

Абстрактный читатель включает два компонента: предполагаемого адресата и идеального реципиента. Предполагаемый адресат – это читатель, к которому обращено произведение; его языковые коды, идеологические нормы и эстетические представления учитываются конкретным автором при написании произведения, чтобы само произведение было правильно истолковано. Идеальный реципиент – это такой читатель, который прочитывает произведение конкретного автора идеальным образом и принимает позицию, высказанную в тексте.

В. Шмид отмечает: «Если произведения авторов-проповедников могут требовать определенного осмысления, то для авторов-экспериментаторов, как правило, допустимы разные толкования» [Шмид 2003: 61]. Современные жития

можно отнести к произведениям авторов-проповедников, требующим определенного осмысления, поэтому для таких текстов абстрактный читатель – это идеальный реципиент.

Рассмотрим для примера несколько современных житий.

Книга «Бог говорит избранникам своим...» Л.Н. Емельяновой [Емельянова 2006] предполагает адресата книги, который владеет русским и немного церковнославянским языком, который должен быть православным или иметь интерес к этому вероисповеданию, возможно, иметь какие-то представления о житиях святых, а идеальный реципиент должен не только верить во все чудеса и пророчества отрока Вячеслава, верить, что тот святой, но и разделять другие еретические, с точки зрения православия, взгляды конкретного автора: «В эту книгу авторы попытались (вольнo или невольнo) собрать почти все ереси, которые в моде сейчас среди нашего народа: это и любимые всеми “шестерки”, штрихкоды, прививки, колдуны, “царь-искупитель” и проч.» [Плужников 2015].

Напротив, современные жития, написанные игуменом Дамаскином (Орловским), требуют не столь строгого прочтения от абстрактного читателя. Его предполагаемый адресат также должен владеть русским языком, быть православного исповедания, а идеальный реципиент должен обладать знаниями истории XX века и истории Православной Церкви XX века. В остальном конкретный автор не предполагает различного прочтения текста, так как большинство житий написаны в сухой, биографической форме, которая сама по себе не предполагает различных прочтений. Описание чудес в житиях также редко, но верить в них или нет – это право есть у читателей этих житий, в отличие от читателей книги «Бог говорит избранникам своим...».

Итак, чтобы обнаружить в тексте абстрактного автора нужно найти в тексте индициальные знаки или Индексы, указывающие на отправителя. В. Шмид не приводит примера из литературного произведения, чтобы показать, что он имеет в виду под этим понятием, но приводит следующий пример: «Любое сообщение содержит имплицитный образ отправителя и адресата. Когда мы слушаем, не видя ни говорящего, ни его собеседника, к кому-то обращенную речь неизвестного нам человека, мы автоматически на основе услышанного создаем для себя представление об отправителе и получателе

речи, вернее – не о получателе самом по себе, но о получателе, каким его предполагает отправитель, т. е. о предполагаемом адресате» [Шмид 2003: 41].

Также В. Шмид пишет, что у каждого читателя свое восприятие, представление об абстрактном авторе и что каждому прочтению соответствует свой абстрактный автор. Это определение близко виноградовскому определению «образа автора» [Виноградов 1980: 3]. Н.С. Валгина называет его «образ стиля автора» [Валгина 2003: 67].

Несомненно, у каждого современного агиографа существует свой стиль. Средневековые агиографы также имели свой стиль, но все-таки ограниченный рамками житийного канона, поэтому все жития в основе своей были похожи. Так же в каждой иконе, написанной по канону, присутствуют какие-то индивидуальные черты иконописца, их создавшего.

В отличие от древних икон, современные иконы отображают не только события новейшей истории (изображение красноармейцев, Сталина), несут отпечаток времени (изображение автоматов, очков), но имеют отклонения от канонов. Так, на одной из современных икон, иконе святителя Иоанна с Царем (Фонд Иоанна Чудотворца, Москва), святитель Иоанн, архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, изображен в очках, и лик написан не в анфас, как всегда на иконах, а в пол-оборота, к тому же соблюдается его точное портретное сходство и манера письма лика не иконописная – это портрет (См. Изображение 5.). Для сравнения можно рассмотреть другие иконы того же святого в этом фонде [Иконы 2015]. Мы не случайно заговорили о классических и современных иконах, так как жития часто называют словесной иконой. Тенденции, отобразившиеся в некоторых современных иконах, можно видеть и в современных житиях. При этом каждый агиограф сам выбирает, насколько четко хочет следовать классическому стилю.

Рассмотрим некоторые жития с точки зрения метода «Нарратологии» В. Шмида [Шмид 2003].

В «Сказании о житии блаженной старицы, матушки Матроны» (в дальнейшем – Сказание), составленном З.В. Ждановой [Жданова 1993], возникает образ автора-женщины. Ж.В. Кормина обратила внимание на то, что в Сказании фигурирует только один рассказчик-мужчина, все же остальные – женщины [Кормина 2010: 5]. Сам факт того, что житие написано женщиной, –

новое явление в агиографии. В Средние века написанием житий занимались мужчины-монахи или священники, по крайней мере, все известные нам агиографы были мужчинами (на Руси – это преподобный Нестор, Пахомий Логофет, Епифаний Премудрый и др.).

Неудивительно, что автор Сказания выбирает темы, волнующие женщин, и рассказывает о житии с позиции женщины: много пишет о себе, своей судьбе, приводит много бытовых, житейских рассказов (о том, как ее мать вышла замуж, о войне, бедности, поисках работы, покупке квартиры, колдовстве, порче). Особенно много включает информации о колдовстве, и это присутствует не только в воспоминаниях З.В. Ждановой, но и в воспоминаниях других рассказчиц. И хотя колдуны фигурируют и в некоторых древних житиях, воспоминания З.В. Ждановой указывают на то, что рассказчицей является женщина: происходит заострение на деталях, наблюдается излишний мистицизм, эмоциональность. Например: «Был еще случай. Верочка приехала к Матушке на станцию Сходня, и вдруг Матушка говорит хозяйке дома: “Спрячь скорее Верочку, к нам идет колдунья, спрячь ее от нее!”. Ее спрятали за занавеску. Матушка говорит: “Я долго с ней разговаривать не буду, она сейчас быстро уйдет”. Сотворила молитву, входит эта женщина. Матушка ей: “Ну что же, не сидится тебе там, и сюда приехала? Здесь нечего тебе делать, я больная, ложусь спать”, – и выпроводила ее» [О жизни и чудесах блаженной Матроны 2009: 51].

Этот эпизод можно считать незначительным для жития, однако автор сохраняет его, как и множество других подобных эпизодов. В житиях ничего не должно быть лишнего: всё должно говорить нам о подвиге святого, его добродетельной жизни. Скорее всего, именно по этой причине в дальнейшем, в других вариантах жития Матроны, все малозначительные эпизоды, такие, как этот, просто отсутствуют, в поздних житиях Матроны остались только самые важные с точки зрения житийной литературы происшествия. Конечно, и в этом эпизоде тоже можно заметить указание на доброту святой: Матрона заступилась за Верочку. Однако он не несет большой смысловой нагрузки.

Таким образом, эти Индексы указывают на то, что житие в первую очередь адресовано женской аудитории.

Следует отметить, что речь единственного рассказчика-мужчины, по мнению Ж.В. Корминой, сохраняет особенности мужской речи [Кормина 2010: 5], в частности, «только он называет профессию мужа Ждановой – тот “был инженером по возведению кессонных работ”» [Там же].

Язык, которым написано житие, также указывает на отправителя. По прочтении текста возникает образ автора-простолюдинки, крестьянки, о чем можно судить по описанию деревенского быта, употреблению просторечий и разговорной речи. Даже в тексте З.В. Ждановой под заглавием «Восьмой столп России», а не только в словах Матроны встречаются элементы просторечия и разговорные слова: «еле отодрали» (еле оторвали), «как цыкнет» (запрещать окриком «цыц»), «самую неказистую» (самую некрасивую), «втихаря» (втихомолку), «знала все события наперед» (знала вперед), «была страшно бедна» (была очень бедна), «по своему хотению» (по своему желанию), «страшно тяжелая жизнь» (очень тяжелая жизнь), «падучая» (эпилепсия), «Кырька вступила» (возможно, от диал. «кыркать» – хворать, недомогать), «чирий» (гнойный нарыв, фурункул), «кила» (грыжа, опухоль). Также в этом тексте присутствуют уменьшительные варианты имени Матрона: «Матрюшенька», «Матронушка» и даже в одном месте «Мамусик» вместо «Матушка».

Употребление разговорной речи и просторечия было недопустимо по канонам древней житийной литературы. С писатели всегда были высокообразованными людьми, и при написании жития пользовались «высоким» языком: церковнославянским, часто использовали грецизмы, цитаты из Священного Писания.

Ошибка автора сказания – частое употребление в тексте Индексов «колдун», «порча», «сглаз», что, во-первых, указывает на плохое знакомство автора с духовной литературой (а это уже примета времени: духовная литература в СССР была запрещена и малодоступна). Некоторые читатели также замечают, что книга написана неграмотно с богословской точки зрения. Например, форумчанин Миша пишет: «Очень обидно, что имя Святой Матроны ассоциируется с порчей, сглазом и т. д.» [Благовест 2008].

Во-вторых, употребление этих Индексов неуместно в духовной литературе, особенно в таком контексте. В древней житийной литературе

можно встретить упоминание о колдунах (например, в житии священномученика Киприана и мученицы Иустины), но в них дан православный взгляд на колдовство. Вместо слова «колдун» используется церковнославянское слово «чародей», а вместо слова «колдовство» – «чародейство». В древних житиях никогда не говорится о сглазе и порче (сами эти слова отсутствуют в житиях), а показано, что святому, пребывающему в посте и молитве, они не страшны, объясняется, что чародей действует через бесов, которые не могут повредить человеку, защищенному Благодатью Божьей. Однако в Сказании об этом не говорится ни слова.

Иначе написаны семь томов книг игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия» [Орловский 1992-2002]: в них предстает теологически образованный образ автора, образ ученого-исследователя. Начало каждой книги игумена Дамаскина предваряет разделом «Вместо предисловия», что само по себе нехарактерно для житийной литературы. Однако можно видеть, что автор-нарратор осознанно стремится сохранить житийность стиля. В предисловии к первой книге присутствует самоуничижительная формула, но в завуалированной форме: «Потому и описать душевное состояние подвижника нелегко, не сходно оно с нашим. Но я и не дерзал на это, а хотел лишь, чтобы читатель чтением книги доставил себе душевную пользу и мог сказать: “Святые мученики, исповедники и праведники российские, молитесь Бога о нас!”» [Орловский 1992: 6].

Здесь автор-нарратор не сам обращается с молитвой к святым, как в классических житиях, а указывает, что читатель сам должен помолиться святым новомученикам, читая его жития. Таким образом, перед нами возникает образ именно современного верующего (абстрактного) читателя жития, каким его видит иеромонах Дамаскин (Орловский), но в то же время конкретный автор представляет его не смиренным абстрактным читателем, а критично настроенным по отношению к тексту жития.

Иногда видно особое уважение абстрактного автора к некоторым святым. Например, в «Жизнеописании святителя Василия, епископа Кинешемскаго» ощущается особое уважение абстрактного автора к образованию и образованности святителя, к его монашескому подвигу. Представляется, что

только монах может с такой любовью описывать монашескую жизнь другого человека. Агиограф подчеркивает, что детство святого было подобно монашеской жизни: «Ни новостей, ни праздных разговоров не проникало за высокую изгородь их дома, покидать который детям воспрещалось» [Орловский 2005: 3].

В тексте подчеркивается любовь к уединению и молитве, несению особых испытаний: святитель спал на голом полу, положив под голову полено. Автор-нарратор отрицательно относится к советской власти (называет ее «безбожной властью») и обновленчеству (называет его «еретическим церковным течением»).

Стиль игумена Дамаскина – сочетание лиричности с сухостью протокольной записи. В конце каждой из книг даны примечания, что еще больше подчеркивает образ ученого-исследователя. Обилие биографических данных также характерно для жизнеописаний игумена Дамаскина, но в тоже время эту особенность можно встретить и в других современных житиях. В древних житиях существовала абстрагированность, то есть отсутствовали все даты жизни святого, а в жизнеописаниях игумена Дамаскина дана полная биографическая справка, все годы жизни святого. Можно предположить, что это рассчитано на современного читателя: и на сомневающегося, и на верующего. Современному читателю, воспитанному на фактах, просто необходимы достоверные данные о святом: одному читателю, чтобы уверовать, что такой святой действительно жил, другому – чтобы точно знать, когда и где жил данный святой. Об этом же говорит и один из читателей игумена Дамаскина – игумен Климент: «Мой маловерный рассудок часто скептически относился к жизнеописаниям древних подвижников и мучеников, изобилующих необычайными чудесами. В книге игумена Дамаскина меня потрясло то, что и в XX веке Бог, “дивный во святых своих”, совершал через них такие же чудеса, как и в первые века христианской истории. Описания этих чудес подтверждены ссылками на архивные материалы протоколов допросов НКВД и свидетельства очевидцев, и некоторые из них живы по сей день. Так что всякие сомнения уходили в сторону.

Отец Дамаскин старался не делать каких-то умозрительных заключений, а подавать только фактаж, обрамленный прекрасной литературной формой,

легкой для восприятия “среднестатистического” читателя. На мой взгляд, самым большим чудом у новомучеников XX столетия является чудо их веры. Они были почти нашими современниками. И читая каждый новый рассказ, я пытался поставить себя в описанные в нем условия, спрашивал себя: а как бы я поступил, если бы сегодня вновь повторились те страшные события? Казалось бы, на этот вопрос должен быть один твердый ответ. Грустно, что частенько вместо ответа в моих мыслях рождалось лишь многоточие.

Я убежден, что прочитанная мною книга является одним из надежных средств укрепления слабой веры» [Недавно я прочел 2007].

Очевидно, зная, что жития читаются, чтобы научиться праведной жизни на примере жизни святого, сделать нравственный вывод, автор часто указывает на подвиг святого, на его добродетели (указывает или прямо, или косвенно – через поступки святого).

Совсем не так, как предыдущие две книги, написана книга «Пасха Красная» Н.А. Павловой [Павлова 2002]. Конечно, есть у данных произведений и общее: автор также делает акцент на свидетельствах очевидцев и некоторых архивных документах, использует автобиографии монахов, написанные ими при поступлении в Оптину, а также дневник иеромонаха Василия.

Книга, впервые вышедшая в 2002 году, быстро снискала популярность среди верующих читателей. Журналист Л. Ильюнина пишет, что «...когда увидела свет книга “Пасха Красная” Н.А. Павловой, оказалось, что повествование именно такого жанра особенно востребовано читателями: за короткое время книга, первоначально вышедшая 20-тысячным тиражом, была трижды переиздана» [Ильюнина 2003].

Уже в предисловии к книге нарратор заявляет, что перед нами не житие, а летопись событий, хотя какие-то элементы жития всё-таки сохраняются, особенно в предисловии. В нем также присутствует самоуничижительная формула и молитва оптинским новомученикам. Нарратор указывает в этом же предисловии, что, обращаясь к жанру летописи, продолжает традицию православного писателя Сергея Нилуса.

Однако перед читателем разворачивается не простая летопись событий, а целая хроника событий тех лет (с самого начала возрождения обители) и даже журналистское расследование, что придает повествованию элементы

детективного жанра. Читатель узнает, кто был убийцей, как действовал убийца и даже почему он совершил свое преступление.

Иногда слова нарратора вступают в противоречие с ее же словами, сказанными ранее. Например, она пишет, что свет над Оптиной в космосе, который видят космонавты, означает, что Оптина – святая земля [Павлова 2002: 10], потом пишет, что в Оптиной «отсутствует» благодать – нет птиц, рыбы, не растут грибы и т. п. [Там же: 272]. Автор-нарратор описывает всё так, что создается впечатление, что благодать «вернули» новомученики: «В лето после убийства местные женщины всполошились: “Лес оживает. Черника пошла”» [Там же: 273].

Видимо, по причине таких канонических неточностей конкретного автора попросили создать другое житие. Л. Ильюнина пишет по этому поводу: «Воспоминания сопровождалось пространным комментаторским текстом – рассуждениями о судьбах нового поколения, о “новой истории” возрождающейся Оптиной пустыни, много было авторских словесных портретов и авторских оценок описываемого и публикуемого материала. В монастыре такую работу не одобрили и попросили все переписать “по канону”. Н.А. Павлова не смогла этого сделать. Ее материалами воспользовался другой человек и по благословению Оптиной пустыни издал серию книг» [Ильюнина 2003].

Переписанные «по канону» жизнеописания трех новомучеников размещены на официальном сайте Оптиной пустыни [Оптина пустынь 2013].

В то же время облик новомучеников в книге «Пасха Красная» прорисован ясно: их подвиги, внутреннее делание, молитва, молчаливость, любовь к церковной службе, любовь к людям, нестяжание, великодушие. Конечно, у читателя возникает желание подражать такой жизни, их подвигу. Однако там, где возможно, автор-нарратор подчеркивает, на ее взгляд, «положительные» качества будущих монахов до прихода в монастырь. Так, нарратор многократно подчеркивает любовь Игоря Рослякова к спорту, хотя из воспоминаний видно, что он в этом раскаивался.

Можно предположить, что главной причиной, повлиявшей на отрицательное отношение священноначалия к этой книге, стало заметное присутствие в тексте образа автора, авторской оценки событий.

Особое внимание следует уделить оформлению книги. Оно также формирует образ автора или влияет на него. В.В. Виноградов пишет об этом следующее: «Необходимо указать еще на одну сферу соотношения, а иногда и взаимодействия образа автора (или авторов) в двух разных искусствах: художник слова, писатель и его иллюстратор, художник пера и кисти» [Виноградов 1971: 207]. В современном мире к этому списку можно добавить иллюстратора-оформителя. Далее В.В. Виноградов замечает: «Иллюстрация может образовать барьер между автором, его замыслом и читательским восприятием. <...> Таким образом, для достижения гармонии между писателем-автором и его иллюстратором должно быть внутреннее (или типологическое) единство их стиля» [Там же].

Самая первая книга «Пасха Красная», вышедшая в 2002 году, была оформлена следующим образом: обложка соответствовала названию – она была красного цвета; в оформлении обложки был использован фотомонтаж – два монаха-звонаря на колокольне, а рядом – третий монах, к тому же в правом верхнем углу обложки были помещены три фигурки желтых ангелов с трубами (См. Изображение 6). В самой книге размещены также фотографии монахов и монастыря. Все это гармонично вписывается в содержание книги и не противоречит ему.

Три ангела – это, во-первых, указание на трех монахов, так как монашество – это ангельский чин, во-вторых, это указание на трех монахов как святых мучеников, и, в-третьих, это указывает на один из эпизодов книги: «Гость ушел, а инок Трофим продолжил работу. Он осваивал тогда тиснение и для пробы отгиснул на титульном листе помянника трех Ангелов – один повыше, а двое по бокам пониже. Три Ангела трубят в трубы, созывая человечество на Страшный Суд» [Павлова 2002: 43]. Этот эпизод является как бы предсказанием, предчувствием иноком Трофимом (одним из трех мучеников) будущих событий.

Однако обложка книги не совсем удалась. Фигура иеромонаха Василия, вставленная в фотомонтаж, не подходит к нему и выглядит чужеродной, видимо, потому что вырезана из черно-белой фотографии. А фигуры трех ангелов являются избыточным компонентом композиции.

Иным образом была оформлена обложка этой же книги, переизданной в 2008 году (См. Изображение 7). На ней уже рисунок (почти иконописный): три монаха представлены, как изображают мучеников на иконах, с крестами в руках и нимбами над головами. Интересно, что нимбы соединены вместе, над монахами – три колокола и надпись: «Христос Воскресе!», а под ними – Оптина Пустынь. Эта обложка удачно вписывается в сюжет книги, так как это оформление сочетается со сном, рассказанным в ней одной женщиной: «Я вся горела огнем и не пойму, задремала я или видела все наяву. Но вижу – пришли ко мне и молятся о моем здравии преподобный Амвросий Оптинский, батюшка, у которого я исповедовалась, и трое неизвестных монахов. Что удивительно – вижу этих монахов нераздельными, будто они срослись друг с другом в плечах. Почему-то сразу пришло на ум, что это Оптинские новомученики. А когда позже увидела их фотографии, то сразу их узнала» [Там же: 274-275].

Эта обложка выглядит намного удачнее и сразу привлекает к себе внимание читателей. В ней не изменился только красный фон книги. Оформление в любом случае дополняет книгу, читатель может видеть на фотографиях в книге Владимира Пушкарева, Леонида Татарникова и Игоря Рослякова до монастыря и в монастыре, видеть их погребение и их могилы. В книге нет ни одной иконы самих трех монахов, так как они еще не прославлены Церковью, но при этом присутствуют фотографии, что необычно для жития.

Другая книга – «Отец Арсений», – написанная неизвестным автором, также очень популярна в православной среде. Вначале она ходила в самиздате¹⁵, сейчас существует уже несколько переизданий этой книги, которые были пополнены новыми воспоминаниями, вошедшими в две части: четвертую «Путь веры» и пятую «Возлюби ближнего своего».

Некоторые скептики полагают, что книга является художественным произведением, то есть выдумкой, однако комментатор, протоиерей Владимир

¹⁵ «СамиздАт (читается [самыздАт]) – способ неофициального и потому неподцензурного распространения литературных произведений, а также религиозных и публицистических текстов в СССР, когда копии изготавливались автором или читателями без ведома и разрешения официальных органов, как правило машинописным, фотографическим или рукописным способами». ~ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82> (дата обращения: 15.12.2015).

Воробьев, подчеркивает, что отец Арсений реально существовал и история правдива.

Мнения читателей-форумчан также разделились: кто-то из них считает, что о. Арсений – реальная историческая личность, а кто-то, что он собирательный литературный образ [Форум миссионерского портала 2007-2009]. Так, православный писатель Павел Проценко считает, что книга выдумана:

«Несмотря на то, что сравнительно недавно Св.-Тихоновский институт посетил некто В.В. Быков, знакомый о. Арсения, принесший новые многостраничные воспоминания о нем, биография “старца” все так же не прояснена. При большом количестве его духовных детей, оставивших воспоминания, не сохранилась даже его могила (умер же старец на свободе, в 1972 г.). А ведь если бы о. Арсений был “известнейшим ученым” (это голословное утверждение, впрочем, Нежный повторяет со слов одного из персонажей книги, начальника оперчасти лагеря) и до ареста служил в одном из московских храмов, то установить его настоящую фамилию особого труда не представило бы» [Проценко 2003].

С другой стороны, следует отметить, что имя о. Арсения упоминается в базе данных «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века» [Новомученики и исповедники 2011], что указывает на действительное существование этого священника.

Справка:

«АРСЕНИЙ, иеромонах

— 1894 — родился в Москве.

— 1911 — окончил реальное училище; поступил в Московский Императорский университет.

— 1917 — окончил Московский Императорский университет написал первые искусствоведческие работы по старинному русскому зодчеству.

Жил в Оптиной Введенской пустыни. Получил благословение на постриг и иерейский сан.

— 1919 — иеромонах. По благословию Патриарха Тихона служил в храмах Москвы.

— 1921 — настоятель храма; при храме создается община.

— 1927 — арестован и сослан на Север.

— 1929 — вернулся из ссылки с запрещением жить в зоне 100 км от Москвы. Настоятель храма.

— 1931 — арестован. Сослан на 5 лет в Вологодскую обл.

Вновь арестован. В заключении (1 год), вновь сослан.

— 1938 — после возвращения из ссылки получил разрешение жить в Вологодской, Владимирской и Архангельской областях.

— 1939 — третья ссылка в Сибирь, затем на Урал.

— 1940, конец года — в заключении в лагере на Урале.

— 1942 — находился в лагере особого режима.

— 1958, март — после освобождения проживал в г. Ростове Великом Ярославской обл.

— 1975 — год кончины.

Погребен в г. Ростове Великом.

Широко известная книга Отец Арсений, появившаяся в самиздате в начале 1980-х годов и впервые изданная в 1992 г., дает образ святого старца-исповедника настолько яркий и непривычный для современного читателя, что некоторые, усумнившись, решились утверждать даже в печати, что это — собирательный литературный образ или вовсе вымышленный плод трудов писателя-романтика. Долгое время, к сожалению, не удавалось узнать никакие более подробные, чем приводятся в книге, биографические данные. Теперь, однако, мы знаем многие даты из жизни отца Арсения. Однако подлинное имя его остается неизвестным. В книге оно изменено из соображений конспирации. Известно о нем еще, что в 30-х годах он совершал богослужение дома, тайно приезжал в Москву несколько раз, тайно же встречался с епископом Афанасием (Сахаровым), когда Владыка хотел посвятить в священнический сан нескольких духовных чад отца Арсения.

* Прот. Владимир Воробьев.

* Быков В. В.» [Новомученики и исповедники 2011]

Конкретный автор книги об о. Арсении неизвестен, в предисловии он представился как «раб Божий Александр». О нем мы знаем только из его рассказа в предисловии к первой части:

«Господь привел меня пройти малую часть лагерного пути с отцом Арсением, но и этого достаточно, чтобы обрести веру, стать его духовным сыном, пойти путем его, понять и увидеть его глубочайшую любовь к Богу и людям и познать — что такое настоящий христианин» [Отец Арсений 1994: 9].

Из этого можно сделать вывод, что Александр отбывал срок в одном лагере с отцом Арсением и с тех пор уверовал в Бога, стал духовным чадом о. Арсения. Лагерная жизнь описана, как если бы о ней писал очевидец тех событий, человек, испытавший все это в своей жизни.

Можно видеть, что воспоминания духовных чад отца Арсения записаны и обработаны одним человеком – автором-составителем, то есть Александром. Это видно по особому стилю, почерку автора-нарратора: в предложениях используются ряды однородных членов, чаще всего с бессоюзной связью, что создает ощущение живого рассказа. Ср. предложения, взятые из разных глав книги: «Понятия Бог, наука, интеллигент для многих стали сближаться» [Там же: 25] и «Шум, смех, крики, визг» [Там же: 212].

Бросается в глаза также то, что нарратор с особым лиризмом описывает природу:

«Было тепло, комары монотонно звенели, вились сероватым облачком, пытаюсь проникнуть через сетку накомарника. Внезапно возникший ветер уносил комаров, но через несколько мгновений ветер стихал, и они снова окружали меня. Лагерь, барак, уголовники, постоянный надзор сразу забывались, было только беспредельное синее небо, лес, колыхавшиеся травы, голоса птиц и молитва, объединяющая все и соединяющая с Богом и природой, созданной Им» [Отец Арсений 2016: 122].

Лагерная жизнь явно изображена человеком, который сам прошел этот тяжелый путь и знает его изнутри:

«Уходить из лагеря разрешали нечасто. День этот был выходным. Я вышел из зоны и пошел далеко в редколесье, раскинувшееся за лагерем, где раньше, когда “особый” был полон заключенных и в нем кипела лагерная жизнь, постоянно горели костры, оттаивавшие землю для больших, но неглубоких ям, в которых ежедневно хоронили умерших лагерников» [Отец Арсений 2016: 122].

Нарратор постоянно подчеркивает достоверность своего повествования, ссылаясь на воспоминания, рассказы людей, которые лично знали о. Арсения,

некоторые из которых прошли с ним лагерные испытания.

Например, такие пометки автора в конце глав: «записано со слов Алексея и некоторых очевидцев, живших в том же бараке» [Отец Арсений 2016: 60], «записано по рассказам Авсеенкова, Абросимова, Сазикова и краткими описаниями-воспоминаниями отца Арсения» [Отец Арсений 2016: 48].

Особенность этой книги, в отличие от других житий, – почти полное отсутствие описаний явных чудес. В Евангелии и других житиях обязательно наличие чудес (хотя не во всех житиях они есть): изгнание бесов, умножение хлебов, исцеления, воскрешение мертвых и т. д. В книге «Отец Арсений» чудеса проявляются в самой жизни, то есть неверующий человек может принять эти события за случайность, а для верующего – это Промысл Божий. В книге всё рассказывается с позиции верующего, поэтому сам рассказчик делает выводы за читателя, кем бы он ни был.

Однако в книге есть несколько примеров явных чудес: эпизод, когда о. Арсения и Алешу поместили в карцер в тридцатиградусный мороз, но они не замерзли и выжили [Отец Арсений 2016: 54 — 60], и эпизод спасения девушки от насилия, когда насильнику явилась Сама Богородица [Отец Арсений 2016: 239 — 246].

Думается, что книга рассчитана на любого читателя: на верующего и неверующего одновременно. По рассказам некоторых читателей-форумчан, книга многих привела к Богу:

«Тауга, Россия, Сибирь.

Отзыв: Книга "Отец Арсений" - под ред. прот. Владимира Воробьева - Книга от уныния! Замечательная книга о подвиге веры.

ДОСТОИНСТВА: помогает довериться Промыслу Творца.

НЕДОСТАТКИ: нет в книге минусов.

Так случилось, что эта книга пришла в мою жизнь, когда началось время больших испытаний. С Божьей помощью я выдержала. В том числе, благодаря тому, что в мою жизнь приходили вот такие книги.

Эта книга о вере в нашей жизни. О том, как нужно быть христианином по-настоящему, а не номинально.

Подвиг Отца Арсения воистину удивляет. Как может человек, когда ему плохо, думать о других? Может. Если он верит в Бога, а не только в себя, как всемогущего творца-удальца.

Никогда не нужно падать духом. Уныние - смертный грех. И нам нельзя впасть в него. На страницах книг мы как раз встречаем истории людей, которые не сдались. И наоборот тех, кто испугался... Познакомимся и с их судьбами. Не для осуждения.

А для урока.
Общее впечатление: Книга от уныния! Замечательная книга о подвиге веры»
[Отзовик: 2014].

Другой читатель — Prekrasna — отвечает на этот отзыв: «Да, силы духа нам не хватает. Стоит почитать!» [Отзовик: 2015].

Литературный характер, отличающий её от других современных житий, также способствует тому, что книга с легкостью может быть понята и воспринята любым читателем.

Однако надо признать, что сам образ подвижника прорисован нарратором нечетко: он предстает ясно только в первой части «Лагерь» и не во всей второй части «Путь», а в других частях мы много узнаем о судьбах духовных чад старца, но очень мало о нем самом, о его подвиге.

Особенно четко подвиг о. Арсения предстает в первой части «Лагерь» и в некоторых других лагерных воспоминаниях его духовных чад, то есть в рассказах тех людей, которые были с ним в заключении. В этих рассказах читатель, несомненно, увидит образ истинного подвижника и его христианские добродетели: любовь к Богу и ближнему, особенно любовь к врагам. Таким образом, создается образец для подражания.

Особого внимания заслуживает также жизнеописание «Преподобного Амфилохия Почаевского» [Преподобный Амфилохий Почаевский 2003]. Это жизнеописание тоже анонимно. Оно написано с любовью к святому, с желанием во всей полноте отразить его жизненный подвиг. Книга разделена на три части: «Становление (Жизненный путь преподобного)», «Чудотворения» и «Прославление (Причисление к лику святых)». В конце книги размещены фотографии и икона преподобного, а также есть молитва, кондак и тропарь святому.

Особый стиль жития заметен с первых страниц повествования: нарратор с любовью описывает природу Украины, родной край, постоянно звучит мотив любви к родине, к деревне. Также поражает то, что слова святого написаны только на украинском языке, хотя нарратор постоянно цитирует известные молитвы и Священное Писание на церковнославянском языке. В двух местах нарратор использует известные цитаты из произведений Ф.М. Достоевского и А.С. Пушкина: «Дьявол борется с Богом, а поле этой битвы – сердце человеческое» и «Не зарастет к нему народная тропа».

Стиль жития соответствует канонической традиции: нарратор указывает на благочестие родителей святого, подчеркивает его добродетели (смирение, трудолюбие, любовь к Богу и людям), описывает чудотворения преподобного.

Другое житие, заслуживающее нашего внимания, – «Автобиография “Я полюбил страдание”» [Войно-Ясенецкий 2008] – было создано самим святым – святителем Лукой Крымским. Воспоминания архиепископа Луки – это важный исторический документ, повествующий не только о жизни самого архиепископа, но и о исторических событиях, атмосфере того времени. Воспоминания были бы не полны без комментариев составителя книги, сделанных в сносках внизу страниц [Войно-Ясенецкий 2008: 11, 14, 17, 18, 23-26, 30-31, 32-33, 34, 36, 38, 39-44, 46-47, 49-53, 54, 55, 56-58, 64-66, 70, 71-72, 73, 74, 80, 82-83, 94-95, 96-99, 102, 104, 110-111, 113, 115-117, 119-120, 122-123, 125-131, 156]. Именно в них во всей полноте раскрывается образ архиепископа Луки. В приложении говорится также о последних годах жизни архиепископа, так как сами воспоминания были записаны в 1958 года, а архиепископ Лука умер в 1961 году [Войно-Ясенецкий 2008: 131]. Рассказ Владыки обрывается на 1946 годе [Войно-Ясенецкий 2008: 131].

Стиль «Автобиографии» совсем не похож на житие, это воспоминания земского врача, священника и архиепископа. Мы видим, как нелегко было совмещать священнический и врачебный труд, так как Владыка Лука производил исследования на трупах, что считал поначалу недопустимым для епископа.

Также в «Автобиографии» мы видим не житийный образ святого, а образ простого человека. Архиепископ не скрывает, что в молодости был увлечен

толстовством. Мы видим также душевную борьбу Владыки Луки, его переживания по поводу совмещения епископского служения с работой врача.

Святитель Лука рассказывает о своей жизни, ничего не скрывая, и такой стиль подкупает своей открытостью, а не заставляет усомниться в праведности святого, не скрывает его жизненного подвига, несмотря на то что сам святитель не подчеркивает свою праведность. В этом случае читатель должен сам делать соответствующие выводы из жития.

Воспоминания Святителя написаны легко, как живой рассказ. Можно заметить некоторые реплики, обращенные к слушателю: «Надо отметить...» [Войно-Ясенецкий 2008: 19], «Вспоминаю курьезный случай...» [Войно-Ясенецкий 2008: 19].

Из рассмотренных нами текстов видно, что предполагаемый адресат современных житий – верующий, православный человек, владеющий русским и церковнославянским языками, знакомый с православным этикетом и православной культурой. Хотя такие книги могут попасть в руки и к неверующему читателю, однако автор в первую очередь обращается к верующему и строит текст, опираясь на житийный канон и многовековые православные традиции, поэтому этот литературный код по большей части доступен и понятен верующим воцерковленным людям. Читатель, незнакомый с этим кодом, поймет только поверхностный слой жития, а детали останутся ему непонятны.

Идеальный реципиент современного жития – это читатель, который так или иначе разделяет и понимает мнение автора жития, и тут уже недостаточно общих черт предполагаемого адресата.

Так, у каждого конкретного автора жития может быть своя точка зрения на те или иные события, свои взгляды, которые не всегда может разделять читатель (чаще всего это касается так называемых псевдожитий). Конкретный автор дает свою оценку (с положительными или отрицательными коннотациями) историческим реалиям – гонениям на Церковь, обновленчеству, репрессиям, деятельности местоблюстителя Патриарха митрополита Сергия (Страгородского) и др., историческим персонажам – Сталину, Григорию Распутину, Ивану Грозному и др. Например, в «Жизнеописании святителя Василия, епископа Кинешемского», составленном иеромонахом Дамаскиным

(Орловским), можно встретить следующие оценочные слова по отношению к святому: «необыкновенный епископ», «необыкновенные проповеди», «талантливый и широкообразованный человек». Так автор выражает отношение к святому не только свое, но и других персонажей жития, и стремится повлиять на формирование отношения читателей к этому герою, создать у них определенное положительное мнение о святом.

Так как любое житие рассказывает читателю о реальных исторических событиях, то они неизбежно проходят через призму авторского сознания, отражают его мнение по этому поводу. Так, в книге Татьяны Гроян «Царю Небесному и земному верный» на первой же странице автором высказываются мысли о покаянии всего русского народа в грехе цареубийства, что идет в разрез с мнением Церкви: «Но Господь ждет от нас не внешних проявлений памяти о святых, Милосердый Христос ждет нашего истинного покаяния, коленопреклоненного, со слезами в грехе цареубийства, попущенном при равнодушном отношении большинства, и раскаяния за то же равнодушие, страх и ложное понимание “путей Церкви в мире”, при котором произошло поругание Матери-Церкви и ее верных сынов, среди которых блаженной памяти Митрополит Макарий Московский и Коломенский» [Гроян 1996: V].

Отношение разных авторов житий к историческим личностям также может быть различным. Например, в псевдожитиях Татьяны Гроян Григорий Распутин предстает как «святой», а в других житиях он может фигурировать как отрицательный персонаж.

В отличие от автора жития о конкретном читателе современных житий мы знаем не так много. Несомненно, современный читатель жития значительно отличается от средневекового читателя. Это человек, воспитанный современной массовой литературой и культурой.

Если в Средние века чтение было подчинено церковному уставу, было частью бытия человека, то современный читатель воспринимает житийные тексты по-иному. Дело в том, что семидесятилетнее правление атеистической власти не прошло бесследно для религиозного сознания русского народа. Вековая традиция чтения житийной литературы была потеряна: религиозные книги были запрещены, в том числе и Библия. Цитаты из Библии и обрывки молитв верующий читатель мог найти только в антицерковных брошюрах и

«справочниках атеиста». Такие брошюры верующие специально искали, вырезали из них отрывки духовных текстов, собирали и склеивали цитатники [Гриценко 2014].

Большинство современных людей приходит в Церковь религиозно необразованными. Если средневековый читатель, воспитанный с детства на житийной литературе, хорошо знал, что такое житийный канон и ожидал от жития построения текста по канону, то современный читатель, только пришедший в Церковь, с детства воспитанный на советской литературе и/или на массовой литературе (фантастике, детективах и т. п.), не знает, что существует канон, по которому пишутся жития. Он, конечно, может что-то такое предполагать или знать немного об этом, но скорее всего он будет ожидать от жития обилия чудес и захватывающего сюжета. Поэтому многим современным читателям тяжело читать традиционные жития, некоторые вообще не понимают, как такое может нравиться, почему сюжеты повторяются из жития в житие и похожи один на другой. Например, на одном из христианских форумов одна из форумчанок под ником Yelka пишет: «Что делать человеку, считающему себя православным, который не может разделить со всеми православными восторги по поводу житийной литературы?»

Этот жанр чисто психологически мне очень не близок, можно даже сказать, далек. Читаешь – и тут же включается скепсис и недоверие. И житийная литература дает к этому много поводов. Слишком все гладко, приторно-однотонно, в едином восторженно-славословящем ключе» [Истории из житий святых 2004-2010].

Но в то же время современное житие воспринимается современным читателем в положительном ключе именно потому, что в нем, как правило, отсутствуют предсказуемые сюжеты.

3.2. Фиктивный читатель (наррататор) современного жития

Фиктивный читатель (наррататор) – это, по В. Шмиду, адресат фиктивного нарратора, тот, кому наррататор (рассказчик) излагает свой рассказ. Фиктивный читатель может изображаться как имплицитно, так и эксплицитно. Имплицитное изображение тесно связано с отображением нарратора, если

фиктивный читатель выявлен, то наррататор выявлен. Имплицитно наррататор отображается с помощью двух актов – апелляции и ориентировки.

Апелляция – это призыв к адресату, чтобы он занял ту или иную позицию по отношению к наррататору, повествовательному миру, персонажам и самому рассказу. Один из видов апеллятивной функции – это импрессивная функция, которая нацелена на то, чтобы вызвать у адресата эмоции (восхищение, презрение). Ориентировка – это, во-первых, коды и нормы адресата (этические, языковые, социальные и др.), а, во-вторых, предвосхищение поведения реципиента (его пассивное или активное поведение).

Эксплицитно наррататор изображается с помощью грамматических форм второго лица и различных обращений к читателю. В современном житии наррататор чаще всего присутствует имплицитно или совсем отсутствует. Однако в «Пасхе Красной» фиктивный читатель присутствует и имплицитно, и эксплицитно. Рассмотрим некоторые примеры.

«Не потому ли Господь даровал дивное долголетие этим двум вестницам, чтобы явить нам силу пророчеств исповедников и новомучеников Российских?» – Здесь наррататор явно стремится вызвать у читателя восхищение (импрессивная функция). К тому же наррататор, выбирая местоимение «нам», как бы объединяет, отождествляет себя с читателем.

«Словом, шел такой поток чудотворения, что вкратце не расскажешь» – Здесь прослеживается ориентировка. Автор-наррататор как бы заранее извиняется перед читателем, что всего «вкратце не расскажешь».

Встречается и явное обращение к читателю: «Да простит нас боголюбивый читатель за то, что поневоле касаемся скверны». Здесь эксплицитное изображение и ориентировка на этические, духовные ценности читателя, который может возмутиться «скверными» подробностями, деталями следственного дела, о котором рассказывает наррататор.

Часто в «Пасхе Красной» в качестве рассказчика-наррататора выступает другой – второй наррататор: родственники святых или другие люди, которые их знали. Получается рассказ в рассказе. В этих рассказах также может присутствовать обращение к фиктивному читателю. Например, в таком отрывке:

«Работать он умел, а коммерсант из него был никакой. Говорю это как человек, которого нужда заставила заняться коммерцией и у которого свой магазин автозапчастей. Брат думал об ином – как людям помочь. И пока другие сапожники копейку гонят и десять пар перечинят, брат, смотрю, одну пару вылизывает. Я уж не говорю о том, что дома он всем соседям чинил обувь бесплатно» [Павлова 2002: 44].

Видно, что здесь нарратор говорит с ориентировкой на фиктивного читателя. Фразы «коммерсант был никакой», «говорю это как человек...» указывают на опытного, знающего нарратора. Кроме того, подчеркиваются добродетели святого, христианские ценности: «(думал) как людям помочь», «чинил обувь бесплатно».

Нарратор постоянно обращается к фиктивному читателю, как бы ведет его по Оптиной и окрестностям, но это не выдуманный рассказчик. Конкретный автор (то есть реальное лицо – Н.А. Павлова) действительно жила недалеко от Оптиной, об этом она упоминает уже в предисловии к тексту. Конечно, в самом тексте присутствует уже не конкретный автор, а некий его образ.

Следует отметить постоянный диалог нарратора с фиктивным читателем. Нарратор принимает на себя роль летописца-рассказчика, что проявляется на протяжении всего текста. Например, в таких местах: «А складывалась летопись так...» [Павлова 2002: 3], «Начну с признания...» [Там же], «Вернемся здесь снова к тому первому застолью Трофима...» [Там же: 29], «Не потому ли Господь даровал дивное долголетие этим двум вестницам, чтобы явить нам силу пророчеств исповедников и новомучеников Российских?» [Там же: 9], «Словом, шел такой поток чудотворений, что вкратце не расскажешь» [Там же: 10], «Вспоминаются слова...» [Там же: 11], «Помню...» [Там же], «А чтобы стало понятно как, приведем...» [Там же: 12], «Так вот, однажды автору этих строк...» [Там же] и т. д.

Таким образом, нарратор показывает свою включенность в тот мир, хорошее знание событий тех лет, показывает, что он не просто автор со стороны, а один из близких людей.

3.3. Субъективность нарратора

Современный агиограф, или автор житий, как и всякий автор-нарратор, субъективен в своих высказываниях о святом. В текстах часто встречается его личное мнение, субъективная оценка событий. Перед читателем встает образ живого человека, наделенного собственными представлениями обо всём, что происходит в мире и, конечно, о том, что он описывает на страницах своего произведения.

Была ли субъективность характерна для древнерусских житий? Думается, древние писатели старались по возможности избегать субъективности, чтобы в основном придерживаться канона.

Мы уже не раз приводили примеры таких субъективных текстов современных житий. Например, житие Григория Распутина субъективно с точки зрения Православной Церкви, так как Церковь не считает его святым.

3.4. Новая интертекстуальность (цитаты из публицистики)

Если в классических житиях интертекстуальность проявлялась в цитировании Ветхого и Нового Заветов, а также в цитировании высказываний известных учителей Церкви, то в некоторых современных агиографических текстах присутствуют не только цитаты из Библии, но также новое для житий явление – цитаты из газетных публикаций. Причины и функции, которые они при этом выполняют, различны.

Как известно, Р.О. Якобсон предложил следующую модель функций речевой коммуникации: коммуникативная (референтивная), апеллятивная, поэтическая, экспрессивная, фатическая и метаязыковая [Якобсон 1975]. Подобным образом каждая из газетных цитат выполняет в житии свои речевые функции.

В книге «Пасха красная» причина цитирования – расследование убийства оптинских монахов-мучеников. Н.А. Павлова перечисляет различные версии убийства: «А в “Известиях” уточнялось: “Однако существует и дежурная для мужских монастырей версия, что убийство совершено на почве гомосексуализма”» [Павлова 2002: 126]. В этом отрывке проявляется

референтивная функция, то есть главная функция сообщения, которая связана с контекстом и соотносится с предметом, темой, содержанием дискурса, о которых идет речь.

Любопытно, что одна цитата как бы притягивает в этом тексте к себе другие, которые, в свою очередь, выполняют уже другие языковые функции. Например, после отрывка из «Известий» Н.А. Павлова пишет: «О, как же был прав о. Василий, когда взывал в Покаянном каноне: “Предстани мне, Мати, в позорище и смерти!”. Тут было все сразу – позорище и смерть. Да простит нас боголюбивый читатель за то, что поневоле касаемся скверны. Но ученик не выше Учителя, а Господа нашего Иисуса Христа тоже обвиняли: “Он развращает народ наш” (Лк. 23, 2). “Нечестивые люди состязались в низости и клевете, – писал по этому поводу святитель Иоанн Златоуст, – как бы боясь упустить какую наглость”. И теперь шло такое же состязание в низости» [Там же].

Тут уже несколько цитат: и из дневника самого мученика – о. Василия, и из Евангелия, и из слов святителя Иоанна Златоуста. Эти цитаты выполняют несколько функций – апеллятивную, поэтическую и экспрессивную.

Чаще всего цитаты из газет в современных агиографических текстах выполняют именно референтивную функцию. Так, следующая цитата из книги «Пасха Красная» употреблена в референтивной функции: «Из газеты “Московский комсомолец”: “Милиции удалось поймать убийцу. Им оказался бомж. Раньше он работал кочегаром в монастырской котельной. В январе этого года его выгнали из монастыря за беспробудное пьянство. Недавно он вновь попытался получить работу, но получил отказ. Его мезтью за это стало убийство”» [Там же: 126-127].

В книге Святителя Луки Крымского «Автобиография: “Я полюбил страдание...”» цитируется некролог, напечатанный в журнале, который также выполняет референтивную функцию: «В некрологе, помещенном в “Журнале Московской Патриархии” (1961, № 8), Русская Церковь так почтила память архиепископа Луки: “До конца дней своих он сохранил живую, отзывчивую, обаятельную душу, нежно любящую людей...”» [Войно-Ясенецкий 2008: 167]. Как видно из этого отрывка, автор-составитель, не сам автор автобиографии, прибегает к цитации, вероятно, как к оригинальному источнику, который со

всей достоверностью и правдивостью может поведать о духовных достоинствах святителя.

Причины, по которым современные агиографы прибегают к цитации, как уже говорилось, могут быть различны. Так, игумен Дамаскин (Орловский) в своих житиях чаще всего обращается к цитации, стремясь обосновать причины ареста новомучеников. Эти цитаты также выполняют референтивную функцию. Игумен Дамаскин (Орловский) упоминает как зарубежные издания («Нью-Йорк таймс»), так и местные, советские начала XX века (газеты «Вечерние новости» и «Правда»).

Приведем для примера цитату из книги «Жития новомучеников и исповедников российских XX века», один из составителей которой – игумен Дамаскин (Орловский): «Житие от Марта 9 (22) Священномученики Сергей (Лебедев), Димитрий (Гливенко), Алексей (Смирнов) и Сергей (Цветков): 14 апреля 1931 года священник был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Его обвинили в контрреволюционной деятельности – в связи с появлением его фотографии в газете “Нью-Йорк таймс”. На фотографии был запечатлен момент, когда отец Сергей, идя по двору Новодевичьего монастыря, благословлял прихожан. Под ней была подпись: “Знаменитый отец Сергей Лебедев, один из священников, честно выполняющих свой долг”».

Как показано в этом фрагменте, причиной ареста в те времена могли послужить на первый взгляд незначительные, неважные факты, как эта публикация в газете, о которой, скорее всего, сам отец Сергей не имел понятия. Таким образом, сообщая о таких фактах, автор-составитель помогает современному читателю представить страшные факты советского времени, понять, как люди тех годов жили в постоянном страхе быть арестованными и сосланными или даже убитыми «ни за что».

3.5. Документальность и материальность: язык фактов

Документальность в современных житиях проявляется в том, что современные авторы часто прибегают к архивным документам, письмам, запискам, дневникам и другим материалам. Кроме того, само повествование строится в хронологическом порядке с перечислением важных дат жизни

святого: когда и где родился, год крещения, год хиротонии, год принятия монашества и т. п., что делает такие жития довольно сухими в изложении, лишенными литературности. Хотя это касается не всех современных житий, но следует признать, что довольно часто в житиях присутствует именно такой биографический стиль.

Под материальностью мы подразумеваем такое явление современной агиографии, когда описание чудес и помощи святых связано с чисто бытовыми проблемами: поиском квартиры, жениха, поступлением в университет, исцелением от физических болезней. Часто святым приписывают узкую специализацию: этот святой помогает в том-то, а этот – в другом. Священник С. Бегиян отмечает: «Многие современные проповедники говорят, что такое утилитарное отношение к святым – отголоски нашего языческого прошлого» [Бегиян 2016].

Итак, мы можем видеть, что в современных житиях образ автора проступает со всей своей очевидностью: каждый автор имеет свой неповторимый стиль, свой почерк, использует как литературные, так и просторечные слова, дает свою оценку тем или иным историческим событиям. Жития, написанные авторами-женщинами – это то, что является новым в житийной литературе. Оформлению житий также придается особое значение.

Мы также рассмотрели понятия фиктивного читателя, субъективности современного нарратора, интертекстуальности и документальности, материальности применительно к современным житийным текстам и пришли к заключению, что:

- в современном житии фиктивный читатель чаще всего присутствует имплицитно или совсем отсутствует. В некоторых же житиях он проявляется как имплицитно, так и эксплицитно;
- некоторые современные жития субъективны;
- в большинстве случаев авторы прибегают к референтивной функции, когда цитируют тексты из публицистики. Чаще всего цитация помогает понять причины убийства святых или сообщает о причинах их ареста, а также открывает читателю условия жизни советских времен, помогает прикоснуться к тому времени, понять его;

- документальность и материальность в современных житиях связана с утилитарным отношением читателей к самим святым и к святости, что является отголосками языческого прошлого.

3.6. Устная и письменная формы современного жития

Современные жития святых существуют как в письменной, так и в устной форме. Тип житий, которые существуют в устной форме, называют «устные жития» или «народные жития» [Иванова 2008: 170].

Часто устные и письменные жития существуют параллельно, однако некоторые современные жития появлялись сначала в устной форме, а затем создавался их письменный вариант, основанный на устных преданиях. Например, «Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны» [Жданова 1993] полностью состоит из записанных устных рассказов, воспоминаний людей, лично знавших Матрону; в «Пасхе Красной» также используются устные рассказы людей. Кроме того, во многих других современных житиях, наряду с архивными и другими письменными источниками, приводятся воспоминания людей, которые можно назвать устными житиями. Это сближает современные жития с их «прародителем» – мартириями первых христиан.

Между книжной и устной формами житий имеются некоторые отличия. По мнению А.А. Ивановой, существуют следующие признаки, отличающие народные жития от книжных:

- 1) устная форма хранения, воспроизведения и ретрансляции текстов;
- 2) неофициальная (т. е. не каноническая) интерпретация прижизненной и посмертной судьбы подвижников [Иванова 2008: 171].

А.А. Иванова считает, что «в формировании подобных систем одновременно участвуют два культурных контекста – церковный и фольклорный» [Там же]. Следует также отметить, что на народное житие также влияют иконописный образ святого и письменный вариант его жития, а также в устных житиях могут использоваться бывальщины и былички (как в устных рассказах «Жития Сергия Радонежского» [Чернов 2014]) и мотивы сказочной прозы (как в устном житии св. Артемия Праведного [Иванова 2008]).

Помимо А.А. Ивановой, изучением фольклорной агиографии занимались также А.В. Пигин [Пигин 1990], Ю.М. Шеваренкова [Шеваренкова 2002], свящ. А. Мороз [Мороз 2010], С.А. Иникова [Иникова 1999] и др. Особого внимания заслуживает книга А.А. Панченко «Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: “Крестьянская агиология” и религиозные практики в России Нового времени» [Панченко 2012], в которой исследуются как устные, так и письменные источники сказания о менюшских отроках – Иване и Якове.

В связи с тем, что устные жития – тема, малоизученная в современной агиографии, невозможно со всей достоверностью сказать: существует ли существенное отличие между устными житиями современных святых XX века и устными житиями древнерусских святых. Данный вопрос требует отдельного тщательного изучения, что не входит в рамки нашей темы.

3.7. Православный социолект и советский язык

Стиль жития напрямую связан с языком, на котором написаны житийные тексты. По наблюдениям многих исследователей, язык современного жития во многом отличается от языка светской литературы.

С середины 90-х годов XX века ученые-филологи обратили внимание на речь верующих и обозначили ее следующими терминами: «религиозно-проповеднический стиль», «церковно-религиозный-стиль», «церковно-проповеднический», «церковно-библейский», «богослужебный», «литургический» и др. [Бугаева 2006]. Сейчас речь верующих чаще всего называют «православный социолект», хотя Т.А. Иванова параллельно с этим термином использует другой – «подъязык православия», различая эти понятия.

На данный момент лингвисты расходятся во мнениях: одна группа ученых выступает за существование «православного социолекта (религиолекта)» (Т.А. Иванова, И.В. Бугаева), другая группа исследователей высказывается против употребления этого термина (Л.И. Маршева).

Рассмотрим аргументы каждой группы.

Л.И. Маршева подвергает сомнению существование самого понятия «православный социолект», основываясь на следующих доводах:

1. «Первый (термин социолект – У.М.) открыто декларирует социальную дифференциацию, но члены Церкви принадлежат к разным сословным, профессиональным, образовательным и др. группам» [Маршева 2010а: 74]. Однако термин «социолект» подразумевает под собой «совокупность языковых особенностей какой-нибудь социальной группы» [Крысин 2008: 663], а социальная группа – это «любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями» [Новейший философский словарь 1999]. В таком случае непонятно, почему Л.И. Маршева не считает православных верующих социальной группой, в то время как эта группа объединена общими интересами и целями – православной верой и стремлением ко спасению по учению Православной Церкви.

2. Л.И. Маршева отмечает: «Если рассмотреть структуру слова религиолект, обнаружится, что оно обозначает язык религии, а ведь языком Русской Православной Церкви является церковнославянский» [Маршева 2010а: 74]. Церковнославянский – это язык, на котором ведутся богослужения в Русской Православной Церкви, на этом языке написаны некоторые церковные книги (Евангелие, Псалтирь, Молитвослов и др.), которые также могут использоваться верующими в быту, но этот язык не является живым языком, на котором реально говорят члены этой Церкви.

3. Язык верующих – это и социолект, и вариант общенационального языка. Л.И. Маршева здесь задается вопросом: «Это все же социолект или вариант, или это синонимичные понятия?» [Маршева 2010б: 381]. Действительно, авторам, изучающим православный социолект, следовало бы определиться с тем, что они изучают.

4. Материал, который берут для своего исследования авторы православного социолекта, «сильно размыт», по утверждению Л.И. Маршевой. Действительно, некоторые ученые в качестве материала для исследования языка православных верующих в России XX – начала XXI вв. привлекают произведения художественной литературы XIX столетия.

5. Высказываются взаимоисключающие версии «наличия определенных регистров¹⁶ в «православном социолекте» [Маршева 2010б: 382]. Так, И.В. Бугаева в своих работах на эту тему приводит разные версии. В одной работе она говорит о том, что православный социолект имеет такие стилистические регистры, как высокий (официальный), нейтральный и сниженный (обиходно-просторечный, молодежный сленг и бурсяцкий жаргон), а в другой работе упоминает возвышенный, высокий и нейтральный регистры. Утверждение, что православные говорят на молодежном сленге и бурсяцком жаргоне, вызывает оправданные сомнения. Кроме того, если допустить, что православная молодежь пользуется жаргоном и сленгом, в этом нет ничего необычного, так как на таком же языке говорит вообще любая молодежь.

6. Ошибочное умаление значения других форм национального языка. В качестве примера Л.И. Маршева приводит цитату, в которой утверждается, что территориальные диалекты в отличие от православного социолекта не имеют письменной формы, однако это не так: и территориальные диалекты имеют письменную форму, поэтому с этим утверждением Л.И. Маршевой мы также согласны.

7. Ещё один постулат исследователя: «Православный социолект» искусственно наделяется целостной природой и насильно вписывается в систему современного русского языка» [Там же: 385]. Этот довод Л.И. Маршевой можно также принять во внимание, только если признать, что существует все-таки какой-то особый язык Церкви.

8. По словам Л.И. Маршевой, «крайне своеобразно понимается словообразовательная лакунарность¹⁷, <...> квалифицируется <...> в качестве отличительного признака именно “православного социолекта”» [Там же]. Между тем, «дистрибутивные пропуски являются свойствами всех нелитературных разновидностей национального языка» [Там же: 390-391]. Из приведенных Л.И. Маршевой примеров видно, что И.В. Бугаева неверно понимает термин «лакунарность». Она говорит, что из слов *литургия*,

¹⁶ Регистр – система отбора языковых средств в зависимости от социальной ситуации. Регистр имеет три уровня: неофициальный, официальный, нейтральный.

¹⁷ Лакунарность (лексическая лакунарность) в лингвистике – лексическое несоответствие в языках, ситуация при которой для слова одного языка нельзя найти полного аналога в другом. Представляет собой трудность перевода.

хиротония и *священник* в русском общеупотребительном языке нельзя образовать глагольные формы, а в православном социолекте можно: *литургисать*, *хиротонисать*, *священствовать*. Но лакунарность – это трудности перевода с одного языка на другой. В примере же И.В. Бугаевой лакунарность отсутствует.

9. Л.И. Маршева отмечает: «Немало претензий вызывает и жанровая атрибуция “православного социолекта”» [Там же: 395]. Не совсем понятна претензия Л.И. Маршевой к перечисленным речевым жанрам, таким, как приветствие, сообщение, пересказ, объяснение, совет, просьба, утешение, пожелание, поздравление, исповедь, молитва, послание, проповедь, свидетельства о чудесах, покаяние. Единственное, что вызывает сомнение, это упоминание жанра «свидетельства о чудесах». Оппонент Л.И. Маршевой скорее всего имеет в виду жанр рассказа о чудесах, который всегда входит в жития святых или издается в отдельных сборниках, посвященных современным чудесам (См.: «О жизни и чудесах блаженной Матроны» [О жизни 2009], Девятова «Бог был, есть, и будет. Чудеса из жизни святых и православных подвижников» [Девятова 2009а]). Если это устный рассказ (а таких рассказов немало среди современных верующих), то его вполне можно внести в список речевых жанров «православного социолекта».

При всей справедливости замечаний Л. И. Маршевой нельзя не отметить тот факт, что исследователь ссылается на работы только двух авторов: И.В. Бугаевой [Бугаева 2006] и Т.А. Ивановой [Иванова 2004б], в трудах которых, действительно, встречаются некоторые неточности в использовании терминов, однако Л.И. Маршева не упоминает достойных внимания работ таких ученых, как Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], Р.И. Горюшина [Горюшина 2002], И.А. Королева [Королева 2003], Л.П. Крысин [Крысин 1996] и многих других.

Обратимся теперь к работе Т.А. Ивановой «Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви» [Иванова 2004а], посвященной анализу языка современных житий.

Т.А. Иванова считает, что жизнеописания новопрославленных святых написаны «на одной из подсистем СРЛЯ¹⁸ (подъязыке православия); язык

жизнеописаний обладает рядом особенностей, характерных для подъязыка православия и отличающих эти тексты от светской литературы» [Там же: 5]. Особое внимание исследователь обращает на имена собственные, встречающиеся в житийных текстах. По мнению Т.А. Ивановой, «в области собственных имен интерес представляют названия храмов, монастырей, икон, праздников, постов. Отличия от общелитературного языка касаются и состава антропонимов» [Там же]. Основными особенностями апеллятивной лексики она считает: 1) наличие отдельных тематических групп слов и составных номинаций, не употребляющихся в светском общении; 2) употребление устаревших с точки зрения современного русского языка слов; 3) употребление слов со значениями и коннотациями, не свойственными этим словам в современном русском языке; 4) присутствие в текстах значительного количества грецизмов [Там же].

Исследование автора представляется неполным без статистических данных использования грецизмов в современных житиях. Думается, в современной агиографии грецизмы используются реже по сравнению с древними текстами, за исключением тех греческих слов, которые были освоены славянским языком еще в древний период (*икона, просфора, ангел, апостол* и др.) и слов-калек с греческого языка, которые также прочно вошли в русский язык и появляются не только в современных житиях.

Т.А. Иванова рассмотрела также состав личных имен и формулу имени в житиях и отметила следующие особенности:

1) наличие редких, непривычных современному человеку имен (Амфилохий, Дамаскин, Философ, Лукия, Фамарь);

2) называние одного и того же человека разными именами (например, из-за смены имени при постриге);

3) употребление канонической формы имени (Димитрий, Стефан, Сергий) и отсутствие уменьшительных имен в качестве официальных;

4) наличие большого количества соотносительных пар мужских и женских имен;

5) существование особой формулы при именовании священнослужителей, монашествующих, святых (имя в канонической форме и фамилия + нарицательное существительное, указывающее на степень

священства, монашества, чин святого): священник Митрофан Серебрянский, игумен Андроник (Трубачев), мученица Анна (Лыкошина) [Там же].

Интересно замечание автора об именах собственных, которые обозначают названия праздников, постов, храмов и монастырей:

«Собственные имена представлены названиями храмов, монастырей, икон, праздников, постов. Одна из особенностей названий праздников и постов – наличие устаревших для общелитературного языка слов (Сретение Господне, Страстная седмица). Названия храмов, монастырей и икон подробно нами не анализировались, однако мы обращали внимание на их состав и возможности их трансформации (храм Введения Пресвятой Богородицы → храм Введения → Введенский храм, храм Воздвижения Креста Господня → Крестовоздвиженский храм и т. п.)» [Там же].

С некоторыми утверждениями автора можно не согласиться. Действительно, в житиях часто употребляются редкие имена, двойные имена, но связано это с реалиями церковной жизни, а не со стилем самого житийного текста. При постриге монаху дают новое имя, как правило, в честь древнего пустынноика, монаха, а женщинам могут дать мужское имя, которое начинает склоняться по женскому типу склонения (Сергий-Сергия), чтобы подчеркнуть отсутствия пола у принявших ангельский чин. Поэтому в житийном тексте часто можно встретить редкие имена, двойные имена (светское и монашеское), мужские имена у женщин, хотя в то же время до пострига у святого светское имя вполне соответствует именованию описываемого времени. Монашеское и светское имя встречается и в житии Серафима Саровского (Прохор – Серафим), и в житии Сергия Радонежского (Варфоломей – Сергий), так что эту черту нельзя считать особенностью именно современных житийных текстов.

Анализ современных житийных текстов также позволяет сделать вывод, что наличие уменьшительных имен, наряду с каноническими, можно признать особенностью современной агиографии. Объясняется это тем, что имена типа Матрюшенька, Матрёнушка, Матронушка, Матрёна, Матрюша фигурируют в рассказах людей, которые лично знали святую Матрону и таким образом

стремились выразить свою искреннюю любовь и нежность к святой. Не совсем ясно, что понимает Т.А. Иванова под термином «официальное имя», ведь любое имя, упомянутое в житии, является по сути официальным. Для современных житий вообще характерно полное упоминание имени, отчества и фамилии святого, как в официальной биографии, правда, эти официальные данные даются чаще всего только в начале жития, в затем святого могут называть так: чин святого + имя, или, если это священнослужитель, просто «батюшка».

Вызывает сомнение утверждение Т.А. Ивановой о такой особенности православного социолекта, «как цитирование церковнославянских текстов и использование церковнославянских слов, форм и конструкций» [Там же]. Анализ житийных текстов показал, что использование указанных цитат минимально, и, хотя существуют жития, особенностью которых является обширное цитирование Священного Писания, но считать это особенностью языка современной житийной литературы нецелесообразно.

Интересны также наблюдения Т.А. Ивановой над нарицательными именованиями героев и персонажей житий:

«Нарицательные именования священнослужителей и монашествующих зависят от степени священства, монашества, занимаемой должности и ряда других факторов; от вида церковной деятельности зависят наименования мирян. Среди рассмотренных нами наименований встречались как слова, входящие в активный запас современного русского языка (*батюшка, доктор, епископ, монах, проповедник, покровитель, священник* и др.), так и слова, считающиеся в общелитературном языке архаизмами или историзмами (*архипастырь, девица, инок, отрок, раб Божий* и др.). Некоторые слова в словарях даются со специальными пометами церковное или религиозное: *ризничий, новопреставленный, пастырь, пресвитер, страстотерпец*» [Там же].

Действительно, некоторые нарицательные именования используются только в церковной среде, что выделяет житийную литературу из другой литературы. Таким образом, можно видеть, что современная житийная литература имеет свои особенности как в личных, так и собственных именах. Эти черты настолько разные, что некоторые слова, употребляемые в житийных текстах, имеют «значения, не свойственные этим словам в общелитературном языке» [Там же]. Кроме того, данные слова в современных словарях русского

языка нередко толкуются неверно, а «часть слов вообще в словари не включена» [Там же].

Несмотря на такой подробный разбор языка современных житий святых, Т.А. Иванова совершенно не упоминает ещё одну лексическую особенность этих текстов – советский язык, а ведь именно он является той немаловажной деталью, которая отличает современные житийные тексты от древних. Мы неоднократно приводили примеры случаев, когда текст жития просто пестрит советским новоязом. Например, в «Житии священномученика Иоанна, архиепископа Рижского и Латвийского», подробно рассмотренном ниже, можно встретить такие слова, как *чекисты*, *губчека*, *ЧК*¹⁹, *военный комиссариат*, *контрреволюционная организация*, *ВЧК*²⁰, *большевики*.

Рассмотрим особенности языка и стиля современных житий на примере «Жизнеописания святителя Василия, епископа Кинешемского» [Орловский 2005].

В житии активно используется православный социолект, т. е. черты языка, которые свойственны языку православных верующих. Одна из таких особенностей – частое использование субстантивированных прилагательных и причастий. В житии святителя Василия их тоже немало: *церковное* (вместо «церковные традиции и обычаи»), *поздняя* (вместо «поздняя литургия»), *благодатное* (вместо «благодатное явление»), *нуждающиеся* (вместо «нуждающиеся люди», «нищие»), *всенощные (всеношная)* (вместо «всенощное бдение»), *верующие/неверующие* (вместо «верующие/неверующие люди»), *безбожное* (вместо «безбожное учение»).

Среди лексических особенностей также назовем:

- церковнославянизмы: *лестчий* – ‘льстивый, ложный, обманчивый, обольстительный, трекоаянный и др.’, *аминь* – ‘да будет так, истинно, подлинно, да’, *владыко святой* – ‘святой владыка’;
- историзмы: *губерния*;
- архаизмы: *казначей* – ‘хранитель денег’;

19 ЧК – чрезвычайная комиссия.

20 ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия.

– церковную лексику: *престол, епитимья, келейник, проскомидия, Преждеосвященные Дары, напутствовать*, а также наименования священнических чинов и др.;

– советский язык: *колхозы, профсоюзы, коммунизм, коммунисты, советская власть, НКГБ, ГПУ, осведомитель, коллективизация, социализм, конвоир, антисоветская деятельность, контрреволюционный, СССР*.

Можно также выделить особенности, характерные для графики и орфографии и сформированные под влиянием церковнославянского языка: *Вениамин* (вместо «Веньямин»), *Сергий* (вместо «Сергей»), *Иерофей* (вместо «Ерофей»), *Иоанн* (вместо «Иван»), *святые Тацны* (вместо «святые Тайны»), *иподиакон* (вместо «иподьякон»), *Владыко* (вместо «Владыка») – в звательном падеже (звательный падеж отсутствует в современном русском языке, существует в церковнославянском языке), *владыко святыи* (вместо «святой владыка») – в звательном падеже.

В житиях отразились особенности фонетики. Например, под влиянием церковнославянского языка в православном социолекте некоторые «церковные» слова произносятся так, как написано: Вениамин [В'эн'иам'ин]. Ударение в именах собственных часто падает на иной слог, в отличие от современного русского языка: *Сергий* (вместо «Сергей»), *Алексий* (вместо «Алексей»), *Николай* (вместо «Николай»).

Среди особенностей графики отметим, что с прописной буквы пишутся слова, называющие Бога (*Господь, Христос, Создатель, Творец*), местоимения, заменяющие слово Бог (*Сам Господь, Он Своему рабу, место действию Бога и Его благодати*), имена собственные высших ангельских чинов (*Силы Небесные*), названия религиозных праздников и постов (*Пасха, Пасха Христова, Великий пост*), нарицательные имена, употребляемые в значении собственных (*Церковь, Православная Церковь, Промысл, Истинная Православная Церковь*), слова в наименовании высших должностных лиц (*Владыка, заместитель Патриаршего Местоблюстителя*), названия церквей, учебных заведений, монастырей, икон и все собственные имена в них пишутся с прописной буквы (*Воронежская Духовная семинария, Вознесенская церковь, Оптиная пустынь, Оптиная, Решемский монастырь*), имена святых (*старец Анатолий Оптинский*), названия церковных книг (*Священное Писание,*

Евангелие, Закон Божий), слова и фразы, несущие сакральный смысл, связанные с Господом (*Воистину Христос Воскресе!*, *святые Тайны, Преждеосвященные Дары*).

Особенностью морфемики и словообразования является использование слов с греческими префиксами: *прото-иерей, архи-епископ, ипо-диакон, архи-иерей*.

3.8. Новая стилистическая неоднородность

Современные жития стилистически неоднородны. Б.Г. Бобылев считает, что «в современных житиях возрождается стиль летописного проложного изложения, лишенный беллетристичности и психологического реализма, к которому мы привыкли, но вместе с тем превосходящий по своей выразительности любые литературные изыски» [Бобылев 2005: 24]. Однако эта особенность свойственна не всем житийным текстам. Современные жития так же разнообразны стилистически, как и древнерусские жития, хотя часто можно слышать обратное – высказывания о сухости, каноничности древнерусских житий, их сюжетном однообразии.

Об этом же говорит Л.А. Дмитриев: «Одними агиографами жития украшались, “удобрялись” риторическими вставками, добавлениями для придания житию большей пышности, торжественности, большего соответствия его практическому назначению – служить церковно-религиозному назиданию. Другие же создатели житий стремились развить сюжетность повествования, отходили в своей деятельности от житийного этикета, вносили в рассказ картины живой реальности, живых человеческих страстей, попадали под влияние народно-эпических преданий» [Дмитриев 1970: 209].

Похожую картину можно встретить и в современных житиях: часто беллетристичность соседствует с психологическим реализмом, и хотя такое сочетание используется не в той мере, в какой эта черта свойственна светской литературе, однако следует признать стилистическую пестроту современной агиографии. Например, особый стиль автора-нарратора книги «Пасха Красная» проявляется не только в том, как он строит текст, соединяя собственные воспоминания с воспоминаниями очевидцев и нанизывая все это на реплики,

обращенные к читателю, но еще и в том, какой язык он при этом использует. Успех этой книги можно объяснить тем, что Н.А. Павлова использует и разговорные слова («хиппари», *щеголять*, *лента-хипповка*, *ширпотреб*, *фирма* в значении ‘фирменная одежда’), и книжные (*ибо*, *восстать*, *победоносный*, *молить*), и устаревшие (*вретище*, *велий*), и чисто церковные (*паломник*, *наместник*, *трудник*, *благочинная*, *насельницы*), и даже церковнославянские (чаще всего это цитаты из молитв или церковных текстов). Иногда встречаются даже такие словосочетания, как «победоносно распахивать», представляющие собой намеренное смешение разных стилей.

На примере «Жития священномученика Иоанна, архиепископа Рижского и Латвийского» мы покажем, какие стилистические особенности можно встретить в современных житиях, насколько они соответствуют традиции, при этом под «традицией» мы понимаем особенности стиля некоторых древнерусских житий.

Автор «Жития священномученика Иоанна, архиепископа Рижского и Латвийского» (в дальнейшем – Житие) [Житие святого священномученика 2015] неизвестен, однако мы можем предположить, что автор-составитель книги о священномученике Иоанне [Пожидаев 2005] и автор жития – одно и то же лицо. К такому выводу приводит стилистическое сходство текстов Жития и книги. С другой стороны, так как Житие имеет свои стилистические особенности, можно предположить, что его писал кто-то другой, взяв за основу книгу.

Житие написано витиеватым языком, украшено различными средствами художественной выразительности. Возможно, образцом для составителя Жития были жития Димитрия Ростовского, а также некоторые древнерусские жития. Мы можем видеть, что агиограф знаком со средневековыми житиями, для которых был характерен стиль «плетения словес».

Языком Жития следует признать русский язык с вкраплениями церковнославянских слов и выражений. Цитаты из Евангелия в основном приведены на церковнославянском языке. Скорее всего, это можно объяснить тем, что не все одобряли перевод Священного Писания на русский язык, считая церковнославянский язык в отличие от русского способным передать все нюансы древнегреческого языка. Известно, что «После прекращения

деятельности и роспуска в 1824 г. Российского библейского общества, официально закрытого в 1826 г., перевод Священного Писания на русский язык был подвергнут критике ...» [Пространный христианский катехизис 2006: 3].

В Житии наблюдается сохранение традиционных элементов житийных текстов, например, используются библейская символика, «противопоставление физического и духовного, видимого и невидимого, чувственного и сверхчувственного» [Иванова 1988: 32].

Во-первых, это проявляется в том, что архиепископ Иоанн показан в Житии в уже прославленном виде. Д. Клыгин отмечает: «Подобно иконе, житие в описании земной жизни святого, его земного облика должно было показать отражение сияния небесного света, высшей реальности и цель бытия» [Клыгин 2000: 116]. Священномученика Иоанна в Житии характеризуют слова, указывающие на его святость, избранность, праведность и на его добродетели, а именно: *святой священномученик архиепископ Иоанн, светильник, святой, благочестивый юноша, подвижник Латвийской земли, избранник, праведник, святитель, смиренный Архиепископ, молитвенник*. Много раз архиепископ Иоанн назван в Житии *святым и святителем*.

Витиеватый стиль Жития выполняет ту же функцию, что и золотой оклад для иконы. Если в иконе одним из свидетельств святости становится нимб над головой угодника Божия, то в житии – это добродетели святого, чудотворения и слова, указывающие читателю на святость этого человека. Нимб на иконе передает внутреннее свечение святого, а в Житии для этой функции используются слова, чаще всего так или иначе связанные со светом, свечением, огнем.

Житие и икона тесно связаны, несут одну и ту же смысловую нагрузку, направлены к одной и той же цели. Можно заметить, что и в иконописи свет играет большое значение, только икона влияет на зрение человека, а житие – на его слух. С.В. Алексеев говорит об особенностях изображения света в иконописи, указывая на отличия иконы от картины:

«Отсутствие внешнего источника света. Свет исходит от ликов и фигур, из глубины их, как символ святости. Есть прекрасное сравнение иконописи со светописью. Действительно, если внимательно поглядеть на икону древнего письма, то невозможно определить, где находится источник света, не видно,

следовательно, и падающих от фигур теней. Икона – светоносна. И моделировка ликов происходит за счет света, изливающегося изнутри самих ликов. Технически это осуществляется особым способом письма, при котором белый грунтовый слой – левкас – просвечивает сквозь красочный слой» [Алексеев 2006: 52-53].

В житиях обычно отражение сияния этого небесного света выражается словами, так или иначе связанными со светом. Так, один раз автор «Жития» называет святого «светильником», что было распространено в древнерусских житиях. «Евангельская метафора, – объясняет В.П. Адрианова-Перетц, – разъясняющая апостолам их назначение распространителей “света” – нового учения, именует их “светильниками” (Матф., V, 14-16). В дальнейшем этот эпитет был применен в византийской гимнографической и житийной литературе к святым» [Адрианова-Перетц 1947: 41].

Тема огня, света представлена такими словами, как *святитель, светильник, свет, огненный, возгореться, гореть, огонь, солнце, пожар, светлеть, искорки, сиять, ослепительный нездешний свет, сияние, осветлеть*. Как антитеза свету в Житии представлена и тема тьмы с помощью лексем *темный, черный, очернить, тень*. Ассоциативно с тьмой связаны слова в описании душевных переживаний: *очернить праведника, зависть подобна тени*.

Вот как тема тьмы, света и огня показана в одном из видений Жития:

«Другое видение в конце 50-х годов было человеку, который захотел остаться неизвестным. Он увидел владыку Иоанна в ветхом, истертом, как бы замшелом облачении, но в остальном таким, каким он был в последние годы своей жизни: с первой пробивающейся сединой в густых волосах и бороде и с первыми глубокими морщинами на лице. Облачение до того древнее, что даже невозможно сказать, какого оно цвета, какое-то буро-зеленое с совершенно потускневшим золотом. Но вот Владыка поворачивается спиной, и тут становится заметным, что омофор Владыки начинает немного светлеть. Сначала по нему начинают мелькать искорки, потом они сливаются в змейки, потом вырастают в пятна, которые разрастаются и увеличиваются, так что весь нарамник начинает сиять таким ослепительным, таким нездешним светом, а лик Богоматери на нем выступает так рельефно, так выпукло и в таком ярком сиянии, что приходится зажмуриться. Тут Владыка снова поворачивается лицом, и теперь видно, что омофор осветлел и

спереди, и только остальное облачение еще темное, и теперь, по контрасту, кажется прямо-таки черным. И владыка произносит: “Ты все хочешь, чтобы я облачился в новое одеяние, а по мне и это хорошо!”. Это видение длилось одну минуту...» [Житие святого священномученика 2015].

Тьму, побежденную светом, в описании видения можно понимать двояко: и как победу святого над злом и клеветой, над врагом рода человеческого; и как прославление угодника Божия, чтобы он стал известен всему миру. Хотя надо заметить, что тема света, огня представлена в Житии довольно скупо по сравнению с древнерусскими житиями.

Наиболее характерная особенность стилистики Жития – повторы, синонимические построения. Излюбленный прием составителя Жития – нанизывание в одном предложении близких по значению слов. Благодаря этому агиограф концентрирует внимание читателя на смысловом облике предложения, а также усиливает эмоциональный эффект. Например: «Он углубился в этот вопрос и уразумел порочность, опасность и ущербность этого образа мыслей» [Там же]; «Иоанн читал проникновенно и молитвенно» [Там же].

Одной из важных стилистических черт Жития являются советские неологизмы. Их использование оправдано, так как с их помощью передается дух советской эпохи. Это такие слова, как *чекисты, губчека, ЧК, военный комиссариат, контрреволюционная организация, ВЧК, большевики*. Если в древнерусских житиях агиограф стремился к абстрагированию, т. е. избегал конкретных названий, заменяя их словом с более отвлеченным значением, и использовал «высокие» греческие названия вместо славянских слов, то сейчас агиограф старается употреблять конкретные русские наименования, слова и выражения советской эпохи, избегая малопонятных современному читателю наименований на церковнославянском или древнегреческом языке.

Советский новояз проник не только в Житие священномученика Иоанна, но и во многие другие современные жития. Элементы языка советской эпохи вошли во все пласты церковного искусства, так что и на современных иконах можно видеть большевиков, красноармейцев, ведущих святых на казнь или оскверняющих храмы (См. Изображения 1-3).

На Изображении 1 мы видим разрушение красноармейцами храма Христа Спасителя в Москве в 1931 году. Изображение красноармейцев стилизовано под иконописный стиль, на головах их буденовки с красными звездами, одежда одного из них – красная, других – синяя. Интересно, что это собирательный образ красноармейцев, они здесь выглядят так, как их обычно представляли, на самом деле красноармейцы одевались по-разному [Как на самом деле одевались красноармейцы 2013]. См. Изображение 4.

Красноармейцы на Изображении 1 написаны без нимбов, как убийцы и другие люди на древних иконах. На этой иконе изображены также монахи с бородами (?) или священники, повитые в белые простыни, как коконы, так же без нимбов. Эта икона выполнена в каноническом иконописном стиле, однако сюжет в ней необычен: разрушение, поругание храма и появление новых персонажей – красноармейцев в характерной одежде того времени. Сама эта икона представляет собой часть (клеймо) другой большой иконы – Новорусской иконы Богоматери.

На второй иконе-клейме (Изображение 2) можно видеть приход к власти большевиков в 1917 году: красноармейцев, ведущих Патриарха Тихона и ключаря храма Христа Спасителя отца Александра Хотовицкого на казнь. Это тоже одно из клейм Новорусской иконы Богоматери. Здесь красноармейцы изображены с винтовками, очень вытянутыми и похожими на копья. Одежда красноармейцев здесь больше похожа на хитоны с красными звездами.

Изображение 3 рассказывает об убиении большевиками княгини Елизаветы Федоровны и других людей вместе с ней. Большевики здесь одеты по-другому, их одежда более соответствует настоящей одежде: видны сапоги, штаны, куртка, буденовки, при этом всё это цвета хаки; винтовки тут соответствуют реальным пропорциям, в отличие от Изображений 1 и 2.

Житие пронизано метафорами, которые соответствуют традиционным метафорам древних житий, однако отличают его от других современных житийных текстов. В Житии встречаются следующие метафоры: *светильник, пастыреначальник, пастырь, ограда, овцы стада Христова, стадо, паства, овцы, корабль, волны житейского моря, море бушующее, кормчий, плоды труда, лоно Святой Православной Церкви, лоно Матери Церкви Московского Патриархата, Мать Церковь, плоды, солнце, зависть – тень, рабы Царя*

небесного, ужасная пропасть зияет. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Наиболее часто метафоры в Житии связаны со словами *пастырь, стадо, овцы*. *Пастырь* – это Христос, священнослужитель. *Стадо, овцы* – это христиане, ученики Христа. Это самое распространенное сравнение и наиболее известное. Оно взято из Евангелия, со слов Спасителя: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10:11).

Архимандрит Борис (Холчев) отмечает: «Овца – это символ человека, заблудшая овца – символ падшего человека» [Холчев 2015]. Святитель Николай Сербский дает следующее объяснение: «Овцы означают верных последователей Христа, а волки – неверных и безбожников, “Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною...” (Ин. 10,27). “Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков...” (Мф. 10,16). Понятно, речь не об овцах и волках, но о людях» [Велимирович 2015]. Интересно, что омофор – одна из частей одежды архиерея – символизирует ту самую заблудшую овцу, которую Христос спас и возложил на свои плечи, а сам омофор в древней Церкви делался из шерсти овец [Холчев 2015].

Данные метафоры подчеркивают, что священномученик Иоанн явился тем пастырем добрым, который полагает душу и жизнь свою за овец, то есть за своих чад, пасомых. Не в том смысле, в котором Христос явился нашим Спасителем, Испытателем наших грехов, но в том смысле, что святой сам шел по пути Христа и вел за собой людей, ведь он, как и Христос, принял мученическую смерть.

Следующий знаковый символ – *корабль, волны житейского моря, море бушующее, кормчий*. Граф А.С. Уваров, известный археолог, изучавший христианскую изобразительную символику, говорит, что «плавающий корабль – давно известный и часто используемый у древних символ, как аллегорическое представление земной жизни» [Уваров 2001]. Еще одно значение этого символа – Церковь как корабль спасения всех христиан, а *кормчий* – это Христос, управляющий кораблем, или любой священник, символизирующий также Христа.

Вот отрывок из письма латвийской паствы Патриарху, который приводится в Житии: «Ваше Святейшество! Море бушует, волны его все

яростнее обрушиваются на корабль нашей Церкви, нас страшит ответственность за судьбу корабля в страшный момент девятого вала... Нужен кормчий...» [Житие святого священномученика 2015]. Как видно из этого отрывка, метафоры-символы в нем не скрыты средствами контекста: *корабль нашей Церкви, Нужен кормчий*, то есть нужен управляющий кораблем-Церковью архиепископ.

О *буре и волнах* В.П. Адрианова-Перетц пишет следующее: «В церковно-дидактической литературе преобладает представление о «буре», «волнах», как о мирской суете, отвлекающей человека от мыслей о божестве ...» [Адрианова-Перетц 1947: 45]. В Житии *бушующее море* и *волны* означают расколы в Церкви в связи с появлением обновленчества²¹, а также другие государственные и церковные проблемы. Известно, что Иоанн Рижский активно участвовал в политической жизни Латвии, за что некоторые его недолюбливали. Это значение не входило в обычные, классические, значения символов «бушующее море» и «волны».

В результате анализа языка «Жития Иоанна Рижского» были выявлены следующие стилистические особенности:

1. Житие написано на русском языке с вкраплениями церковнославянских слов и выражений. Цитаты из Евангелия в основном приведены на церковнославянском языке.

2. Наиболее характерная особенность стилистики Жития – повторы, нанизывание синонимов.

3. Отсутствует абстрагированность: агиограф использует лексику с конкретным значением, советский язык, советские неологизмы.

4. Житие пронизано традиционными житийными метафорами-символами, такими как «свет», «огонь», «тьма», «пастырь», «овцы», «корабль», «бушующее море», «волны» и другими.

Что касается форм современного жития, то, как сказано выше, жития существуют в двух формах – устной и письменной. Устные и письменные жития

²¹ Обновленчество – оппозиционное движение в русском православии в послереволюционный период, повлекшее за собой временный раскол. Было инспирировано и некоторое время активно поддерживалось большевистской властью, с целью разрушения канонической «тихоновской» Церкви. – URL: <http://drevo-info.ru/articles/116.html> (дата обращения: 5.12.2015).

бытуют не отдельно друг от друга во времени, но одновременно; некоторые современные жития существовали сначала в устной форме, а затем появился их письменный вариант, основанный на устных преданиях. Народные, устные жития, имеют свои отличия от книжных: хранятся и передаются устно; интерпретация судьбы подвижников в них часто не канонична. На народное житие влияют иконописный лик святого и письменный вариант его жития, а также в устных житиях могут использоваться бывальщины и былички (как в устных рассказах «Жития Сергия Радонежского») [Чернов 2014] и мотивы сказочной прозы (как в устном житии св. Артемия Праведного) [Иванова 2004б].

Итак, язык, которым пользуются авторы современных житий святых – православный социолект и неологизмы советского времени. Существование и особенности православного социолекта вызывают сомнения у некоторых исследователей [Маршева 2010], однако, на наш взгляд, их контраргументы не обоснованы.

Современная житийная литература имеет свои особенности в сфере ономастики. Использование некоторых слов настолько отличается от использования их в современном русском языке, что они развивают новые значения, отсутствующие в общелитературном языке и даже не закреплённые в словарях.

4. Функции современного жития

4.1. Внушающая/идеологическая функция (пропаганда)

Житие, как и любой литературный текст, выполняет определенные литературные функции. Представляется, что современным житийным текстам свойственны следующие функции:

- Внушающая/идеологическая функция (пропаганда).
- Миссионерская функция.
- Религиозная функция.
- Развлекательная функция.
- Познавательная функция.
- Эстетическая/литературная функция.
- Воспитательная/назидательная/педагогическая функция.

Перечисленные функции не характеризуют каждый текст по отдельности, напротив, они все неотделимы друг от друга.

Любой литературный текст – это всегда внушение (суггестия, воздействие на подсознание). Особенно это касается религиозных, в частности, житийных текстов. Ведь они всегда преследуют определенную цель – внушить читателю религиозные взгляды на мир. Эта функция сочетается с двумя другими: религиозной и миссионерской. Именно эти функции до сих пор играют главную роль в житийной литературе.

Следует отметить, что не все современные жития выполняют эту функцию так, как этого требует учение Православной Церкви. Существует большое количество псевдожитийной литературы, которая, конечно, тоже выполняет свою внушающую функцию. И хотя мы можем говорить о религиозной и даже миссионерской функциях применительно к псевдожитиям, однако, идеи, которые содержатся в данных текстах, не соответствуют учению Православной Церкви.

4.2. Религиозная функция

Житие выполняет также религиозную функцию, это значит, что житийные тексты предназначены в первую очередь для людей верующих и содержание

текста основано на учении Православной Церкви. Однако нельзя не отметить тот факт, что житийная литература может быть интересна также людям других конфессий и даже атеистам. В этом аспекте религиозная функция житийных тестов напрямую соприкасается с миссионерской функцией.

4.3. Миссионерская функция

Сочетаясь в некотором смысле с внушающей функцией, миссионерская функция, тем не менее, занимает свое особое место, так как житийная литература не всегда представляет собой проповедь веры.

Интересно отметить, что по сравнению с житийной литературой Древней Руси, миссионерской целью которой было просвещение язычников, современная житийная литература может быть адресована людям, считающим себя православными, однако при этом далеким от понимания учения Церкви и не принимающим участия в жизни Церкви. Именно в просвещении таких людей видится сегодня миссия РПЦ. Вот что говорит об этом «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»: «Роль миссии Русской Православной Церкви сегодня заключается в активизации процессов единения и духовно-нравственного оздоровления общества посредством свидетельства об Истине» [Концепция 2015].

Одним из методов для проповеди является литература, однако, по мнению авторов «Концепции», «малоэффективным оказывается использование литературы, образовательных программ (например, по “Закону Божию”) и большинства другого материала, созданного в дореволюционную эпоху, т. к. по своему характеру эта литература и программы были рассчитаны на уже воцерковленных взрослых и детей, ходящих с детства в храм. Подобная литература не ставила перед собой целью приведения обучаемых в Церковь, т. к. сам уклад культурной, социально-общественной жизни дореволюционной России способствовал этому» [Там же]. Говоря о новых изданиях, предназначенных для миссионерской деятельности, авторы «Концепции» называют следующие типы изданий:

– издание творений Святых Отцов с комментариями в целях просвещения современных людей;

– повсеместное издание миссионерской литературы, предназначенной для просвещения, образования и формирования целостного представления о вере, православной духовности и Церкви;

– продолжение выпуска ориентированных на новоначальных христиан серий книг по вопросам веры, молитвы, христианского образа жизни и церковного отношения ко всем насущным проблемам [Там же].

Миссионерская функция житийной литературы проявляется также в том, что происходит «издание православной литературы на местных языках, создание переводческих историко-архивных комиссий в епархиях, при церковно-богословских центрах и духовных школах; тщательная богословская оценка поступающей в приход литературы» [Там же].

Например, в Латвийской православной церкви издаются книги на латышском языке о жизни и деятельности святого священномученика Иоанна Архиепископа Рижского и Латвийского (Поммера), который относится к Новомученикам и Исповедникам Российским. Это книга Яниса Калниньша и Яниса Поммера [Kalniņš 1993] и Яниса Калниньша [Kalniņš 2001]. В Германии издана книга о жизни и деятельности святого Александра Шмореля Мюнхенского, написанная Грегором Фернбахом [Fernbach 2012].

4.4. Познавательная, воспитательная и эстетическая функции

В русском литературоведении часто рассматривают функции художественного текста в их неразрывном единстве. Так, во введении к работе по теории литературы Ю. Б. Борев пишет: «Нераздельны познавательная и воспитательная, творчески-преобразующая функции художественной литературы» [Борев 1962] и далее: «Познавательная и воспитательная функции искусства сливаются воедино с его эстетической функцией» [Там же]. Ю.Б. Борев также отмечает, что «с <...> познавательной функцией художественного образа неразрывно связана его воспитательная функция. Искусство формирует духовный облик людей. Мы называем писателей инженерами человеческих душ. Если наука апеллирует к разуму, то искусство – к разуму и сердцу, ко всему строю духовных чувств человека» [Борев 1960: 285]. «Воспитание эстетических чувств, вкусов, – пишет далее Ю.Б. Борев, – пробуждение в

человеке художника является одной из важнейших составных частей специфической функции искусства» [Там же: 286].

Эту же мысль высказал Н.А. Гуляев: «Огромное воспитательное значение литературы тесно связано с ее эстетической сущностью. Будучи явлением эстетическим, она глубоко воздействует не только на чувства, но и на ум человека, обогащает его духовно, помогает ему осознать самого себя и свое жизненное назначение, укрепляет его волю в борьбе за высокие человеческие идеалы.

Подлинно художественные произведения всегда озарены светом больших жизнеутверждающих, гуманистических идей, <...> делают их (людей – У.М.) морально чище и благороднее» [Гуляев 1970: 104]. По мнению исследователя, «прославляя все человеческое в человеке, художественная литература становится могучим средством морально-эстетического воспитания» [Там же: 106].

Сказанное о единстве воспитательной, познавательной и эстетической функций литературы в полной мере относится и к современным жителям. Например, книга «Отец Арсений» может быть сопоставлена с выдающимися литературными произведениями XX века. Издатель книги, протоиерей Владимир Воробьев, обращает внимание на необыкновенную эстетическую силу произведения, выделяя его среди немногочисленных на тот период житийных текстов: «Немногочисленные жизнеописания подвижников и мучеников XX века хотя и являют торжество любви над злом и смертью, столь характерное для древних житий святых мучеников, но редко в такой степени, как книга “Отец Арсений”, принадлежащая неизвестному составителю» [Отец Арсений 1994: 3].

Эта книга, несомненно, заставляет задуматься о жизни и помогает понять трудности советского времени, описанные на страницах романа. Будучи сопоставленной с такими классическими произведениями XX века, как рассказы А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова, повествующие о советских лагерях, эта книга помогает читателю увидеть Свет Божий в беспросветной лагерной жизни. Этот Свет-Надежда проявляется в чудесах и в истинной вере людей, которые исполняют заповеди Божьи и поддерживают близких и незнакомых людей в час испытания. Например:

«В перерывах между рубкой дров, топкой печей и уборкой барака о. Арсений успевал подходить к двум тяжелобольным, и чем мог, помогать. “Господи Иисусе Христе! Помоги им, исцели. Яви милость Твою. Дай дожить им до воли”, – беспрерывно шептал он, поправляя грубый тюфяк или прикрывая больных» [Там же: 16].

Книга «Отец Арсений» посвящена лагерной теме, как и рассказы А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова, однако, в отличие от них, автор книги дает читателю надежду на то, что даже в таких нечеловеческих, лагерных условиях можно жить с Богом, с верой в Него, и, более того, вера людей, прошедших через лагеря, на деле оказывается сильнее, чем у тех, кому удалось избежать заключения.

Подобная детализация, воздействующая на восприятие читателя, свойственна и книге Н.А. Павловой «Пасха Красная». Уже с первых страниц книги перед читателем разворачивается картина разрухи в монастырях, безбожия и бездуховности людей:

«Разруха была столь удручающей, что местные жители признавались потом, что в возрождение Оптиной никто из них не верил. И если до революции в монастыре действовало девять храмов, то теперь картина была такая. От храма в честь иконы Казанской Божией Матери остались только полуобвалившиеся стены – ни окон, ни дверей, а вместо купола – небо. Когда храм был поцелее, в нем держали сельхозтехнику. Въезжали прямо через алтарь» [Павлова 2002: 5].

Особенно страшными предстают картины вандализма, и последующего наказания Божьего:

«Рассказывает бабушка Дорофея из деревни Ново-Казачье: “После революции в Оптиной пустыни открыли дом отдыха. И вот собрали нас, местных ребятишек, дали деньги, подарки и дали скребки, велел соскребать со стен храмов лики святых. Директор дома отдыха был с нами ласковый и все гладил нас по головке, приговаривая: “Вы уж старайтесь, детки, старайтесь”. А мы, несмышленные, и рады стараться! Я еще маленькая была – до ликов мне было не дотянуться. Но отскребла я тогда ножки у святого и сама, почитай, лишилась ног: с той поры ногами болею и всю жизнь хромоногой живу. Но я болезни моей, верьте, радуюсь и лишь Бога

благодарю. Болят мои ножки, а растет надежда: может, помирует меня Господь?»»
[Там же: 7].

В этом фрагменте мы можем наблюдать сочетание познавательной функции произведения, описывающего факты истории советского времени, воспитательной функции, которая выявляется через сопоставление «вред ножкам святого и последующая болезнь ног». В то же время этот отрывок имеет еще и явную эстетическую силу, поскольку представляет собой детские воспоминания, противопоставленные современному осознанному отношению к святыне. Люди в советское время не знали Бога, и вот это пробуждение духовной жизни, духовная весна, Пасха, и описана на страницах данной книги.

Говоря об эстетической, познавательной и воспитательной функциях литературы, необходимо в первую очередь обратиться к образности художественного произведения, которая проявляется в частности в характерах его героев. Ю.Б. Борев пишет об этом следующее:

«Практикой искусства (в широком философском смысле этого слова) является то, что оно, выполняя свою познавательную и воспитательную функцию, обслуживает общество художественными образами, отражающими мир в конкретно-чувственном богатстве красок, форм, ритмов, в богатстве его конкретной чувственности, образами, формирующими духовный облик людей»
[Борев 1960: 285].

Обращаясь к истории литературы, Н.А. Гуляев выделяет то, что человечность была главным идеалом мировой литературы, и это отразилось в образах литературных героев: «Творчество выдающихся писателей прошлого покоряет своей человечностью. Мировая литература богата образами правдоискателей, бескорыстных служителей идеалам справедливости» [Гуляев 1970: 107].

Создание образа человека такого типа и является одной из главных целей современной житийной литературы. Современные жития богаты образами святых людей, подвигу которых стоит и нужно подражать: это святые Новомученики и Исповедники Российские, святые Зарубежной Церкви и

другие подвижники веры нашего времени. Так, протоиерей Владимир Воробьев в предисловии к книге «Отец Арсений» пишет следующее:

«Она (эта книга – У.М.) явила образ святого нашего времени, внутренне тождественный православной святости всех времен, но имеющего неповторимые черты подвижника нового времени. <...>

Всякий, кого сподобил Господь лично общаться с исповедниками того времени, сразу узнает в отце Арсении образ святого старца, исполненного любви, смирения, кротости, христианского трезвения и рассуждения, пребывающего в молитве, давно вручившего себя всецело воле Божией, наделенного благодатными дарами прозорливости и чудотворений. Немногочисленный и потаенный, но все же целый сонм таких старцев-исповедников еще недавно являл собою исполнение древних пророчеств о святых последних времен. Именно через них и осуществилось духовное преемство, соединяющее нас сегодня с полнотой Русской Православной Церкви, с ее святыми» [Отец Арсений 1994: 3-4].

В чем же проявляются особенности художественного образа? Вот что отмечает в своем исследовании Ю.Б. Борев:

«Особенности художественного образа, как формы отражения действительности, непосредственно обусловлены особенностями предмета искусства и теми особыми познавательными и воспитательными эстетическими задачами и целями, которые стоят перед искусством и которые являются его практикой» [Борев 1960: 291].

Первая особенность художественного образа заключается в том, что он отражает типическое и является единством общего и индивидуального. Ю.Б. Борев отмечает: «Даже самые верные, самые глубокие идеи могут жить в искусстве только тогда, когда они раскрываются через систему конкретно-чувственных образов, когда типическое раскрывается в индивидуальном и через индивидуальное» [Там же: 292-293].

Любопытно также следующее замечание Ю.Б. Борева:

«Художественный образ реалистического искусства – типичен, ибо он отражает существенные черты, стороны ряда однородных процессов и явлений, общее в них,

и, вместе с тем, он индивидуален, ибо эти черты воплощены в целостном образе индивидуального явления, и притом – в его жизненной полноте» [Там же: 293].

Реализм, представленный в современной житийной литературе, существенным образом отличается от того реализма, который имеет в виду Ю.Б. Борев, так как в житиях описывают судьбы реально существовавших, конкретных людей, реальные события, а не часть действительности, воплощенной в художественном образе. В то же время, обращаясь к книге «Отец Арсений», можно выделить некоторые черты, свойственные именно художественной литературе: выдуманность персонажа (такое мнение существует среди исследователей произведения [Кураев 2017, Бычков 2017, Бойко 2017]), типизация образа священника и описания лагеря.

Ю.Б. Борев считает, что «в каждом большом произведении искусства общие существенные черты раскрываются в индивидуальном и через индивидуальное, в яркой, выпуклой, конкретной форме» [Там же]. Это индивидуальное можно видеть и в современных житиях святых, и даже скорее для современных это более характерно, чем для классических житий. В то же время типизация свойственна всем житиям: каждый святой повторяет подвиг другого святого, подражая Христу, то есть индивидуальность святых типична. Так, выделяется среди других святых юродивых Матрона Московская, однако она являет образ юродивого как тип святости, который своим терпением невзгод и болезней, незлобием к врагам и помощью ближнему достигает Царства Небесного. При сходстве образа жизни святых праведных Алексия Мечева и Иоанна Кронштадтского нельзя не обратить внимание на противопоставленность их индивидуальных черт, проявляющуюся в деталях их семейной жизни, особенностей служения, окружения.

В связи с типизацией в искусстве Ю.Б. Борев вспоминает слова В.Г. Белинского: «Белинский считал одним из основных признаков поэтического творчества способность к художественному обобщению. “У истинного таланта, – писал он, – каждое лицо – тип и каждый тип для читателя есть *знакомый незнакомец*”» [Там же]. Эти слова В.Г. Белинского в полной мере можно отнести к героям книги архимандрита Тихона Шевкунова²² «Несвятые

²²

23 октября 2015 г. Тихон (Шевкунов) наречен во епископа Егорьевского.

святы» [Шевкунов 2012]. В этой книге читатель тоже встречает знакомых незнакомцев. Думается, что она получила такую популярность среди читателей потому, что многие герои кажутся знакомыми и родными, и их судьбы во многом схожи с духовным поиском самих читателей. Например, увлечение с друзьями-студентами спиритическим сеансом: беседа с «духом Гоголя» [Шевкунов 2012: 12 — 16].

Архимандрит Тихон (Шевкунов) в некоторых главах изобразил себя и друзей-послушников, например: главы «О том как мы покупали комбайны», «Жизнь, удивительные приключения и смерть иеромонаха Рафаила — возопившего камня», «Приходской дом в Лосицах и его обитатели», «Случай на дороге», «О смирении», «Как отец Рафаил пил чай», «Несвятые святы» [Шевкунов 2012: 527 – 636]. Он описывал личное, индивидуальное, но в этом индивидуальном каждый читатель видел себя, то есть как бы обобщенный тип современного верующего человека или скорее – современного человека, идущего к Богу, ищущего Его. Например, первый опыт жизни в монастыре, личный опыт несения послушаний в главе «Послушничество»: юмористический эпизод в коровнике [Шевкунов 2012: 132 – 134].

Вторая особенность художественного образа, по мнению Ю.Б. Борева, – единство эмоционального и рационального. Он пишет об этом: «Важной особенностью художественного образа является единство эмоционального и рационального. Эта особенность художественного образа, как и другие, выступает производной от познавательной и общественно-воспитательной функции искусства. Для того, чтобы формировать духовный мир человека и воздействовать навесь строй его духовных чувств, художественный образ должен включать в себя и эмоциональное, и рациональное. Там, где пропадает хотя бы один из этих элементов, там происходит распад художественного образа, там кончается искусство» [Борев 1960: 296].

Единство эмоционального и рационального в полной мере проявляется в современных житиях, в которых показывается победа над страстями, стяжание любви к Богу и ближнему. Эти законы духовной жизни, о которых написаны тома святоотеческой литературы, в житиях представлены наглядно и просто, на примере жизни людей, напоминающих читателю его самого. Таким образом, житие учит на примере святых, как быть милосердным, как вести себя в тех или

иных жизненных ситуациях, о которых, например, не говорится ни в Ветхом, ни в Новом Заветах, что значит «быть истинным христианином».

К сожалению, эмоциональная сторона проявляется не всегда и не во всех современных житиях, поскольку, как мы уже упоминали в других главах, некоторые тексты отличаются сухостью, документальностью изложения.

Третья особенность художественного образа – единство объективного (объект) и субъективного (субъект). Ю.Б. Борев отмечает, что «искусство не могло бы осуществлять ни познавательную, ни общественно-воспитательную функции, если бы оно не отражало объективную истину» [Там же: 298]. Объективное в художественном образе – это ситуации, события, явления самой жизни, характеры, конфликты, обстоятельства, духовный мир человека. При этом, по мнению Ю.Б. Борева, «объективное содержание в искусстве создается не за счет правдоподобного воспроизведения фактов реальности, а за счет правдивого отражения в конкретно-чувственной образной форме существенных черт действительности. Правдоподобие же в искусстве – момент совершенно не обязательный» [Там же: 299].

Субъективное – это личные переживания и размышления писателя, его отношение к описываемым явлениям. Ю.Б. Борев замечает: «Художественный образ есть отражение объективной реальности, но отражение с сильно развитой активной субъективной стороной» [Там же]. И далее он же пишет: «На художественном образе всегда лежит печать индивидуальности художника» [Там же].

Г. Гегель выделял три рода литературы по диалектике «субъект-объект»:

1. Эпос – преобладание объекта, пассивность художника.
2. Лирика – преобладание субъекта.
3. Драма – синтез объективного и субъективного: ситуация, события, конфликт – объективное, осуществляется посредством субъекта [Гегель 1971: 419-420].

Если идеи Г. Гегеля рассмотреть применительно к современным житийным текстам, то можно увидеть, что в современных житиях святых присутствует синтез объективного и субъективного, но при этом особенно развита субъективная сторона – особое видение художника.

Несмотря на то, что классические жития стремятся к правдоподобию, воспроизведение некоторых фактов реальности могло быть неправдоподобно, например, перенесение мучениками тяжелых пыток, летание на бесах, плавание на камнях и др. В современных же житиях преобладает правдоподобие, хотя и в них читатель может встретить какие-то события, которые не укладываются в рамки реальной действительности. Особенно это касается чудес, ведь главная особенность чуда – это нарушение законов действительности. В житиях автор обычно предельно объективен в отношении чудес, так что верить или не верить в них – дело читателя. Так, в «Отце Арсении» описывается случай, когда о. Арсений и его сокамерник Алексей попадают в карцер. Мороз тридцать градусов, им грозит неминуемая смерть, но чудо нарушает все законы физики и логики – оба выживают, потому что молятся Богу.

Субъективность представления художественного образа в современных житиях особенно заметна, если рассмотреть язык и стиль житий одного и того же святого. Как правило, при сходстве фактологической стороны жизни, описание образа святого, его индивидуальность в полной мере зависят от отношения и целей автора жития, поэтому и тексты жития получаются разными.

4.5. Развлекательная функция

Развлекательная функция не была свойственна классическому житию, хотя жития-романы, также выполнявшие развлекательную функцию, существовали еще в древности, но это было скорее исключением, чем правилом. Напротив, современное житие, как и светская литература, выполняет развлекательную функцию. Например, «Современный патерик» М.А. Кучерской содержит юмористическое начало и выполняет развлекательную функцию. Развлекательны, динамичны в своем сюжете также и другие житийные произведения, например, «Отец Арсений», «Пасха Красная», «Несвятые святые», «Повесть о житии Матроны Московской» и многие другие современные жития.

Конечно, если житие написано по классическому канону, развлекательная функция в нем отсутствует, и читатель читает такие жития не для развлечения,

а для назидания. Однако такие жития трудны для восприятия современного человека, так как он привык к присутствию развлекательности во всех видах искусства.

Итак, мы рассмотрели функции современного жития и убедились, что такие функции как внушающая/идеологическая, миссионерская, религиозная, развлекательная, познавательная, эстетическая и воспитательная, присутствуют во всех или почти во всех современных житиях. Соотношение этих функций в тексте также показывает, насколько изменился жанр жития.

5. Конкретные авторы современных житий

Большая часть современных житийных текстов стала появляться в 90-х годах XX века и создается до сих пор. Однако следует помнить, что традиция написания житий была утрачена. Сейчас происходят возрождение православия, православной культуры, восстановление храмов и монастырей и, конечно, возрождение православной литературы.

Современные жития создаются совершенно разными людьми, не всегда имеющими духовный сан или принявшими монашеский постриг, однако при этом не следует думать, что отношение автора к Церкви однозначно будет говорить о достоверности, каноничности и соответствии текста жития православному вероучению. Современными агиографами становятся монахи, священники и простые миряне – филологи, журналисты, профессиональные писатели, иногда анонимы и просто духовные чада старца или старицы.

После распада Советского Союза появилась возможность открыто писать на религиозные темы, и многие писатели начинают писать в жанре духовной прозы, в частности создавать книги о святых. Поэтому в современной агиографии ощущается сильное влияние секулярного мира, к тому же каждый из агиографов преследует свои цели, вкладывает свои идеи и смыслы в текст жития. Если в средние века личность агиографа не так сильно отражалась в тексте жития, то в современных житиях, по мнению журналиста Л. Ильюниной, часто можно столкнуться с «авторским произволом» и авторской интерпретацией тех или иных исторических событий [Ильюнина 2003].

Перед современным агиографом стоит сложнейшая задача не только канонически правильно отобразить жизнь святого в рамках агиографической традиции, но и пересмотреть историю, дать достоверную оценку историческим событиям недавнего прошлого. При этом надо учитывать, что многие события еще свежи в памяти людей, каждый видит прошлое по-своему, и дать этим событиям объективную оценку достаточно трудно. В то же время некоторые современные историки, авторы учебников по истории России дают событиям прошлого достаточно субъективную оценку, часто при этом искажая исторические факты (См. об этом статью И. С. Шишкина [Шишкин 2015: 102-105] и другие в электронной книге «Великая Победа» [Нарышкин, Торкунов

2015]). Похожее искажение, личную оценку истории можно наблюдать и в современных житиях [См. Ильюнина 2003].

В отличие от авторов светских книг автор жития, даже если он известный писатель, чаще всего остается в тени: его имя указывается внизу титульного листа как имя автора-составителя, например: игумен Феофан (Пожидаев), З.В. Жданова, иеромонах Дамаскин (Орловский), С.С. Девятова. Авторы некоторых житий намеренно стремятся к анонимности: кто-то раскрывает только свое имя с просьбой помолиться о нем, а кто-то предпочитает остаться полностью неизвестным. Так, автор книги «Отец Арсений» скрывает свое полное имя, он просит только о молитве: «Прочтя записки, помяните о здравии раба Божия Александра, и это будет мне великой наградой» [Отец Арсений 1994]. Таким образом, читатель ничего не знает об авторе этой книги, кроме того, что автор тоже является духовным чадом отца Арсения.

В настоящее время издается большое количество современных житий, и их число постоянно увеличивается, поэтому в данной работе приводятся имена наиболее известных авторов современных житий: Михаил Польский, игумен Дамаскин (Орловский), А.В. Ильинская, А.Н. Стрижев, Н.М. Коняев, С.С. Девятова, Н.А. Павлова, Т. Гроян, Г.П. Дурасов, З.В. Жданова и многие другие.

В первую очередь следует назвать имя протопресвитера Михаила Польского (Михаил Афанасьевич Польский) (1891-1960), автора первой книги о новомучениках «Новые мученики Российские». Книга была издана за рубежом (первая часть – в 1949 году [Новые мученики Российские 1949], вторая – в 1957 году [Новые мученики Российские 1957]).

Родился будущий агиограф 6 ноября 1891 года в станице Новотроицкой Кубанской области в семье псаломщика. В 1914 году окончил Ставропольскую духовную семинарию. В 1918 году работал уездным противосектантским миссионером. В 1920 году был рукоположен в сан иерея и причислен к клиру Петропавловской церкви у Преображенской заставы в Москве. В 1921 году поступил в Московскую духовную академию, однако вскоре ее зарыли. В 1923 году был арестован, после тюремного заключения сослан в Соловецкий лагерь, в 1929 году – в Зырянский край на 3 года. В 1930 году бежал из ссылки и покинул Россию через российско-персидскую границу [Михаил Польский 2011].

Труд М.А. Польского «Новые мученики Российские», несомненно, имеет большое значение, однако он, как первое произведение о новомучениках, имеет и свои недостатки. В база данных «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века» отмечается, что «автор проделал большой труд по сбору разрозненных сведений о новомучениках, черпая сведения в основном из эмигрантских газет и из личных бесед с эмигрантами. Это обусловило достоинства и недостатки книги. К достоинствам работы прот. М.А. Польского следует отнести ее церковность и большую живость материала. Автор приводит целый ряд эмоциональных рассказов о высокой жизни и мученическом подвиге новомучеников, так что книга представляет собой увлекательное и душеполезное чтение, оставляющее большое впечатление. Однако высокая житийность книги не подкреплена достоверностью. Многие сведения носят характер легенды. Это косвенно признает и сам автор, поместивший во второй части книги большое количество исправлений к первой части. Кроме того, труд прот. М. Польского весьма неполон. Множество судеб известных лиц Русской Православной Церкви, мученически кончивших свою жизнь, остались неосвященными» [О литературе 2011].

С этим заключением нельзя полностью согласиться. Ценность труда протопресвитера Михаила Польского в том, что это была первая книга о Новомучениках Российских, тем более написанная за рубежом в годы гонений на Церковь. Неполноту сведений, «некоторую легендарность» повествования можно объяснить тем, что автор не мог воспользоваться архивными материалами, даже если бы захотел. Книга Польского – это первый шаг современной агиографии, стоит отметить, что автор успел собрать сведения, опросить людей, которые что-то знали или были лично знакомы с кем-то из новомучеников. Эти люди, как и сам Польский, были хранителями духа старой России.

Основательную работу с архивными материалами уже тогда, когда это стало возможно, проделал игумен Дамаскин (Орловский) (в миру – Владимир Александрович Орловский) – автор многочисленных житий мучеников и исповедников XX века, вошедших в семитомное собрание «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» [Орловский 1992]. Вот как оценивают его труд современники: «С

конца 70-х годов игумен Дамаскин ведет систематический сбор материалов, касающихся подвига новомучеников и исповедников Российских XX века. До 1990 года исследования проводились в основном путем получения свидетельских показаний и выявления всех имеющихся опубликованных источников.

С 1991 года игумен Дамаскин приступил к изучению архивно-следственных дел в ЦА КГБ СССР (ныне ЦА ФСБ РФ). В дальнейшем также проводилось изучение материалов Архива Президента РФ, ГАРФ, РГИА, архивов УФСБ по Москве и Московской области и прокуратуры Тверской области. Собранные игуменом Дамаскиным материалы о жизни и подвиге новомучеников были представлены в Синодальную комиссию по канонизации святых и послужили основанием для их прославления в Соборе новомучеников и исповедников Российских» [Игумену Дамаскину 2010].

Игумен Дамаскин продолжил прерванную в XX веке житийную традицию, положив в основу написания жития принципы раннехристианской агиографии, когда жития создавались на основе официальных документированных и устных свидетельств. Для написания житий агиограф использовал материалы архивов ФСБ, Президента РФ, бывших партийных и др., в том числе региональных, тысячи показаний очевидцев и участников событий, собранных им в 70-х – 80-х годах XX века. Его труд был удостоен премий: в 1997 году – Памяти митрополита Макария (за 1-ю и 2-ю книги), в 2002 году – литературной премии Союза писателей России (за 6-ю книгу). С 1997 года он является научным руководителем регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников РПЦ». Игумен Дамаскин является также членом Союза писателей России, совета по изданию серий «Памятники церковной письменности» и «Славянский мир», редакционной коллегии научной серии «Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви», научно-редакционного совета Православной Энциклопедии.

Следующий агиограф, о котором нельзя не упомянуть, – Александр Николаевич Стрижев [Любомудров 2011]. Он не принадлежит клиру, однако, в отличие от первых двух авторов, имеет филологическое образование и является признанным писателем. Известен как прозаик, литературовед, библиограф, православный писатель, автор многочисленных очерков и книг о церковной

истории России, подвижниках веры – преподобном Серафиме Саровском, праведном Иоанне Кронштадтском, святителе Иоасафе Белгородском и др. Им были написаны такие современные жития, как «Блаженные старицы Дивеевского монастыря» [Стрижев 2003], «Схиигумен Савва. Опыт построения истинного мирозерцания» [Стрижев 2004] и др.

Родился А.Н. Стрижев 12 августа 1934 года в селе Тарадей Шацкого района Рязанской области в крестьянской семье. После окончания сельской семилетки учился в Москве. В 1958 году окончил редакционно-издательский факультет Полиграфического института. С 1959 по 1994 год работал в аграрном издательстве. 11 сентября 1964 года в газете «Ленинское знамя» была опубликована его первая заметка о природе, с этих пор он постоянно вел рубрику «Заметки фенолога» в московских газетах. С 1966 года стал автором рубрик «Народный календарь» и «Русское разнотравье» в журнале «Наука и жизнь». В 1968 году вышел «Народный календарь», в котором были впервые законно представлены святцы. В 1971 году был издан один из основных трудов – «Календарь русской природы», в котором воссоздана религиозно-философская картина мира. С 1990-х годов А.Н. Стрижев пишет в жанрах духовной прозы. Он первым заговорил о возвращении в русскую культуру наследия выдающихся русских писателей, забытых в советское время, – А.Н. Муравьева, С.А. Нилуса, И.С. Шмелева, С.С. Бехтеева, В.А. Никифорова-Волгина, Л.Ф. Зурова, Н.А. Мотовилова, Н.Д. Жевахова, Е.Н. Поселянина, А.П. Платонова, В.А. Маевского.

Другой известный писатель, прибегающий к жанру агиографии, – Николай Михайлович Коняев [См.: Чупринин 2009; Николай Коняев 2011] – современный писатель, прозаик, православный писатель, председатель Православного общества писателей Санкт-Петербурга, секретарь Союза писателей России, член Совета Всемирного русского народного собора, член-корреспондент Международной Славянской академии, член редсовета журналов «Проза», «Роман-газета XXI век», «Немига литературная», «Образ»; газет «Русь державная», «Литературная Россия», «Литературный Петербург». Его перу принадлежат следующие книги о современных и древних подвижниках: «Апостольский колокол. Валаамские столпы веры и духа» [Коняев 2006], «Священномученик Вениамин Митрополит Петроградский»

[Коняев 2005], «Устроители Святой Руси» [Коняев 2009], «Последние часы жизни митрополита Иоанна» [Коняев 1997], «Облеченный в оружие света» [Коняев 2002].

Родился писатель 25 августа 1949 года в поселке Вознесенье, расположенном на берегу Онежского озера. В 1966 году окончил среднюю школу и поступил учиться в Ленинградский политехнический институт, однако не окончил его. С 1974 по 1980 год учился в Литературном институте имени А.М. Горького при Союзе писателей СССР. В 1974 году опубликовал свой первый рассказ «Пятьдесят пятая весна» в альманахе «Молодой Ленинград». С 1975 по 1981 год, не оставляя учебу в институте, жил в Минске. С 1980 по 1982 год работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом в многотиражной газете и редактором на киностудии «Беларусьфильм». С 1984 по 1986 год работал в издательстве «Советский писатель». С 1986 по 1988 год заведовал отделом прозы в журнале «Нева».

В начале 1980-х годов появились его первые книги – «Такой ветер» (1980), «Земля, которая помнит все» (1982), «Первые уроки» (1982), которые сразу привлекли внимание читателей и критиков. В 1990-е годы стал писать в жанре документальной прозы: были созданы повести о жизни, смерти и бессмертии русского поэта Н.М. Рубцова: «Путник на краю поля» (1993), «Ангел Родины» (1997), «Вологодская трагедия» (1997). С 1995 по 1996 год появилась книга-исследование о деятельности ПетроЧК в 1918 году «Гибель красных Моисеев». В 1997 году была опубликована документальная повесть «Последние часы жизни митрополита Иоанна». В 1997 году также была издана документальная повесть «Священномученик Вениамин Митрополит Петроградский», повесть о священномученике Вениамине митрополите Петроградском, Юрии Новицком, Иване Ковшарове и архимандрите Сергии (Шеине). Повесть была опубликована в «Новом журнале», № 2, 1998 год, в журнале «Молодая гвардия», № 9, 1998 год, полностью – в журнале «Подъем», №№ 8-9, 1998 год, выходила отдельным изданием – в издательствах Юрженко и «Вера», 1997.

Священник Алексей Мороз так оценил эту повесть: «Книга Н.М. Коняева является одной из первых, если не первой работой, позволяющей нам приблизиться к пониманию путей современной святости, ощутить реального, живого, вполне достигаемого человека, священномученика Вениамина,

соприкоснуться с миром той благодати и духовных утешений, которые даровал Господь своему Святому верному рабу на пути страданий и мученической смерти» [Мороз 1997].

Романы и повести Н.М. Коняева были удостоены нескольких премий: имени Василия Шукшина, имени Андрея Платонова, ВЦСПС, ежегодных премий журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

Исследование об авторах житийных текстов будет неполным, если не упомянуть представителей другой группы агиографов – авторов житийной и псевдожитийной литературы, которых можно обвинить в пристрастии к графоманству. Отличительной особенностью их произведений является обилие тех недостатков, которые были рассмотрены в предыдущем параграфе, – сухость языка, беллетризация, пропаганда, субъективность оценок, искажение исторических фактов, присутствие элементов, противоречащих учению Православной Церкви. Если названные выше авторы житийных текстов стараются восстановить древнюю традицию, изложить жизнь святого понятным для современного читателя языком, но вместе с тем остаться в рамках жанра жития, то в произведениях данного типа превалирует авторская позиция, стремление к индивидуализации, отдалению от традиции.

Так, книги Светланы Сергеевны Девятовой отличаются от традиционной житийной литературы тем, что в них представлена сухая хроника событий, или биографическая справка, перемежаемая цитатами. Ее труды больше напоминают сборник биографий святых, чем сборник жизнеописаний. Хотя надо отдать должное способности автора обработать обширный архивный материал. О самом авторе мало что известно: С.С. Девятова – православный поэт и публицист, окончила физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, занимается благотворительной и просветительской деятельностью в различных детских учреждениях. С.С. Девятова – автор сборников о святых XX века и других православных книг: «Великие старцы XX столетия» [Девятова 2010], «Православные подвижницы двадцатого столетия. 70 жизнеописаний. Воспоминания. Поучения. Подвиги и чудеса. Молитвы» [Девятова 2007], «Духовный маяк. Советы православных подвижников» [Девятова 2009б], «Тамбовские и Пюхтицкие Духовные Светильники» [Девятова 2008], «Бог был,

есть, и будет. Чудеса из жизни святых и православных подвижников» [Девятова 2009а]. Некоторые работы автора выложены в Интернете на ее сайте [Свет 2013].

Другой советский и российский писатель, драматург, журналист, член Союза писателей России – Нина Александровна Павлова [Павлова 2011] – широко известна в православной среде как автор православных рассказов и книг. Большую популярность получила ее книга «Пасха Красная. О трех Оптиных новомучениках убиенных на Пасху 1993 года» [Павлова 2002]²³, впервые изданная 2002 году. Книга написана живым языком: хорошо продуманные детали, захватывающий сюжет, актуальная тема сатанизма – все это послужило тому, что произведение обрело большую популярность среди верующих, но вместе с тем книга вызвала критику Оптиной пустыни по причине неканоничности содержания.

Н.А. Павлова родилась в 1939 году на Алтае, в Славгороде, окончила факультет журналистики в Москве, работала в «Комсомольской правде», занималась драматургией. Она автор пьес «Вагончик», «Пятое время года» и др. С 1988 года живет близ Оптиной пустыни. Продолжает заниматься литературным трудом: создает рассказы на христианские темы.

Среди авторов псевдожитийной литературы следует упомянуть Анну Всеволодовну Ильянскую. А.В. Ильинская – одна из современных агиографов-женщин, что само по себе необычно, так как раньше агиографами были только мужчины²⁴. Она имеет высшее филологическое образование и признание в литературных кругах как прозаик, православный писатель, член Союза писателей России, автор современных житий: «Матушки земли Российской» [Ильинская 1994], «Жены-мироносицы XX века» [Ильинская 2005], «Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России» [Ильинская 2009], «Тайна старца Феодосия. Сказание о житии и чудесах “Иерусалимского батюшки” – преподобного Феодосия Кавказского» [Ильинская 1997], «“И Свет во тьме светит...” Жизнеописание преподобной Манефы Гомельской»

²³ Книга переиздана издательством Адрес-Пресс в 2003, 2004, 2005, 2006 годах и издательством Альта-Принт в 2008 году).

²⁴ Видимо, это обусловлено еще традицией, которая зиждилась на изречении ап. Павла: «Женщины ваши в церквах да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит». 1 Кор. 14:34.

[Ильинская 2010] и др. Книги А.В. Ильинской «Матушки земли Российской» и «Тайна старца Феодосия» подверглись резкой критике дьяконом Андреем Кураевым в книге «Оккультизм в православии» [Кураев 1998]. Кураев достаточно категоричен в своих высказываниях: он пишет о том, что Ильинская не имеет церковно-богословского образования, поэтому от нее и «от светского журнала, издающего ее опусы, трудно ждать богословской корректности» [Там же].

Другой автор псевдожитий – бывшая келейница покойного старца о. Николая Гурьянова Татьяна Гроян²⁵, именующая себя «схимонахиней Николаей», хотя документально подтверждено только то, что она была пострижена в мантию, причем без архиерейского благословения. Т. Гроян – автор книг-псевдожитий секты «распутинославцев» «Мученик за Христа и за Царя Человек Божий Григорий, Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлого Отрока» [Гроян 2001], «Мученик за Христа и Царя Григорий Новый» [Гроян 2004] и брошюры о старце Николае (Гурьянове) «Небесный Ангел» [Николая 2002]. На основе отрицательных отзывов читателей и литературных критиков можно сделать вывод, что цель автора этих книг – распространение идей о мнимой «святости» Григория Распутина и желание прославить его в лике святых. Автор высказывает эти идеи, опираясь на авторитет многими почитаемого старца и на святость членов царской семьи. Она распространяет не подтвержденные документами факты о том, что якобы царская семья и старец Николай почитали Григория Распутина как святого. Книги Т. Гроян в официальной церковной среде рассматриваются как вредоносные, так как их содержание не соотносится с учением Церкви о святости, и в основе написания и издания этих книг нарушаются законы этики.

Следующий автор – Геннадий Петрович Дурасов, писатель, искусствовед, этнограф-любитель, журналист, написавший скандально известное псевдожитие «Богом данная: Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии» [Дурасов 1998]. Эта книга также стала объектом резкой критики со стороны дьякона Андрея Кураева в работе «Оккультизм в православии». «Богом данная: Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии» –

25

См. о Т. Гроян [Дворкин 2011].

пример того, что бывает с текстом жития, если его пишет литературно образованный, но далекий от Церкви человек. Схимонахиня Макария, известная своим подвижническим образом жизни, представлена в его книге как психически больной человек, занимающийся оккультизмом вместо молитвы.

Однако, несмотря на это, книга о схимонахине Макарии пользуется большим читательским спросом. Об этом пишет антрополог Ж.В. Кормина: «Книга Дурасова о Макарии вышла уже шестым изданием, в сумме – почти полумиллионным тиражом; существует “Народный музей” Макарии и организуются паломнические поездки на ее родину в д. Темкино Смоленской области, несмотря на то, что идея ее прославления, по данным Н.М. Митрохина, еще в 2001 г. вызвала жесткую критику патриарха» [Кормина 2010: 3].

Наличие книги, в которой факты жизни схимонахини и религиозные взгляды искажены, привело к тому, что канонизация этой святой в настоящее время невозможна.

Псевдожитие подобного типа, «Сказания о житии блаженной старицы, матушки Матроны», было написано Зинаидой Владимировной Ждановой [Жданова 1993], однако в случае с блаженной Матроной это не помешало ее канонизации. Изданная в 1993 году книга настолько понравилась православным читателям, что возникло массовое почитание святой, которое привело в итоге к ее прославлению. Это тот случай, когда написанное житие, изначально цель которого – основание канонизации святого, наоборот, не помешало канонизации, хотя и вызвало споры о святости блаженной Матроны.

Дьякон Андрей Кураев высказал свое отрицательное отношение к этой книге, подчеркнув то, что З.В. Жданова неверно изображает святую: «В числе псевдоцерковных книг, на которые надо ставить гриф: “Перед прочтением – сжечь” и от которых надо защищать и православный люд, и память тех подвижников, кому эти книги посвящаются, на первом месте оказывается наиболее популярная книжка – “Сказание о житии блаженной старицы Матроны”. Тираж – 100 000. Со страниц этой книги подвижница, которая, по мнению Синодальной комиссии по канонизации святых, достойна прославления и почитания как местночтимая святая, предстает, скорее, в качестве колдуньи» [Кураев 1998].

З.В. Жданова (1917-2007) родилась в 1917 году в Москве. В 1946 году окончила Архитектурный институт в Москве. 6 января 1950 года была арестована и осуждена по статье 58 п. 10-11 за участие в церковно-монархической группе; сослана с мужем в Магадан. В 1955 году была реабилитирована, но осталась в Магадане помогать мужу, которому через какое-то время сократили срок на 10 лет. Умерла 17 октября 2007 года в Москве [Заморин 2008]. Она была лично знакома с блаженной Матроной, так как мать первой была односельчанкой Матроны. Таким образом, З.В. Жданову можно отнести к непрофессиональным агиографам – духовным чадам святой.

Ж.В. Кормина предполагает, что автор не могла составить «Сказание» без посторонней помощи:

«Книга представляет собой сборник рассказов о Матроне лично знавших ее людей, почти исключительно ее родственниц и односельчанок. Трудно представить, что в столь преклонном возрасте (род. в 1917 г.) Жданова отправилась в д. Себено Тульской области, чтобы встретиться с этими людьми, или отыскала их в Москве. Каким образом был написан текст этой книги, какова степень редакторской правки, осуществленной, по-видимому, кем-то из издательства Ново-Голутвина монастыря, – ответы на эти вопросы могут носить только гипотетический характер. Ясно, что редактор, или скрывший свое имя соавтор, имел некоторое представление о том, каким образом осуществляется подготовка к прославлению святого: собираются и публикуются свидетельства о его или ее жизни и чудотворениях» [Кормина 2010: 5].

Утверждение Ж.В. Корминой о редакторской правке текста можно оспорить. Несмотря на то, что само название «Сказание о житии...» апеллирует к названиям многих житийных текстов Древней Руси, однако текст «Сказания о житии блаженной старицы, матушки Матроны» содержит неточности, ошибки в исторических фактах, нелогичность повествования, лексические ошибки (например, «порченный» вместо «бесноватый»), избыточность элементов оккультизма – все то, что не может игнорировать редактор православной литературы.

Таким образом, среди авторов современных житий наблюдается разнообразие: одни из них имеют высшее филологическое образование или являются профессиональными писателями, другие (и они часто становятся

авторами псевдожитийной литературы) неизвестны ни в церковной, ни в литературной среде. Кроме того, на качество текста жития часто влияет не столько филологическое образование его автора, сколько богословские знания писателя, которые позволяют ему не отклоняться от вероучения православной Церкви по мере написания жития святого.

6. Церковь и литургически-теологическая релевантность (цензура и др.)

Каждый год в России выпускается около трех тысяч православных изданий: жития святых, труды святых отцов, миссионерская литература, научная литература о православии, православная художественная литература, календари с душеполезным чтением на каждый день, книги богослужебного пользования и православная периодика.

Насколько издаваемая книжная продукция соответствует потребностям читателей?

Часто издатели выпускают литературу, которая идет в разрез с ожиданиями Церкви, осуществляют определенный вброс информации. Например, книга Н.А. Павловой «Пасха Красная» вышла в свет, несмотря на то что Оптина пустынь не одобрила содержание текста.

Можно предположить, что с потребностями конкретных групп читателей лучше всего знакомы священнослужители, так как они постоянно общаются с прихожанами и знают все проблемы Церкви изнутри. Так, священнику Даниила Сысоева не безразличны современные проблемы, насущные вопросы, волнующие современных верующих людей, поэтому он написал такие миссионерские книги как: «Почему ты еще не крещен?» [Сысоев 2011], «Брак с мусульманином» [Сысоев 2007], «Замуж за неверующего?» [Сысоев 2010] и др.

В то же время у потребности, которая исходит от самого читателя, есть две стороны: а) читатель охотнее знакомится с легкой литературой, б) читателям нужна миссионерская, просветительская литература, чтобы утолить информационный голод. Поэтому такие произведения, как книга священника Даниила Сысоева «Инструкция для бессмертных» [Сысоев 2009], пользуются большим спросом. Она написана доступным языком, в отличие от трудов святых отцов, большинство которых было переведено в XIX веке и до сих пор переиздается на языке, во многом непонятном современному читателю. Кроме того, в ней даются прямые ответы на вопросы верующих о духовной жизни.

Другой стороной читательских предпочтений является то, что спрос рождает предложение, то есть, если будет читательский спрос на псевдоправославную литературу (а в сознании многих людей православие и оккультизм сосуществуют), будет и предложение: светские издательства, которые не подчиняются запретам Московской Патриархии, будут продолжать ее издавать. Поэтому, чтобы предотвратить рост спроса на псевдоправославную литературу, предпринимаются попытки по просвещению читателей, формированию у них читательского вкуса, разъяснению ошибок псевдоправославной литературы. Например, был создан сайт против суеверий: «Суеверие.нет» [Суеверие.нет 2011].

Огромное количество православной литературы, хлынувшей мощным потоком с начала 90-х годов XX века на книжные прилавки, поставило серьезный вопрос о необходимости цензуры для отделения, запрещения псевдоправославной литературы. Однако в эпоху «свободы слова» постановка вопроса о цензуре выглядела как анахронизм. Тем не менее, некоторые попытки все же предпринимались. Например, была введена так называемая «народная цензура», которая воплотилась в системе рейтингов книжных издательств, рецензиях [Архипов 2006] и обсуждениях на форумах [Слово 2009] изданий на православные темы, в которых читатели предупреждали друг друга о выходе книги сомнительного с точки зрения Церкви содержания.

На сайте «Правкнига» размещен целый раздел под названием «Осторожно, обман!», в котором публикуются «авторские материалы, заключения экспертных комиссий, исследования богословов по проблемной области православного книжного рынка – т. наз. псевдоправославная литература, фальсификация и книги с ложными “благословениями”» [Правкнига... Осторожно, обман! 2011], то есть разрешениями правящего архиерея на печать рукописи. Такие списки напоминают Индекс запрещенных книг (Index Librorum Prohibitorum), который существовал в Римско-Католической Церкви. Подобные «Индексы» отреченных книг были и на Руси, однако они не были официальными церковными списками.

27 мая 2010 года – дата, когда православная цензура была официально разрешена, «было утверждено Положение о рецензировании и экспертной

оценке изданий, предназначенных для распространения через церковную систему реализации издательской продукции» [Издательский совет 2010].

Однако требование официальной экспертной оценки не положило конец псевдоправославным изданиям: их можно найти в библиотеках при храмах, купить в храмах, расположенных территориально далеко от резиденции правящего архиерея, получить в подарок от православной соседки, которая бережно хранит эту литературу, наконец, она распространяется странниками, паломниками и сектантами.

Введение цензуры вызвало горячую дискуссию в сети Интернет. Большинство читателей сходятся во мнении о том, что введение цензуры – больше потеря, чем приобретение, хотя, казалось бы, именно этого они так давно ожидали.

Может ли цензура остановить распространение псевдожитийной литературы? Думается, что появление цензуры – это большой шаг вперед. Но так как Церковь отделена от государства, православная цензура не может повлиять на светские издательства, кроме того, практически невозможно предотвратить размещение псевдоправославной литературы в Интернете.

В отношении Интернета вопрос о цензуре приобретает особую остроту. Изначально Интернет был запущен как свободная сеть без ограничений. Как могут сочетаться Интернет и цензура?

Н.В. Котрелёв, литературовед, завсектором «Литературное наследство», подвергает сомнению утверждение о свободе и независимости Интернета: «Казалось бы, Интернет – открытое пространство, в блоге что хочешь, то и пиши. Но Интернет очень умно организован. Думаю, что это и есть осуществление пророчеств Уэллса, Замятина, Оруэлла о тотальном контроле. Даже если “Гугл”, например, говорит: “Мы гарантируем конфиденциальность”, это значит, гарантируем до тех пор, пока хотим, а когда приходит человек с нужным документом, он получает доступ к данным обо мне. Есть в Интернете и подавление сайтов, причем автоматическое: анализ содержания передаваемой информации – сравнительно несложная вещь» [Кульба 2009].

Действительно, в Интернете имеются рычаги для ограничения определенной информации. Так, существуют православные пользователи,

которые отслеживают появление в Интернете оккультных или сатанинских сайтов и блокируют их или добиваются их закрытия. На православных форумах также существует собственный жесткий контроль: пользователи, нарушившие правила форума, удаляются или блокируются на какое-то время. Однако с мнением Н.В. Котрелёва нельзя согласиться полностью: Интернет допускает размещение, пересылку, скачивание псевдоправославной литературы, то есть по сути в Интернете цензура не работает.

В развернувшейся в Интернете дискуссии по поводу введения церковной цензуры поднимается также проблема привычки современного читателя к чтиву, проблема потери интереса к чтению серьезной духовной литературы. Вот что пишет по этому поводу священник Андрей Дудченко:

«Если в столичных лавках все относительно хорошо (и то лишь по сравнению с глубинкой), то в провинции книжной торговлей обычно заведуют люди, не разбирающиеся не то что в тонкостях богословия, но даже в элементарных нормах катехизиса. Чаще всего это не священники, а церковные свещницы или бухгалтеры, и ассортимент они отбирают по принципу не что полезно, а что лучше продается и приносит больше выручки. Что греха таить, тем же принципом руководствуются порой и приходские священники, приезжающие за закупками на епархиальный склад. А складом, в свою очередь, тоже заведует лицо без духовного образования... И получается так, что до конечного потребителя, то есть до прихожан, доходит большей частью литература сомнительного качества» [Дудченко 2009].

С мнением свящ. Андрея Дудченко нельзя не согласиться. Особое внимание следует уделить также проблеме продажи в церковных лавках книг без грифа с благословением архиепископа. Так, такие современные книги, как «Откровения Ангелов-Хранителей»²⁶, будут скорее закупаться для продажи церковными лавками, чем книги известного православного богослова Игнатия Брянчанинова, потому что продажа первых идет лучше.

О проблеме коммерческого подхода при выборе издания для продажи пишет и книгоиздатель О.Л. Абышко: «...Светскому рынку не нужна

²⁶ «Откровения Ангелов-Хранителей» – серия эзотерических книг и брошюр. Авторы – Ренат Гарифзянов в соавторстве с Любовью Пановой, которая в 2003 году была отлучена от церковного общения.

качественная православная литература, творения св. отцов и новые переводы житий – тем более, заявляю это со всей ответственностью, так как более 20 лет работаю с этим рынком и хорошо его знаю» [Севастопольское благочиние 2010].

Читатели, издатели и священники в основном сходятся в своем отношении к появлению церковной цензуры и «грифа». О.Л. Абышко называет ее «псевдо-цензурой», а священник Андрей Дудченко считает, что решение Священного Синода – это «палка о двух концах», а один из читателей, что – «дубина, которая может измордовать церковное книгоиздательство» [Дудченко 2009].

Читатели и книгоиздатели поднимают несколько проблем, возникающих с появлением церковной цензуры [Комментарии к статье свящ. А. Дудченко 2009; Комментарии к статье 2010]:

1. Грамотная цензура требует большого времени, значительной работы.
2. Поставленная задача технически невыполнима.
3. Отсутствуют профессиональные рецензенты.
4. Затруднительна оплата труда рецензента.
5. Монополизация рынка православной литературы приведет к подавлению небольших частных издательств.

Как можно видеть из данного перечня, по мнению читателей и книгоиздателей, введение цензуры ведет не к разрешению давно назревших проблем (таких, как издание псевдоправославной литературы), а только к еще большему усложнению процедуры издания православных книг. Уже сейчас видно, что введение новой системы порождает хаос и сумятицу: в открытом письме Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу от книгоиздателей и книготорговцев говорится, что «большинство руководителей церковных магазинов, особенно в провинции, напуганы и не берут на продажу книги без грифа ИС» [Православные книгоиздатели 2010].

Некоторые пользователи сети Интернет утверждают, что наличие грифа абсолютно не защищает читателей от появления псевдоправославной литературы. Так, один из читателей под ником oleg0107 пишет: «...Пользуясь своими связями (издательство “Никея”), можно протащить через любые барьеры ИС любую книгу – любую!» [Комментарии к статье 2010].

Таким образом, полемика, которая возникла в сети Интернет по поводу введения обязательного грифа, приводит к выводу о том, что цензура не спасает читателей от некачественной литературы, но, напротив, держит в страхе писателей и издателей нужных, полезных православных книг. Так, теперь даже известный православный писатель, автор уже одобренных книг, вынужден просить у правящего архиерея разрешения на выпуск нового труда.

Сейчас православные книги издаются с грифом «Рекомендовано Издательским советом РПЦ». На сайте ИС РПЦ размещен также список книг, «не рекомендованных к распространению через систему церковной (епархиальной, приходской, монастырской) книжной сети» [Издательский совет Русской Православной Церкви 2016]. Патриарх Кирилл, однако, подчеркивает, что введение грифа не означает введения церковной цензуры.

Издательский Совет РПЦ отмечает, что «появился гриф “Допущено к распространению ИС РПЦ”, который применяется в основном по отношению к художественной литературе» [Цензура 2015], однако этот гриф не выдается православной миссионерской художественной литературе, поэтому авторы сайта «Православная миссионерская художественная проза» предлагают введение нового грифа: «Допущено к распространению ИС РПЦ в качестве миссионерской литературы» [Цензура 2015].

Важным вопросом в распространении православной литературы является вопрос места, где можно купить или почитать книги. Православные издания можно купить в православных книжных магазинах, в светских книжных магазинах (чаще всего на отдельной полке, стеллаже, часто рядом с эзотерикой), в церковной лавке при храме, на православной ярмарке, на рынке, а также в интернет-магазинах. Православные издания можно почитать на месте или взять домой в библиотеках или книжных полках при храмах, в светских библиотеках, в православных и светских библиотеках в сети Интернет, кроме того, существует обмен книгами среди прихожан храма.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл так смотрит на проблему прихрамовых библиотек, книжных полок и церковных лавок: «Храмы должны быть просветительскими и миссионерскими центрами; большую роль в этом способны сыграть православная периодика и книги. Для

этого необходимо, чтобы православная печатная продукция была бы здесь широко представлена.

Сегодня существует много хороших, высококачественных изданий, которым нужно помочь дойти до читателя. Это журналы для молодежи “Наследник” и “Отрок.ua” (последний – из Украины); журналы “Альфа и Омега”, “Нескучный сад”, “Фома”, “Церковь и время”, “Православная беседа” и ряд других. Духовенству важно понимать, что эти издания могут стать серьезным подспорьем в миссионерской, пастырской и просветительской работе.

Что касается представленной в церковных лавках литературы, то зачастую возникают недопустимые ситуации, когда зашедшему в храм человеку предлагается очень мало достойных православных изданий, а порой здесь можно встретить книги, газеты и журналы, которым вообще не место в церкви. Литературой, распространяемой в храмах, должны заниматься лично настоятели; нельзя перепоручать это послушание работникам книжных палаток и свечных ящиков. Даже если настоятель сильно загружен и есть человек, отвечающий за состояние книжно-журнальной полки, то настоятель обязан быть в курсе того, что в его храме предлагается в качестве чтения для прихожан. Кроме того, в храме хорошо бы иметь отдельную полку или стенд, где были бы представлены только православные СМИ» [Кирилл Патриарх 2009].

Думается, что в церковных лавках продажа книг находится под наблюдением настоятеля храма, и поэтому продажа псевдоправославной литературы отслеживается, чего нельзя сказать о других названных местах реализации.

Особую роль в просвещении и воцерковлении людей играют храмовые и монастырские библиотеки. По своей организации они не отличаются от светских, хотя в основном открыты только по воскресным дням после Литургии. В них предоставляется возможность почитать книгу на месте или взять на время для домашнего чтения. Обычно здесь представлена литература для различной аудитории – для воцерковленных людей и для людей, которые делают первые шаги в Церкви. Отбором и заказом православной литературы

занимается библиотекарь. Чаще всего библиотеки посещают люди пенсионного возраста.

В целом православному читателю доступны практически любые православные издания. Если нужной книги нет в библиотеке, ее можно отыскать в православных интернет-библиотеках или купить в интернет-магазине, хотя нельзя отрицать тот факт, что Интернет сегодня доступен не каждому россиянину: не все люди умеют пользоваться компьютером, и не у всех он есть дома. Если за границей и в крупных городах России (Санкт-Петербурге, Москве), люди больше пользуются Интернетом и интернет-магазинами, то в российской глубинке о таких источниках информации порой даже и не слышали. Чаще всего прихожане сельских храмов делятся книгами друг с другом: дают книги в займы, дарят или просто советуют купить ту или иную книгу.

В русской Сети существует несколько православных интернет-магазинов: «Русский Паломник» [Православная литература почтой 2011], «Остров книг» [Остров книг 2011], «Правкнига» [Правкнига: православная книга России 2011] и др. Крупные издательства имеют собственные интернет-магазины, так что даже если та или иная книга будет запрещена, то ее все равно можно продать через Интернет, тем более, если у каждого издательства есть свой рынок сбыта.

Вопрос о том, что станет с православным книжным рынком далее, остается открытым. Будет ли замедлен процесс издания книг, не одобренных Православной Церковью, или он будет проходить подпольно, покажет время. В любом случае при решении этого вопроса нужно прислушаться к мнению издателей, так как они знакомы с проблемой изнутри.

7. Конкретные реципиенты (взрослые и дети)

Проблема отношения православных читателей к православной и светской литературе активно обсуждается в православной среде, на страницах Рунета. В данном разделе будут изложены дискуссии по наиболее полемичным вопросам, будет рассмотрено несколько статей, в которых эти проблемы поднимаются в общих чертах и которые касаются вопросов распространения и покупки православной книжной продукции, ее востребованности и доступности для православной аудитории. Это такие статьи, как «Православная книга: долгая дорога к читателю» [Черёмухина 2009], «Судьба “Чебурашки”. О современной православной литературе» [Коскелло 2010], «Прогулка по книжным магазинам» [Плужников 2011]. Вопрос о православных книгах для детей затронут в статьях: «До 16 и младше: факты и заблуждения о детской литературе» [Порядина 2010], «Индекс запрещенных книг» [Плужников 2012], «Что читать детям сегодня?» [Ильяшенко 2009б], «О детском чтении» [Ильяшенко 2009а], «Чему нас учит Карлсон?» [Тюттерин 2010].

Один из наиболее обсуждаемых сегодня в православной среде вопросов: «Что можно и что нельзя читать православным детям?». По этому поводу написано множество статей (например, статьи протодьякона Андрея Кураева о Гарри Поттере [Кураев 2011]). В связи с этим ставится и более общий вопрос о том, как привить ребенку любовь к чтению хорошей литературы. Последний вопрос волнует, конечно, не только православных родителей.

В Древней Руси к вере ребенка относились так же, как к вере взрослого человека, и в книжности не было разделения читательской аудитории на детей и взрослых, поэтому собственно детской литературы не существовало, не было букварей, не было переложения Библии для детей, не было житий святых в изложении для детей. Грамоте учили по Псалтыри.

В наши дни православная литература рассчитана на различных реципиентов: существует большое количество православной литературы как для детей, так и для взрослых, миссионерские издания, литература для незрячих [Воцерковление слепых и глухонемых детей 2011], для слабовидящих.

Православная литература для детей – это православные азбуки, книжки-раскраски на христианскую тематику, Библии для детей, христианские

рассказы и сказки и, конечно, жития святых в переложении для детей. Такие жития святых написаны простым, понятным языком. Среди святых, которым посвящены православные издания, встречаются как всем известные святые древних времен, так и современные: Матрона Московская, царственные страстотерпцы, Елизавета Федоровна, Иоанн Кронштадтский и др. Иногда жития представляют собой просто рассказы о царе и о чудесах, связанных с ним.

Однако существует мнение, что разделение на взрослую и детскую литературу неуместно. Так, журналистка А. Коскелло в статье «Судьба “Чебурашки”» считает, что «...параллельно с мифом об особой “православной литературе” для взрослых сегодня продвигается и миф о “детской православной литературе”» [Коскелло 2010].

Чтобы прийти к некоторому решению этой проблемы, нужно прежде всего разобраться в терминах «православная литература для взрослых» и «православная литература для детей». В нашем понимании «православная литература для взрослых» и «православная литература для детей» включает не только художественную литературу православного содержания, но вообще все православные книги.

Размышляя о «православной литературе для детей», А. Коскелло задается вопросом: «И кто решил, что преподносить ребенку православие можно лишь в сказочно-сентиментальной оболочке, что настоящего серьезного христианства дети не поймут и не примут?» [Там же]. Автор справедливо замечает, что в современной православной литературе много фальши и слащавости: это относится как к литературе для взрослых, так и к литературе для детей. А также отмечает, что такая литература часто написана бездарно, что православным писателем сейчас может стать любой, кто хоть что-то смыслит в православии.

В результате возникает дилемма: во-первых, православное учение должно быть подано ребенку в доступной для него форме, а во-вторых, оно не должно преподноситься как сказка, которую выросший ребенок отвергнет как что-то детское, сказочное, далекое от реальности.

Конечно, среди православной литературы часто можно встретить низкопробные издания, но, судя по тому, что современные жития часто пишут заслуженные современные писатели, состоящие в Союзе писателей и

снискавшие уважение в светском литературном обществе, следует признать, что не все православные книги для детей подают православное вероучение в «сказочно-сентиментальной оболочке».

Кроме того, рассказ о православии, устное переложение прочитанных взрослыми книг все равно так или иначе присутствует при воспитании ребенка, поэтому готовые книги для детей могут стать той основой, которая поможет взрослому христианину передать ребенку знания о своей вере без искажения.

Проблема православной литературы для детей подводит нас к другой проблеме – восприятию светской литературы православными читателями. Об этом пишет А. Коскелло: «К сожалению, не только авторы, но даже ученые мужи убеждают родителей, что ребенок должен читать исключительно особые, православные книги. То есть не только читать “православную литературу”, но вообще не читать никакой другой» [Там же]. В качестве примера «ученого мужа» А. Коскелло приводит книгу петербургского филолога, кандидата наук, Ю.Ю. Поринца: «Книги, которые читают наши дети, и книги, которые им читать не следует». Однако в этой книге автор только разбирает мировую и отечественную классику на предмет пригодности для детей, но не утверждает то, что всю классику надо запретить и читать только православные книги.

Конечно, если есть спрос на «православную детскую литературу», будет и предложение. В таком случае и возникает избыток слащавой литературы, о которой говорит А. Коскелло, так как поспешное издание, а точнее, «штампование», литературы, несомненно, влияет на ее качество.

С мнением журналистки трудно не согласиться в том, что особая православная литература для детей все же должна существовать в виде пересказов Библии, Евангелия, житий святых, но при этом кажется безосновательным ее утверждение о том, что нужно создавать православную художественную литературу, то есть сказки, рассказы, повести, романы. Думается, воспитание любого ребенка не должно обходиться без приобщения его к мировой и отечественной классике, которую вряд ли когда-то удастся заменить новыми православными сказками.

В отличие от А. Коскелло, которая обвиняет православную литературу для детей в излишней слащавости, С.М. Панич видит в детской литературе активную политическую пропаганду. Она заявляет: «...“Детские жития”

ориентируются на социалистическую нормативную эстетику, которая с лихвой позволяет использовать агиографический канон для возвышения государственного идеала и установки на поиск “внешнего врага” вместо утверждения истинных христианских ценностей любви и милосердия. Если в традиционном житии святой своим присутствием и молитвой собирает мир, то в пересказе он, напротив, жестко делит мир “на своих и чужих”» [Панич 2004].

Точка зрения С.М. Панич представляется дискуссионной. Существуют различные детские жития: среди них есть качественные, есть и некачественные, выбор одних или других полностью зависит от вкуса конкретного читателя. А установка на поиск «внешнего врага» в детском житии кажется вообще надуманной проблемой.

Другой обсуждаемый в Рунете вопрос – отношение взрослых читателей к псевдоправославной литературе.

А. Коскелло справедливо замечает: «Современные православные россияне мало отличаются от всех остальных в своих культурных предпочтениях» [Коскелло 2010]. Это неудивительно, так как, с одной стороны, мы все живем в одном информационном поле, а, с другой стороны, сама читательская аудитория размыта, и современную «православную» литературу могут читать не только воцерковленные люди, но и невоцерковленные. Однако, утверждая, что «православный читатель – человек простой, не образованный» [Там же], автор статьи существенно занижает интеллектуальный уровень современного православного читателя. Такое отношение к верующим закрепилось еще в советские времена, когда считалось, что в церковь ходят пожилые и необразованные люди. И если в советские времена в церкви, действительно, молились в основном необразованные прихожане, то в наши времена это утверждение можно считать несправедливым, так как после распада СССР в Церковь потянулось большое количество представителей интеллигенции.

Читательские предпочтения православных верующих во многом формируют ассортимент продаваемой литературы. Происходит некий круговорот: читатель, ищущий легкого чтения, начинает покупать книги соответствующего уровня, что является знаком спроса для издательств, и они начинают выпускать эту продукцию, увеличивая тираж. Так, священник

Алексий Плужников, проведя, как он выразился, «маленькое социологическое исследование», выяснил, что «Многотомные “Откровения Ангелов-Хранителей” сейчас наиболее популярное оккультное издание, причем продается оно практически во всех книжных точках и почти всегда – на полке “Православие”» [Плужников 2011].

Это означает, что, если читатель, который любит только такие книги, будет их активно покупать, книготорговец будет продолжать думать, что это «православные» книги и что покупают их «православные» люди, и из этого будет делать выводы, что «православная» читательская аудитория ничем не отличается от светской по предпочтению оккультной и эзотерической литературы. Хотя следует признать, что проблема наводнения книжного рынка бездарной и графоманской литературой существует не только в православном, но и вообще в современном книгоиздании.

Социологическое исследование, проведенное священником А. Плужниковым в 2008 году в Волгограде, показывает также, что «во-первых, сразу же бросается в глаза огромное преимущество эзотерики перед книгами по мировым религиям. Во-вторых, большинство книг, стоящих на полке “религия”, реально являются оккультными, псевдорелигиозными» [Там же]. Другое исследование, предпринятое журналисткой В. Черёмухиной в Петербурге в 2009 году, показывает, что и в мегаполисе с православным книжным рынком дела обстоят ненамного лучше. Она пишет, что православный книжный магазин «Свет истины» был закрыт, а о других сообщает: «На духовной литературе специализируется магазин “Роза Мира” на Садовой улице (когда-то я сама покупала здесь книги, которые впоследствии привели меня в храм). Но тут “правильные” православные и миссионерские книги стоят на полке в опасном соседстве с сектантской и оккультной литературой. Даже воцерковленный человек не всегда сразу может отличить первое от второго: оккультизму свойственно брать от православия внешнюю форму и наполнять ее опасно иным содержанием. Большой раздел “Православие” есть в магазине христианской литературы “Слово” на Конюшенной улице. В нем представлено более трех тысяч наименований книг. Но даже здесь не каждый православный христианин может удовлетворить свои запросы» [Черёмухина 2009].

Менеджер светских книжных точек чаще всего не разбирается в литературе. Это можно видеть по смешанной раскладке стеллажей, на которых рядом с оккультными и псевдоправославными книгами оказываются настоящие православные книги. Такое явление можно наблюдать не только в России, но и за рубежом, например, в некоторых рижских книжных магазинах.

Таким образом, читатель не получает необходимой ему православной литературы, несмотря на то, что каждый год выпускается огромное количество православных изданий.

В связи с литературой для взрослых нельзя не затронуть вопрос о миссионерской литературе – книгах, которые рассчитаны на сомневающуюся, ищущую или воцерковляющуюся аудиторию. По своей функции миссионерская литература должна иметь просветительское начало и, полагаю, должна писаться специалистами – священнослужителями, людьми с богословским или миссионерским образованием. Однако на сайте православного интернет-магазина «Русский Паломник» в разделе «Миссионерская литература» преимущественно представлена художественная литература и мемуары, а собственно миссионерская литература – в значительном меньшинстве. Так, среди авторов – классики русского зарубежья: И.А. Ильин, Б.К. Зайцев, Л.Ю. Пирагис, И.С. Шмелев, В.А. Никифоров-Волгин. Среди авторов современной православной художественной литературы – Н.М. Коняев, И.В. Головкина (Римская-Корсакова), Л.С. Запарина, И.Н. Бганцева, В.Н. Крупин, Ю.Н. Вознесенская, М.М. Кравцова, Е. Янковская, В.В. Лихачев, протоиерей Александр Торик, Е.М. Гурская, протоиерей Андрей Ткачев. Среди них есть и широко известные и популярные авторы, такие как: Ю.Н. Вознесенская, Н.М. Коняев, В.Н. Крупин, А.Б. Торик.

Есть миссионерская литература, направленная против абортов: «Когда ты была во мне точкой... дочка. Рассказы женщин, совершивших аборт» [Когда ты была 2001], Е.В. Живова «Переплывая реку... В защиту жизни нерожденных детей» [Живова 2010]. Миссионерских работ, написанных священнослужителями, представлено не так много: сборник статей священника Николая Успенского «Как спасти душу от вечной гибели» [Как спасти душу 2007], «Письмо к Богу» протоиерея Андрея Ткачёва [Ткачёв 2011], роман «Димон» протоиерея Александра Торика [Торик 2009] и собрание сочинений

протоиерея Валентина Свенцицкого [Свенцицкий 2016] (труды последнего можно отнести к классике русского богословия).

На наш взгляд, в отличие от мемуаров и рассказов-воспоминаний, художественную литературу никак нельзя считать миссионерской, даже если она написана с целью рассказать читателям о православии, так как художественная литература преследует изначально эстетические, развлекательные цели и уже потом назидательные. Конечно, даже из таких книг читатель может узнать о православии, но все-таки художественная литература не совсем подходящий жанр для проповеди.

В связи с этим следует снова вернуться к вопросу о специальной православной литературе, поднятому в статье А. Коскелло. Нужна ли такая литература для взрослых? В настоящее время книги этого типа достаточно популярны в православной среде, и читают их не только ищущие веры и неопиты.

Внимание к такой книге трудно объяснить. Скорее всего, православные читатели просто тянутся в данной литературе чисто из эстетических побуждений, так как они знают, что в этих книгах они не встретят жестокости, сквернословия, эротических сцен. На мой взгляд, чаще всего склонна к чтению такой православной литературы именно женская аудитория, чьи читательские предпочтения до воцерковления ограничивались произведениями А. Марининой, Д. Донцовой, а с приходом в православие такие читательницы хотят получить от книги не только эстетическое удовольствие, но и пользу для души.

Несмотря на то, что к миссионерской литературе часто относят художественную литературу, собственно миссионерской литературой следует считать миссионерские листки, часто издаваемые и распространяемые при храмах и монастырях, а также специальными миссионерскими организациями. В связи с этим можно вспомнить широко известные православные миссионерские листки епископа Александра (Милента), написанные на четырех языках: русском, английском, испанском и португальском, и размещенные на сайте: <http://www.fatheralexander.org/>.

Интересно отметить, что в православном книгоиздании также присутствует литература для незрячих и слабовидящих людей. Она

представлена не столь широко, но уже есть Священное Писание и некоторые духовные книги, набранные алфавитом Брайля. В Интернете существуют также аудиотеки, в которых можно скачивать аудиокниги. Такие книги пользуются популярностью не только среди незрячих и слабовидящих, но и среди православных автомобилистов. Например, жития святых и другую православную литературу в аудиоформате можно скачать или послушать на православном портале «Предание.ру» [Предание.ру 2011].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что сегодня вопрос выделения православной литературы для взрослых и православной литературы для детей в Православной Церкви приобрел особую актуальность. И хотя оба типа литературных произведений вызывают множество нареканий и споров, нельзя отрицать ее необходимость для читательской аудитории. Одной из наболевших проблем современного православного книгоиздания является активная продажа и распространение псевдоправославной литературы, что вызвано желанием книготорговцев и книгоиздателей получить скорейшую прибыль, не заботясь о нравственном и духовном росте читателя. Кроме того, нельзя не отметить то, что художественная литература с православным содержанием часто выдается за собственно миссионерскую, тем самым создается впечатление, что миссионерская литература широко представлена на книжном рынке, однако в действительности читатель оказывается без нужной для него книги.

8. Автор и медийное существование

Любой текст, написанный и изданный, может быть встроен в определенную систему координат, которая задает основные его характеристики и во многом служит его оценкой. Эта система координат определяется тремя фигурами: автором, читателем и издателем. В данном разделе речь пойдет о типах читателей и издателей современных житий.

Для того чтобы выявить непредвзятое читательское мнение о различных житиях, были проанализированы высказывания пользователей сети Интернет на православных форумах, в блогах и «живых журналах» (ЖЖ)²⁷. Однако следует обратить внимание на то, что анализ ресурсов Интернета не дает полной картины читательских предпочтений: из списка исключается значительная читательская аудитория – люди пожилого возраста. Действительно, Интернет – поле деятельности в основном молодых людей, они пишут блоги и ведут ЖЖ, участвуют в обсуждениях на форумах, они также более знакомы с православной литературой различной тематики, чем представители пожилого поколения. В период своего воцерковления молодые люди обычно изучают очень много православной литературы, это связано с тем, что православие для них – новая, незнакомая сторона жизни, в то время как пожилые люди помнят еще веру своих предков, соблюдают православные обряды и традиции так, как их соблюдали родители. Эта читательская аудитория, однако, так же, как и представители молодого поколения, не имеет опыта чтения житий. И пожилые, и молодые одинаково наивны и доверчивы по отношению к письменному слову, поэтому обе читательские аудитории в начале своего религиозного становления могут оказаться под влиянием псевдожитий и житий, имеющих какое-либо ложное, не православное содержание.

Современные жития корнями восходят к двум противоположным литературным традициям – светской и церковной (агиографической), то есть в

²⁷ «Живой Журнал» – русский перевод названия сайта «Live Journal»: «Живой Журнал – это бесплатный сервис для ваших дневников и блогов, с настройками доступа, хранилищем фотографий, инструментами публикации, шаблонами стилей и сообществами, посвященными любым мыслимым интересам». – URL: <http://www.livejournal.ru/> (дата обращения: 11.07.2011).

самих житиях можно видеть отражение и современной литературы, и житийного канона. Так, современный агиограф может цитировать не только Священное Писание или другие жития, но и литературные тексты, известные современному начитанному человеку. В качестве примера можно привести «Жизнеописание преподобного Амфилохия Почаевского», в котором присутствует цитата из Ф. М. Достоевского: «Яков глубоко усвоил, что жизнь есть непрестанная битва, в которой диавол борется с Богом, а поле этой битвы, по слову Достоевского, сердце человеческое» [Преподобный Амфилохий Почаевский 2003: 7]. Известно, что древнерусский книжник цитировал только агиографическую литературу или Писание, и делалось это, по мнению Е.Л. Конявской в расчете на образованного читателя. Она пишет: «...Автор ощущает себя в контексте агиографической литературы, опираясь на хорошо известные ему произведения и рассчитывая, что эти сюжеты известны и его читателям» [Конявская 2000: 140].

В отличие от средневековых житийных текстов, современные жития пишутся с учетом различий читательской аудитории: ее начитанности, воцерковленности и возраста. Современная житийная литература делится на два вида в зависимости от типа читателя: житийная литература для подготовленного читателя и «миссионерские» издания для профанов, или неофитов.

Основная цель чтения и изучения любых житий святых, как классических, так и современных, – это нравственное изменение человека. Конечно, не каждый читатель приступает к чтению житийной литературы именно с этой целью, иногда жития читаются с развлекательной, эстетической или познавательной целью, например, с помощью жития можно узнать о каких-то исторических событиях, связанных с именем святого. Однако чаще всего жития святых читают верующие люди в связи с религиозными причинами (в данном случае проявляется духовно-когнитивная функция жития). Это не означает, что жития – какая-то закрытая литература, предназначенная только для посвященных. Жития святых сейчас можно встретить везде: на прилавках книжных магазинов, как православных, так и светских; в книжных лавках на базаре; на православных ярмарках; в Интернете, где существуют даже православные библиотеки. Отдельные краткие жития публикуются также в

православных и светских журналах и газетах, православных календарях с чтением на каждый день. Житийная литература доступна любому читателю и может попасть в руки даже неверующего человека. Другой вопрос, какого качества будет эта литература.

Существует достаточное широкое понимание термина «православная литература». Так, аспирант учебного центра при ФГБУ РГБ²⁸ Е.Е. Жукова включает в понятие «житие» все книги, связанные с описанием жизни праведного человека. Она пишет:

«В начале девяностых годов издавалось около 50 наименований агиографических изданий в год; к концу десятилетия их насчитывалось уже более 140. С 1990 года появилось большое количество литературы о последнем российском императоре и членах его семьи, ныне канонизированных Русской Православной Церковью (РПЦ). Первоначально это были исторические очерки: дневники и воспоминания приближенных монаршей семьи, в частности, учителя престолонаследника Пьера Жильяра, официальные документы следствия, материалы о последних днях царственных мучеников. Затем были изданы материалы к канонизации, и только после Собора РПЦ 2000 года, на котором новомученики были канонизированы, стали издаваться жития. Этот процесс перехода в современном книгоиздании от историческо-повествовательной формы к житийной литературе характерен для жизнеописаний святых, канонизированных в конце XX – начале XXI века: Федора Ушакова, Иоанна Кронштадтского, Дмитрия Донского, Андрея Рублева, Собора Новомучеников и Исповедников Российских» [Жукова 2005].

Со времен книгопечатания появилось еще одно лицо, влияющее на взаимоотношения писателя и читателя, – издатель. Издательства, выпускающие православную литературу, играют важную роль в том, какую оценку получит та или иная книга у читателя. Так, если книга издается монастырским или православным издательством, к ней, естественно, возникает больше доверия у просвещенных читателей. Для неискушенного читателя достаточно красивого православного оформления книги: иконы, свечи, церкви, кресты,

²⁸ ФГБУ РГБ – федеральное государственное бюджетное учреждение Российская государственная библиотека.

церковнославянский шрифт на обложке – и читатель, покупая такую книгу, считает ее православной, а значит, душеполезной.

Православная литература часто издается в маленьких издательствах при монастырях, храмах, братствах. К сожалению, из-за низкого богословского образования насельников в таких издательствах часто выпускается псевдоправославная литература.

Существуют чисто светские издательства, которые, помимо прочих книг, иногда издают житийные тексты и другую православную литературу. К сожалению, книги религиозной тематики, выпущенные в таких издательствах, чаще можно отнести к неудачным. Воцерковленного православного читателя может насторожить уже само название книг, которые представляют святых как функции, обереги, содержат элементы оккультизма. Например, в издательстве «АСТ» в 2010 году были изданы книги: «Святая блаженная Матрона Московская. Избавит от беды и боли. Поможет в делах и учебе. Сохранит семейное счастье» [Светлова 2010б], «Вам поможет преподобный Сергей Радонежский» [Светлова 2010б], «81 молитва на быструю помощь, которая защитит вас от беды, поможет в несчастье и укажет дорогу к лучшей жизни» [Чуднова 2010]. А серия книг «Откровения Ангелов-Хранителей» [Гарифзянов 2010] того же издательства противоречит каноническому учению Церкви об Ангелах. Имеющему богословское образование человеку достаточно прочесть несколько страниц такой книги, чтобы понять, что в ней речь идет вовсе не о светлых Ангелах, а о противоречащих христианскому учению духах, ангелах (или, как их еще называют в православной литературе, аггелах²⁹), то есть бесах.

Это можно доказать следующими примерами из книги. Во-первых, Любовь Панова, героиня книги, получила дар «ясновидения» после проведения спиритического сеанса, которые были категорически осуждены еще в Ветхом Завете, так как в ходе таких сеансов человек вступает в общение с миром падших духов: «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог

²⁹ Ангел – грамматически искусственный термин для обозначения «злых вестников», или падших ангелов («аггелы сатаны»), в отличие от сохранивших свое первоначальное достоинство светлых «ангелов Божиих». Слова *аггел* и *ангел* пишутся в церковнославянском языке одинаково, но *ангел* имеет над собой титло (знак, обозначающий священные понятия). Аггелы же, ставшие падшими ангелами, утратившие святость, принадлежность к Богу, пишутся без этого знака. – URL: <http://azbyka.ru/aggel.shtml> (дата обращения: 11.07.2011).

твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего» (Второзаконие, 18:9-12).

Во-вторых, духи в этой книге выдают сами себя. На вопрос, как вы выглядите, они ответили: «Никак. Человеческому глазу мы невидимы. Но при желании мы можем принять любой облик» [Панова 2009]. По учению, изложенному в Новом Завете, такой способностью к метаморфозам обладают только падшие духи. Об этом писал апостол Павел: «И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (Второе послание к Коринфянам, 11:14-15).

Рассмотренные примеры показывают, что книги такого качества, выдаваемые за православную литературу, могут нанести только вред читателю – ввести его в заблуждение об учении Церкви.

Чтобы читатель мог хоть как-то ориентироваться в изобилии православной литературы, на сайте «Правкнига: православная книга России» [Правкнига... Книжные издательства 2011] опубликован список книжных издательств, выпускающих православную литературу или книги о православии (в список входят не только российские издательства, но и издательства других стран мира, всего – 1624 издательств) с рейтингом [Правкнига... Рейтинг издательств 2011]. Оценку издательству при этом ставят сами читатели.

Наивысшая оценка «пять» дана здесь трем издательствам – «Алетея», «Древности Севера» и «Онега». Оценка «4,67» дана издательскому центру церкви апостола Иоанна Богослова. Оценка «4,57» дана издательству «Благовест. Москва», хотя за него проголосовало больше всего читателей; на балл ниже получило издательство «Покровского ставропигиального женского монастыря». По «4,5» получили издательства Единецкой и Бричанской епархии и «Библиополис» (ООО).

Читатели также дали отрицательную оценку деятельности некоторых издательств: по единице получили издательство «Благо» (ООО), издательский

дом «Звонница-МГ», издательский дом «Литературная газета» (ОАО), издательство «Медный всадник» (издательство выпускает художественные альбомы, календари и открытки), издательство «Вифлеем», псковское региональное отделение «Литературный фонд России», полиграфиздат «Адыгея» (ОАО), издательский дом «Нева» и др.

Кроме того, на сайте располагается антирейтинг «Позорный столб», в который вошли следующие издательства: «Лепта», «АСТ», «Лубянская площадь», «Яуза», «Христианская инициатива», «Добрые книжки», «Амрита-Русь», «Agey Tomech/WAM (Издательская группа), «Алетейя» (это же издательство получило оценку «пять» в рейтинге издательств), издательский центр «Пролог», издательство «Никея», общество памяти игуменьи Таисии, «Эксмо», издательство сестричества имени святителя Игнатия Ставропольского. Удивительно, что в антирейтинг вошли также такие официальные издательства, как «Издательский Совет Русской Православной Церкви» и «Издательство Московской Патриархии», правда, отрицательная оценка была дана всего одним проголосовавшим, что не дает объективной оценки. Конечно, здесь подразумевается не вся работа этих в основном светских издательств, а именно их работа по изданию православной литературы. Однако антирейтинг помогает увидеть, что читателям не безразлична эта работа, что их заботит качество православной литературы.

Издание православной литературы в настоящее время становится достаточно выгодным бизнесом, в котором даже молодые издательства получают большую прибыль: православные книги расходятся как минимум пяти тысячными тиражами. Так, издательство «Лубянская площадь», появившиеся на книжном рынке России лишь в 2005 году, выпустило книгу для детей греческого писателя Н. Зерваса «Дети против волшебников» (2005), которая тут же стала бестселлером. Книга написана как русский аналог или, скорее, противопоставление известной серии книг Дж. Роулинг о юном волшебнике Гарри Поттере. В этом издательстве вышло еще две книги того же автора: «Греческий огонь» (2007) и «Кадеты Точка ру» (2007). Книги «Дети против волшебников» и «Кадеты Точка ру» попали в антирейтинг сайта «Правкнига». На книгу «Дети против волшебников» существует несколько рецензий, в основном отрицательных. Автор книг оказался вымышленным

лицом, а само название издательства «Лубянка» создает ассоциативные связи с органами госбезопасности.

Похожие антирейтинги существуют и на других православных сайтах и форумах, на которых сами читатели или критики (священнослужители) дают ту или иную оценку православным книгам и предупреждают друг друга об «опасной» литературе. До недавнего времени церковной цензуры не существовало, поэтому на православном книжном рынке появилось большое количество околоправославной литературы, которая нуждается в читательской оценке. Такие рейтинги и антирейтинги очень важны для читательской аудитории, потому что они помогают читателям ориентироваться в огромном потоке православной литературы, помогают понять, какие книги стоит читать, а от чтения каких книг лучше воздержаться. Эти рейтинги важны также и для самих издательств, чтобы они могли работать над своими ошибками, расти и развиваться.

Итак, современные жития рассчитаны как на верующих, так и на неверующих читателей, подготовленных и неопитов. Приведенный анализ рейтинга издательств показывает, что современный читатель относится избирательно к православной литературе, дает ей ту или иную оценку, тем самым влияя на спрос издаваемых книг.

9. Культурные контексты современного жития

9.1. Чудо и оккультизм (язычество)

Описание чудес в современных житиях занимает такое же важное место, как и в древних канонических житиях. Однако описания чудес изменились, если не в количественном значении, то определенным образом в качественном, в отношении к святому и святости. В век потребительства люди стали так же потребительски относиться к Церкви и к святости. Современный верующий рассказывает о чудесах исцеления от болезней (впрочем, так же, как и верующий прошлых времен), а также о помощи в житейских делах: поисках жениха/невесты, работы, квартиры, спасения от пожаров и т. п. В описании болезней часто присутствуют «современные» диагнозы, например, распространены рассказы об исцелении от онкологических заболеваний.

В современные представления о чудесах проникают также суеверия, какие-то народные верования, например, необходимость «скушать цветочек», освященный на мощах святого, выпить «песочек с могилки святого»; представление о специализации святого на какой-то одной болезни, например, этот святой лечит болезни глаза, а вот этот – ноги; распространено также помазывание елеем – маслом – из лампады святого или миром – веществом, чудесным образом образующимся на иконах. Сама традиция помазывания освященным елеем принята в церкви, однако «здесь мы говорим о благочестивом обычае, который не является ни таинством, ибо не установлен Господом Иисусом Христом, ни церковным обрядом, поскольку Святая Церковь не учреждала вышеупомянутого обыкновения» [Иванов 2001].

Думается, что в случае со святым маслом современный верующий часто превозносит целебную силу самого масла, а не святого, который его исцелил. Это некоторым образом подтверждается тем, что в церковных лавках часто можно купить такое масло от лампад различных известных святых.

Существуют также многие другие церковные суеверия и так называемое народное православие, которые проникают в современные житийные тексты. Например, вера в порчу и сглаз; запреты женщинам на макияж и ношение брюк; предписание женщинам всегда носить платок, а также такие модные темы, как принятие/непринятие ИНН, новых паспортов и т. д.

С.В. Прокопьева отмечает: «Даже сегодня, в XXI в., многие старушки называют любую икону словом “боженька”. Иконы расцениваются как отдельный, самоценный объект поклонения, что, конечно, несколько расходится с христианскими нормами» [Прокопьева 2003: 23]. Следовательно, некоторые современные жития в большей степени, чем древние, классические, отражают бытовое, народное православие.

Существует мнение, что по сравнению с началом 1990-х стремление прийти в Церковь и поиск веры ослабли (тогда примерно с конца 1980-х началось массовое крещение людей, которые сами шли в Церковь для этой цели, это явление впоследствии стало называться «Вторым Крещением Руси»). Однако и сейчас российская молодежь продолжает искать Бога, а некоторые нашли Его в Православной Церкви. Есть результаты соцопросов, подтверждающие, что сейчас среди прихожан очень много молодежи, особенно молодых мужчин: «...Православие становится “городской” религией, более “мужской”, “образованной” и “молодой”» [Вигилянский 2009: 63].

В чем причина популярности жанра жития в России и СНГ в течение последних 25 лет?

В начале 1990-х издание таких книг было чисто миссионерским, ведь тогда читатели еще не были знакомы с этим древним жанром, но у них был интерес ко всему новому. Вскоре жанр жития получил популярность, что, возможно, было связано с интересом ко всему мистическому, таинственному, ведь долгие годы (70 лет) этот интерес заменялся атеистической советской идеологией. А когда открылся «железный занавес», в страны бывшего СССР хлынул поток информации с Запада: миссионеры различных религий и религиозных течений со своими проповедями, книгами, подарками. В то же время Православная Церковь также активизировала свою деятельность в восстановлении храмов и монастырей, в проповеди по телевидению (например, проведи священника Александра Меня).

Если посмотреть на первые жития святых, изданные в 1990-х, то видно, что этот интерес к мистическому проявлялся прежде всего в описании многочисленных чудес, невероятных историй из жизни святых – Матроны Московской, старца иеросхимонаха Сампсона (Сиверса). Одновременно с

такими житиями издавались и «строгие» жития, больше похожие на биографии святого.

С развитием книгоиздания, распространением печатных изданий и появлением всё новых и новых авторов-составителей, агиографов, открытием новых разновидностей жанра жития современное житие стало настольной книгой многих современных читателей.

В настоящее время, помимо жанра жития, большую популярность приобрел жанр религиозного романа, например, с 2000-х годов стали популярны книги Ю.Н. Вознесенской, которые называют «христианским (или православным) фэнтези»; к этой же разновидности я бы отнесла книги протоиерея Александра Торика. Нечто среднее между житийным жанром и христианским романом представляет собой книга «Несвятые святые и другие рассказы» архимандрита Тихона (Шевкунова), в 2012 году книга удостоена премии «Книга года» в номинации «Проза года», «в 2012 году книга вошла в список финалистов литературной премии “Большая книга” и победила в читательском голосовании» [Шевкунов 2011]. Книга состоит из отдельных рассказов, которые в то же время объединены общей идеей.

Данная книга стала настолько популярна среди современных читателей, что вскоре была переведена на другие языки – английский, французский, польский, итальянский; осуществляется их перевод на немецкий, румынский, болгарский, испанский, китайский и сербский языки. В издательстве Сретенского монастыря вскоре с похожим оформлением появились другие издания серии: «“Небесный огонь” и другие рассказы» О.А. Николаевой, «“Ведро незабудок” и другие рассказы» А.Н. Богатырева, «“Райские хутора” и другие рассказы» Я.А. Шипова, «“Страна чудес” и другие рассказы» протоиерея Андрея Ткачева, «“Сашина философия” и другие рассказы» протоиерея Алексея Лисняка. Эти шесть книг продаются также в комплекте под названием «Зеленая серия надежды» (2014). Планируется также издание продолжения «Несвятых святых», написанного несколькими авторами.

Нельзя отрицать, что немалую роль в популярности житийного жанра играет также славянский менталитет: большая чувственность, сочувствие калекам и обездоленным, юродивым, людям «не от мира сего». Вероятно, этим можно объяснить всенародную любовь, например, к таким святым, как

блаженная Матрона Московская, которая от рождения была слепой, впоследствии не могла ходить, но в то же время это была женщина сильная духом, пережившая преследования советской власти.

9.2. Соседство Интернета: роль новых СМИ

Что мы наблюдаем в настоящий момент – религиозное возрождение или декаданс? Несомненно, по нашему мнению, возрождение для духовной литературы. Немалую роль в этом возрождении играют также новые СМИ – Интернет.

Вопреки мнению, что Интернет и православие несовместимы, мы наблюдаем обратное. На данный момент существует большое количество различных православных сайтов и даже православная поисковая машина (<http://www.hristianstvo.ru/>). По нашим наблюдениям, одними из самых популярных православных сайтов являются сайт Сретенского монастыря – <http://www.pravoslavie.ru/> и сайт «Православие и мир», нацеленный в большей степени на воцерковляющуюся аудиторию (<http://www.pravmir.ru/>). Эти информационные сайты рассказывают о жизни Церкви в мире, о Поместных Православных Церквях, о спасении, затрагивают важнейшие темы современности, а также рассказывают о православных литературных новинках и о многом другом.

Существуют также электронные православные библиотеки, где можно почитать православные книги (а также послушать аудиокниги), в том числе и новые издания. Например, <http://azbyka.ru/>.

Православный Интернет – это также и Православное телевидение (православные телеканалы «Союз», «Спас», «Глас», «Радость моя», «Музсоюз») и православное радио – «Град Петров», «Радонеж», «Воскресение», «Православное СПб», «Благо», «Берег (Евангелие)», «Радио Вера», «Вера», «Благовещение», «Феофания». Православный Интернет сейчас выполняет важную миссионерскую роль.

Какую роль играет в современном мире житийная литература?

Житийный жанр в современном западном мире не очень распространен, и жития популярны только в религиозной среде; впрочем, есть мнение, что и в России современное житие – это жанр только для узкой религиозной среды.

Однако если на жанр современного жития смотреть в его широком понимании, имея в виду, например, религиозные романы и такие книги, как «Несвятые святые», то следует признать, что этот жанр очень популярен и в России, и странах СНГ, и не только среди верующих. Тираж данных книг подчеркивает их популярность. Так, книга «Несвятые святые» в 2012 году вышла тиражом 300 тысяч экземпляров, а тираж небольшой книги-брошюры 2009 года о Матроне Московской насчитывает 50 тысяч экземпляров. Кроме того, на книгах всегда указывается, какое это по счету издание: в случае с книгой о Матроне – семнадцатое издание, книга «Несвятые святые» была издана в четвертый раз, хотя первое издание вышло сравнительно недавно, в 2012 году.

В католическом мире так же, как и в России, с 1990-х гг. наблюдается некоторый рост интереса к святости. Об этом в своей статье «Виды современной святости» пишет Томмазо Калио (по материалам международной конференции «Христианский текст в культуре» (Перуджа – Рим, 2-5 мая 2005 г.)). Автор говорит о том, что у святых была своя публика, однако «наблюдался растущий и весьма неоднородный спрос на формальное признание святости с расширением географической принадлежности и типологического разнообразия кандидатов, начиная с более широкого представительства мирян, количественного и качественного (качественного в смысле важности для пастырской деятельности и для динамики явлений культа)» [Калио 2011: 623].

В 1991 году на русском языке вышла книга о католических (канонизированных и неканонизированных) святых «Портреты святых» [Сикари 2016], автор которой – Антонио Сикари. В книгу входят также рассказы о некоторых современных католических святых XX века, например, Эдит Штейн и Бенедетта Бьянки Порро.

В наши дни бытует мнение о секуляризации Католической Церкви. Как отмечает Т. Калио, с конца 1940-х гг. Церковь установила альянс со светским издательским рынком, что привело к тому, что агиография должна была «уживаться с другой “житийной литературой”, связанной с царствующими семьями, кино- и спортивными дивами или с другими измерениями чудесного в деятельности всякого рода предсказателей, знахарей и целителей» [Калио 2011: 627].

В России с 1990-х гг. наблюдалось похожее явление, когда церковные книги стали издаваться не только Церковью, но также и светскими издательствами. Это привело к тому, что в светских издательствах, наряду с изданием книг о святых и чудесах, появлялись также книги оккультного характера, о других религиях, например, о буддизме и т. п.

Особую популярность получили издания из серии биографических и художественно-биографических книг «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) – публикации с 1890 г. по 1924 г. и с 1933 г. – по настоящее время, выходящие в издательстве «Молодая гвардия», которые могли в некотором роде заменять культовые издания о святых. В этой серии описывалась также жизнь людей, впоследствии канонизированных Церковью: например, жизнь полководца Ф.Ф. Ушакова, в наши дни причисленного к лику святых.

Секулярность религии на Западе проявилась также в том, что в сентябре 1997 года одновременная кончина двух известных лиц того времени – принцессы Дианы и матери Терезы Калькуттской – вызвала широкое освящение в СМИ и в свою очередь привела к широкому почитанию, поклонению и сакрализации этих двух личностей.

Т. Калибó отмечает также, что «с 1990-х гг. и с особым напором в первые годы нового столетия на итальянское телевидение вторгается все больше фантастики агиографического плана, пользующейся особым вниманием телезрителей» [Там же]. В России также о святых и чудесах всё чаще вещают светские СМИ, например, с 2010 года на российском телеканале ТВ3 вышел цикл документальных фильмов «Святые».

Все это доказывает, что роль СМИ как в западном, католическом мире, так и в православном огромна.

10. Заключение

Заканчивая данное исследование, мы вернемся к тезисам, сформулированным во введении, и увидим, могут ли они быть подтверждены или опровергнуты в результате проделанного нами анализа.

Автор

Тезис: Конкретный автор современного жития – это образованный священник, мужчина.

Первый тезис можно было бы опровергнуть двумя способами.

Во-первых, конкретный автор жития – это не только мужчина, но и женщина. Около четверти анализируемых здесь текстов были написаны женщинами. Это влияет на форму и содержание жития. Новое явление в агиографии – жития, написанные женщинами. Например, «Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны», автор которого – З.В. Жданова. Автор выбирает темы, волнующие женщин, и рассказывает о житии святого с позиции женщины: много говорит о себе, своей судьбе, вводит немало бытовых, житейских рассказов (о том, как ее мать вышла замуж, о войне, бедности, поисках работы, покупке квартиры, колдовстве, порче). Воспоминания З.В. Ждановой указывают на то, что рассказчицей является женщина: происходит заострение на деталях, наблюдается излишний мистицизм, эмоциональность.

В основном конкретные авторы современных житий имеют высшее образование, нередко являются профессиональными писателями или журналистами, широко известны в православной среде. Однако среди них встречаются и совсем неизвестные или мало известные люди, такие авторы часто являются авторами псевдоправославных житий.

Тезис: Конкретный автор современного жития учитывает, как и классические агиографы, лингвистические кодексы, идеологические нормы и эстетические идеи абстрактного читателя.

Был подтвержден тот факт, что автор жития обращается к абстрактному читателю. Абстрактный читатель современных житий – набожный, православный человек, который владеет русским и церковнославянским языком, знает православную этику и культуру, а также житийный канон.

Поэтому этот литературный код доступен и понятен, особенно для православных.

Тезис: В отличие от классического жития, он вводит свое субъективное отношение к тексту.

Конкретный автор дает свою оценку (с положительными или отрицательными коннотациями) историческим реалиям (гонениям на Церковь, обновленчеству, репрессиям, деятельности местоблюстителя Патриарха митрополита Сергия (Страгородского) и др.), историческим персонажам (Сталину, Григорию Распутину, Ивану Грозному и др.). Так как любое житие рассказывает читателю о реальных исторических событиях, они неизбежно проходят через призму авторского сознания, отражают его мнение по этому поводу.

Отношение разных авторов житий к историческим личностям также может быть диаметрально противоположным. Например, в псевдожитиях Т. Гроян Григорий Распутин предстает как «святой», а в других житиях он может фигурировать как отрицательный персонаж.

Тезис: Рассказчик. В современном житии присутствует субъективность рассказчика.

Подтверждение этого тезиса вытекает из только что сказанного: конкретный автор привносит свое отношение в текст с помощью субъективного рассказчика.

Нарратор может проявляться эксплицитно: при помощи личных местоимений и форм глагола первого лица, а также он присутствует имплицитно: в экспрессивной функции языка (например, в оценочных глаголах: «грешная» и «глупая» или через использование топосов).

Читатель

Тезис: Абстрактный читатель: есть современные жития для взрослых, а также для детей, в отличие от канонического жития, которое предназначалось только для взрослых.

Это может быть отчасти распознано по дизайну книг, например, по многочисленным рисункам, а также по упрощённой форме языка. Кроме того, в названиях некоторые жития значатся как «Жития для детей».

Тезис: У современного жития есть фиктивный читатель.

Тезис о фиктивном читателе не мог быть четко подтвержден или опровергнут.

В современном житии фиктивный читатель чаще всего присутствует имплицитно или совсем отсутствует. В некоторых же житиях он проявляется как имплицитно, так и эксплицитно.

Функция

Тезис: В современном житии идеологическая, дидактическая функция уже не так важна, как в каноническом житии.

Этот тезис оказался неправильным. Дидактическая, идеологическая функция по-прежнему фундаментальна. Она содержится почти во всех исследованных современных житиях.

Например, современные жития так же богаты образами святых людей, подвигу которых стоит и нужно подражать. Это, в первую очередь, святые Новомученики и Исповедники Российские, а также святые Зарубежной Церкви и другие подвижники веры нашего времени.

Жанровые варианты и типы жития

Тезис: Современные жития – это живой жанр, поэтому вполне вероятно, что существуют варианты жанра, отсутствующие в каноническом житии.

Этот тезис подтвержден. В современной житийной литературе мы выявили следующие жанры: проложные и пространные жития, житие-летопись, жизнеописание, воспоминания, псевдожития, житие-автобиография, сборники (синаксари, патерики и т. д.).

Интересным примером дальнейшего развития жанровых вариантов является книга Н.А. Павловой «Пасха красная». В дополнение к житиям святых, она также содержит детективное расследование.

Также наблюдается заметное увеличение псевдожитий: имеются в виду как жития псевдосвятых, «несвятых», т. е. не признанных Православной Церковью, так и «жития, написанные плохо или неправильно».

Тезис: Ожидается также дальнейшее развитие типов канонического жития.

Современные жития мы разделили на следующие типы: основной, преобладающий из них – мученичества (маририи), затем – жития юродивых и праведных.

В современных мартириях: Общая житийная фабула чаще всего сохраняется, однако изменились как форма, так и содержание современных мартирий. Изменения по форме: сочетание в себе мученичества и пространного жития. Изменения по содержанию: отсутствие сказочных мотивов, обилие подробностей, деталей биографии, чаще всего орудием мучения является расстрел; часто упоминаются такие новые явления, как «монашество в миру» и «катакомбные церкви». Читатели нередко положительно отзываются о современных мартириях. Из отзывов видно, что новомученики и исповедники российские почитаются в народе. Следует также отметить, что преподобнические и святительские жития, ранее существовавшие как отдельные типы житий, в конце XX – начале XXI столетий по большей части входят в состав житий-мартирий, так как большинство монахов и иерархов приняли мученическую кончину.

В XX веке наблюдается чрезвычайное распространение женского юродства. В основном – это мирянки крестьянского происхождения.

В современных житиях юродивых (и не только в них) гораздо больше, чем в традиционных, говорится о помощи святым людям в их личных, бытовых, семейных проблемах. Ощущается потребность современных верующих людей в постоянной помощи святого, особенно в сложных ситуациях: житейских делах, неурядицах, болезнях, и стремление получить эту помощь.

Типы современных житий праведных разнообразны, они имеют как схожие с классическим житием элементы, так и отличные от него. В современных житиях на первый план выходит чин праведных священников из белого духовенства, в отличие от Древней Руси, когда канонизация этих священников отсутствовала.

В житиях XX-XXI вв. мы также видим святых, исполненных добродетелей странноприимства, нищелюбия и благотворительности, что является основными добродетелями чина праведных.

Общее у этих житий – они все написаны женщинами. В таких житиях больше слов, изображающих чувства, эмоции, психофизиологические состояния, описание быта, семейных обстоятельств, видна излишняя любовь к чудесам и знамениям. Чрезмерная эмоциональность этих текстов также типична для «благочестивого сентиментализма» или «стиля умиления».

Во всех трех житиях праведного Алексея проявляется не только долготерпение и несение жизненных испытаний, но и «исполнение заповедей и любовь к ближнему».

Повествовательный мир краткого жития проникнут только «божественным началом» (в нем нет явной борьбы добра и зла), а в житии-воспоминании присутствуют два царства: царство Бога, и царство сатаны, однако первое – побеждает.

В жизнеописании же «божественное начало» – Бог – присутствует постоянно эксплицитно и имплицитно: как в описании чудес, так и в комментариях, оценках нарратора, который во всем видит Божий промысел. Мир зла, дьявольский мир в жизнеописании показан имплицитно, не через изображение демонов или бесов, а через описание сложного, тяжелого уклада описываемых лет: голода, холода, болезней, войны, воровства; через порицание отца Алексея другими людьми и лжеучения.

Чудеса, мотив слез и праведная кончина отца Алексея присутствуют почти во всех трех житиях и, как и в классическом житии, призваны вызвать умиление у читателя.

Форма и содержание

- Современное житие показывает изменения в форме, языке и стиле.
- Стиль письма современных житий ближе к современной светской литературе, чем в древнерусском каноническом житии.

Цензура и распространение

- Цензура, в контексте канонического жития, также существует при работе с современными житиями.
- Интернет играет важную роль в распространении современного жития.

Список использованной литературы

1. Адрианова-Перетц, В.П. Древнерусская литература и фольклор / В.П. Адрианова-Перетц. – Л.: Наука, 1974. – 171 с.
2. Адрианова-Перетц, В.П. Задачи изучения агиографического стиля Древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. – 1964. – Т. 20. – С. 41-71.
3. Адрианова-Перетц, В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц. – М.-Л.: Наука, 1947. – 188 с.
4. Алдошина, А.Е. Монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова). 1899-1981 гг. Жизнеописание / А.Е. Алдошина, Н.Е. Алдошина // Монахиня Иулиания (М.Н. Соколова). – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – URL: http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=25 (дата обращения: 13.08.2015).
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 911 с. – (Язык. Семиотика. Культура). – Библиогр. в кн. – ISBN 5-7859-0027-0; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=474291> (17.12.2018).
6. Алексеев, С.В. Зримая Истина / С.В. Алексеев. – СПб.: Ладан, Троицкая школа, 2006. – 288 с.
7. Артамонов, В. Праздники на священной бутовской земле. – URL: <http://testan.rusgor.ru/moscow/article/butovo.htm> (дата обращения: 17.03.2011).
8. Архипов, Ю. Осторожно! Манипуляция святостью! (О книге Е. Ерофеевой «Пасхальная память») // Православие.ру / Полемика, 22 марта 2006. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/polemika/5753.htm> (дата обращения: 08.07.2011).
9. Ашукин, Н. Биография / Н. Ашукин // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого и др. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (дата обращения: 13.05.2011).

10. Барсов, Н.В. Жития святых // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. — С.158.
11. Бахтин, М.М. Автор и герой в словесном эстетическом творчестве // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр. / Прим. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. — М.: Искусство, 1979. — 423 с.
12. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — М.: Сов. писатель, 1963. — 167 с.
13. Бахтина, О.Н. Жития старообрядцев XX в. (традиции и новаторство) / О.Н. Бахтина // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Мат. III Междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. — С. 329-331.
14. Бахтина, О.Н. Проблемы поэтики старообрядческой литературы: Агиографические тексты: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. — Томск, 2000. — 422 с.
15. Бегиян, С., священник. Святой «широкого профиля» // Православие.ру. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/64969.html> (дата обращения: 20.01.2016).
16. Берман, Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) / Б.И. Берман // Художественный язык средневековья: Сб. ст.; отв. ред. В.А. Карпушин. — М.: Наука, 1982. — С. 159-182.
17. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с иллюстрациями и приложением. — М.: Российское библейское общество, 2008. — 927 с.
18. Бичевская, Жанна. Песня о святых Царственных Мучениках. Текст. — URL: https://www.tekstowo.pl/piosenka,_1046_1072_1085_1085_1072___1041_1080_1095_1077_1074_1089_1082_1072_1103_,_1055_1077_1089_1085_1103___1086___1057_1074_1103_1090_1099_1093___1062_1072_1088_1089_1090_1074_107.html (дата образования: 17.12.2018).
19. Благовест: дискуссионный клуб. Тема: Сглаз и порча: отношение Церкви, 15.12.2002-27.01.2008. — URL: <http://www.cofe.ru/blagovest/ubb/noncgi/Forum1/HTML/000111-2.html> (дата обращения: 06.04.2015).

20. Бойко, С. С. Книга «Отец Арсений» тип авторства и рама произведения // Новый филологический вестник. 2017. №2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-otets-arseniy-tip-avtorstva-i-rama-proizvedeniya> (дата обращения: 24.05.2019).

21. Бобылев, Б.Г. Восстановление падшего: святоотеческие традиции в современном образовании и просвещении России / Б.Г. Бобылев // Православие и современность: докл. и тез. Свято-Михайловских чтений. 10-20 ноября 2005 г. В 2 ч. Ч. 2. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2005. – С. 23-33.

22. Борев, Ю.Б. Введение. Теория литературы, историзм и современность / Ю.Б. Борев, Я.Е. Эльсберг // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер; ред. колл. Г.Л. Абрамович, Н.К. Гей и др. – М.: АН СССР, 1962. – С. 9-10.

23. Борев, Ю.Б. Художественный образ // Ю.Б. Борев Основные эстетические категории. – М.: Высшая школа, 1960. – 446 с.

24. Бугаева, И.В. Православный социолект: проблемы описания / И.В. Бугаева // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетникова. – 2006. – № 6. – С. 258-262.

25. Буслаев, Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство / Ф.И. Буслаев. – СПб.: Лига Плюс; Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2001. – 351 с.

26. Бычков, С. Два старца Арсения // Русофил: Русская философия, культура, история, 04.07.2017. – URL: <http://russophile.ru/2017/07/04/%D0%B4%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%86%D0%B0-%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 24.05.2019).

27. В России снова стали много читать, – результаты соцопроса // Фома. – 2014. – 3 июня. – URL: <http://foma.ru/v-rossii-snova-stali-mnogo-chitat-rezultaty-i-soczoprosa.html> (дата обращения: 12.07.2015).

28. Валгина, Н.С. Авторская модальность. Образ автора // Н.С. Валгина. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – С. 59-68.

29. Васильев, В.П. История канонизации русских святых / В.П. Васильев. – М.: Университетская тип., 1893. – 256 с.
30. Велимирович, Н. Сербский, святитель. Символы и сигналы. – URL: http://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/simvoly-i-signaly/ (дата обращения: 12.11.2015).
31. Вигилянский, В. Русская Православная Церковь: итоги двадцатилетия религиозной свободы / В. Вигилянский // Двадцать лет религиозной свободы в России; под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 41-69.
32. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 238 с.
33. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
34. Войно-Ясенецкий, Лука Крымский, святитель. Автобиография «Я полюбил страдание». – М.: Приход Святаго Духа сошествия, 2008. – 190 с.
35. Воспоминания о старце Николае Гурьянове. – М.: Ковчег, 2007. – 128 с.
36. Воцерковление слепых и глухонемых детей // Фонд помощи «Детские домики». – URL:http://www.detskiedomiki.ru/?act=society_more&id=21&part_id=59&doc_id=5 (дата обращения: 06.07.2011).
37. Гарифзянов, Р.И. Откровения Ангелов-Хранителей / Р.И. Гарифзянов, Л.И. Панова. – М.: АСТ, 2010. – 224 с.
38. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 3. – М.: Искусство, 1971. – 623 с.
39. Глушко, Е. Автор и читатель средневекового жития 10 – начала 11 века. – URL: http://www.personal.ceu.hu/students/05/Elena_Glushko/vved.doc (дата обращения: 20.10.2015).
40. Голубинский, Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. – 600 с.
41. Горюшина, Р. И. Лексика христианства в русском языке: Системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов:

диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.01. – Волгоград, 2002. – 179 с.

42. Горюшина, Р.И. Именования иерархов христианской Церкви / Р.И. Горюшина // Русская речь. М., 2003. – № 1. – С. 82-86.

43. Гриценко, Д. «Справочник атеиста» вместо Библии // Из жизни старцев (мудрость праведных) или Душеполезное чтение / Составитель Д. Гриценко. – URL: <http://www.pravmir.ru/spravochnik-ateistavmesto-biblii/> (дата обращения: 29.05.2014).

44. Гроян, Т. «Царю Небесному и земному верный» Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий-«Невский»), 1835-1926 / Т. Гроян. – М.: Паломник, 1996. – 704 с.

45. Гроян, Т. Мученик за Христа и за царя. Человек Божий Григорий: Молитвенник за Св. Русь и ее пресветлого отрока / Т. Гроян. – М.: Энцикл. рус. цивилизации, 2001. – 637 с.

46. Гроян, Т. Мученик за Христа и Царя Григорий Новый / Т. Гроян. – URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all_568/topic_10138/ (дата обращения: 13.09.2014).

47. Грудева, Е.В. Женское юродство в Православной Церкви: история и содержание подвига: аттестационная работа. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Факультет дополнительного образования, Кафедра теологии, 2013. – 111 с.

48. Гуляев, Н.А. Теория литературы в связи с проблемами эстетики / Н.А. Гуляев, А.Н. Богданов, Л.Г. Юдкевич. – М.: Высшая школа, 1970. – 380 с.

49. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – URL: <http://slovardalja.net> (дата обращения: 03.12.2012).

50. Данилевский, И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И.Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 387 с.

51. Данилова, А. Почитаем ли мы новомучеников? / А. Данилова, О. Иженякова // Православие и мир. 12.03.2011. – URL: <http://www.pravmir.ru/pochitaem-li-my-novomuchenikov/> (дата обращения: 21.03.2012).

52. Дворкин, А.Л. Царь Иван Грозный, Григорий Распутин и современное сектантство // Библиотека «Халкидон». – URL: <http://halkidon2006.narod.ru/a/215.htm#b17> (дата обращения: 11.07.2011).
53. Девятова, С.С. Блаженные старицы (XX век) / С.С. Девятова. – URL: <http://svet77-77.narod.ru/bl-staric.html> (дата обращения: 27.08.2015).
54. Девятова, С.С. Бог был, есть, и будет. Чудеса из жизни святых и православных подвижников / С.С. Девятова. – М.: Артос-Медиа, 2009а. – 160 с.
55. Девятова, С.С. Великие старцы XX столетия. 115 жизнеописаний, воспоминания современников, поучения, подвиги и чудеса, молитвы / С.С. Девятова. – М.: Артос-Медиа, 2010а. – 667 с.
56. Девятова, С.С. Духовный маяк. Советы православных подвижников / С.С. Девятова. – М.: Артос-Медиа, 2009б. – 320 с.
57. Девятова, С.С. Православные подвижницы двадцатого столетия. 70 жизнеописаний. Воспоминания. Поучения. Подвиги и чудеса. Молитвы / С.С. Девятова. – М.: Артос-Медиа, 2007. – 415 с.
58. Девятова, С.С. Православные старицы XX века / С.С. Девятова. – URL: <http://azbyka.ru/fiction/pravoslavnye-staricyxx-veka/> (дата обращения: 27.08.2016).
59. Девятова, С.С. Святой праведный Алексей Мечёв // С.С. Девятова. Великие старцы двадцатого столетия. 115 жизнеописаний, воспоминания современников, поучения, подвиги и чудеса, молитвы / С.С. Девятова. – М.: Артос-Медиа, 2010б. – С. 215- 216.
60. Девятова, С.С. Тамбовские и Пюхтицкие Духовные Светильники / С.С. Девятова. – М.: Артос-Медиа, 2008. – 144 с.
61. Детям о Блаженной Матронушке / Сост. Н. Коваленко. – Покровский Ставропигиальный женский монастырь, 2002. – 24 с. – URL: <http://mammy-rappy.ru/o-vere-detyam/nravouchitelnie-rasskazi/120-detyam-o-blazhennoy-matronushke.html> (дата обращения: 27.08.2015).
62. Дмитриев, Л.А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII-XV вв. / Л.А. Дмитриев // Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе; отв. ред. Я.С. Лурье. – Л.: Наука, 1970. – 595 с.

63. Дневники святого Николая Японского / Сост. К. Накамура, Е. Накамура, Р. Ясуи, М. Наганава. – Хоккайдо: Изд-во Хоккайдского ун-та, 1994. – 770 с.
64. Добровольский, А. Рассказы о старце Алексее Мечёве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах / А. Добровольский. – М.: Мега-Сервис, 1995. – 94 с.
65. Дорофеева, Л.Г. Современная агиография: постановка проблемы / Л.Г. Дорофеева // Кирилл и Мефодий. Духовное наследие: Мат. Междунар. науч. конф.; под ред. Н.Е. Лихиной, С.В. Свиридова. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2004. – С. 39-56.
66. Дудченко, А., свящ. Православный книжный рынок: беспредел или цензура? / Свящ. А. Дудченко // Богослов.ru: научный богословский портал, 25 декабря 2009 г. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/536248.html> (дата обращения: 26.02.2011).
67. Дурасов, Г.П. Богом данная: Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии / Г.П. Дурасов. – СПб.: Сатисъ, 1998. – 191 с.
68. Емельянов, Н.Е. За Христа пострадавшие в XX веке: кровь мучеников – семя Церкви Праведники / Н.Е. Емельянов // Православие и мир. – 2007. – 28 февраля. – URL: http://www.pravmir.ru/printer_1805.html (дата обращения: 07.04.2011).
69. Емельянова, Л.Н. «Бог говорит избранникам своим...» / Л.Н. Емельянова. – Великие Луки, 2006. – 449 с.
70. Епископ Василий (Родзянко): «Моя судьба». Серия фильмов. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/31942.htm> (дата обращения: 17.10.2012).
71. Жданова, З.В. Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны / Составила и написала З.В. Жданова. – Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. – 126 с.
72. Живов, В.М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов / В.М. Живов. – М.: Гнозис, 1994. – 113 с. – URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/zhivov1/Main.htm> (дата обращения: 08.07.2011).
73. Живова, Е.В. Переплывая реку... В защиту жизни нерожденных детей / Е.В. Живова. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – 128 с.

74. Жизнеописание священномученика о. Сергия Мечёва, составленное его духовными чадами // Надежда. Душеполезное чтение. Выпуск 16. – Базель-М., 1993.

75. Жильяр, П. Император Николай II и его семья: (Петергоф, сент. 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): По личным воспоминаниям П. Жильяра. – Репринт. изд. – М.: Мегapolis, Б. г. 1991. – 243 с.

76. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. – URL: <http://old-russian.chat.ru/12avvak.htm> (дата обращения: 12.11.2015).

77. Житие святого священномученика Иоанна Архиепископа Рижского и Латвийского (Поммера). – URL: <http://pravoslavie.lv/index.php?newid=99&id=175> (дата обращения: 12.11.2015).

78. Житийная литература // Православная энциклопедия. Т. 19. – М.: Православная энциклопедия, 2008. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/182317.html> (дата обращения: 17.12.2018).

79. Жукова, Е.Е. Жития святых в современном православном книгоиздании / Е.Е. Жукова // Междунар. конф. Румянцевские чтения – 2005. – URL: www.rumchten.rsl.ru/assets/files/2006/doc/1134287419.doc (дата обращения: 11.07.2011).

80. Жукова, М.Г. Блаженная старица Матрона / М.Г. Жукова // Русский дом. – № 11. – URL: http://rd.rusk.ru/98/rd11/home11_13.htm (дата обращения: 06.04.2015).

81. Зайцев, А. Сколько православных в России? / А. Зайцев // Православие и мир. Ежедневное интернет-издание о том, как быть православным сегодня. 8 июля 2013. – URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnyx-v-rossii-2/> (дата обращения: 12.07.2015).

82. Заморин, О.В. Последнее интервью Зинаиды Ждановой / О.В. Заморин // Antichrist. – 2008. – 9 марта. – URL: <http://antichrist-oleg.blogspot.com/2008/03/blog-post.html> (дата обращения: 11.07.2011).

83. Иванов, Л. Экспрессивность // Энциклопедия Кругосвет. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/EKSPRESSIVNOST.html?page=0,1 (дата обращения: 08.06.2015).

84. Иванов, П., свящ. Таинство Елея – таинство отходящих от мира сего? / Свящ. П. Иванов // Архангельский Михаил, прот. О тайне святого елея.

Исследование об историческом развитии чинопоследования Елеосвящения. – М.: Синтагма, 2001. – URL: <http://www.taday.ru/text/156681.html> (дата обращения: 29.02.2016).

85. Иванов, С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства / С.А. Иванов. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 448 с.

86. Иванова, А.А. Устное житие св. Артемия Праведного: к проблеме фольклорной интерпретации церковных источников / А.А. Иванова // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 4. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2008. – С. 170-179.

87. Иванова, Н.Д. Образное слово и понятие в «Житии Сергия Радонежского» / Н.Д. Иванова // Литература Древней Руси: Межвуз. сб. научн. тр.; отв. ред. Н.И. Прокофьев. – М.: Изд-во МГПИ, 1988. – С. 31-39.

88. Иванова, Т.А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2004а. – 21 с.

89. Иванова, Т.А. Некоторые языковые особенности православного социолекта (на материале жизнеописаний новопрославленных святых РПЦ) / Т.А. Иванова // Социальные варианты языка – III: Мат. междунар. научн. конф. – Н. Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т, 2004б. – С. 306-308.

90. Игумен Н. Термин «порча» и его синонимы // Игумен Н. Об одном древнем страхе: Кого и как «портят» колдуны. – М.: Даниловский благовестник, 2006. – 144 с. – URL: <http://igumen-n.logoslovo.ru/papers.php?paper=6&page=6> (дата обращения: 28.06.2015).

91. Игумену Дамаскину – 60 лет! // Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников РПЦ», 06.01.2010. – URL: http://www.fond.ru/index.php?menu_id=372&menu_parent_id=0&news_content_id=16 (дата обращения: 07.04.2011).

92. Издательский совет Русской Православной Церкви. Наименование изданий, не рекомендованных к распространению через систему церковной (епархиальной, приходской, монастырской) книжной сети. – URL: http://www.izdatsovet.ru/not_past_catalog/ (дата обращения: 07.03.2016).

93. Издательский совет утвердил положение о рецензировании и экспертной оценке изданий, предназначенных для распространения через

церковную систему реализации издательской продукции // Православие.ru, 28 мая 2010 года. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/35487.htm> (дата обращения: 08.07.2011).

94. Иконы. Фонд Иоанна Чудотворца, Москва. – URL: <http://www.adamovka.ru/icons.html> (дата обращения: 15.12.2015).

95. Ильинская, А.В. «И Свет во тьме светит...» Жизнеописание преподобной Манефы Гомельской / А.В. Ильинская. – М.: Домострой, 2010. – 255 с.

96. Ильинская, А.В. Жены-мироносицы XX века / А.В. Ильинская. – М.: Паломникъ, 2005. – 480 с.

97. Ильинская, А.В. Матушки земли Российской / А.В. Ильинская. – М.: Литературная учеба, 1994. – 145 с.

98. Ильинская, А.В. Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России / А.В. Ильинская. – М.: Палочникъ, 2009. – 619 с.

99. Ильинская, А.В. Тайна старца Феодосия. Сказание о житии и чудесах «Иерусалимского батюшки» – преподобного Феодосия Кавказского / А.В. Ильинская. – М.: Паломникъ, 1997. – 238 с.

100.Ильюнина, Л. О житийном жанре / Л. Ильюнина // Церковный вестник. – 2003. – № 23 (276) (Декабрь). – URL: <http://www.tserkov.info/numbers/reading/?ID=770> (дата обращения: 20.10.2015).

101.Ильяшенко, А., протоиер. О детском чтении. Часть 2 / Протоиер. А. Ильяшенко // Православие и мир. – 2009а. – 15 января. – URL: <http://www.pravmir.ru/o-detskom- chtenii-chast-2/> (дата обращения: 06.07.2011).

102.Ильяшенко, А., протоиер. Что читать детям сегодня? Часть 1 / Протоиер. А. Ильяшенко // Православие и мир. – 2009б. – 14 января. – URL: <http://www.pravmir.ru/chto-chitat- detyam-segodnya-chast-1/> (дата обращения: 06.07.2011).

103.Иникова, С.А. History of the Doukhobors in the archives of Vladimir D. Bonch-Bruevich (1886-1950s): An annot. bibliogr. / By Svetlana A. Inikova; Ed. by Koozma J. Tarassoff; Ill. by Maria O. Inikova. New York etc. : Legas, Cop. 1999, 136 с.

104.Иноземцева, З.П. Жития новомучеников и исповедников как источник знания о человеке России / З.П. Иноземцева // Развитие личности. – 2014. – № 4. – С. 142-162.

105.Истории из житий святых. 08.04.2004 // «Евангелие» христианский портал. – URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t9361.html> (дата обращения: 10.03.2012).

106.Истории из житий святых. Межконфессиональный Христианский форум, 11.07.2004-11.02.2010 // Евангелие: Христианский портал. – URL: <http://www.evangelie.ru/forum/> <http://www.evangelie.ru/forum/t9361.html> (дата обращения: 25.11.2015).

107.Кавинкина, И.Н. Стилистические особенности письменной речи женщин и мужчин / И.Н. Кавинкина // Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка: монография. – Гродно, ГрГУ, 2006. – URL: http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender/4-1-stilisticheskie-osobennosti-pismennoj-rechi-zhenshchin-i-muzhchin.htm (дата обращения: 15.07.2015).

108.Кадлубовский, А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых / А. Кадлубовский. – Варшава, 1902. – 389 с.

109.Казеннова, М.Н. Некоторые особенности бытования житийной литературы: вопрос эволюции жанра / М.Н. Казеннова // Церковь и проблемы современной коммуникации: Сб. ст. по мат. Междунар. науч.-практ. конф. – Н. Новгород: Нижегород. Дух. семинария, 2007. – С. 93-107.

110.Как на самом деле одевались красноармейцы // Молдавские ведомости. 15.03.2013, Источник: fresher.ru. – URL: http://www.vedomosti.md/news/Kak_Na_Samom_Dele_Odevalis_Krasnoarmeitsy_ (дата обращения: 12.11.2015).

111.Как спасти душу от вечной гибели: сборник духовно-нравственных статей / Сост. Н. Успенский. – М.: Неугасимая лампада: Артос-Медиа, 2007. – 447 с.

112.Калио, Т. Виды современной святости / Т. Калио // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации; отв. ред. Т.Р. Руди, С.А. Семячко. Т. II. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011. – С. 622-629.

113.Канонизация святых: Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси / Троице-Сергиева Лавра. – Сергиев Посад, 1988. – 173 с.

114.Карташева, Нина. Новомученики от Царя до крестьянина... // «Чистый образ», 1992 г. Избранное. – URL: <http://pesni.voskres.ru/poems/karta330.htm> (дата обращения: 17.12.2018).

115.Кирилл Патриарх Московский и всея Руси. Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы, 23 декабря 2009 г. // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/969773.html> (дата обращения: 04.07.2011).

116.Клыгин, Д. Житие преподобного Стефана Махрицкого. История текста. Церковноисторическое значение: дис. ... канд. богословия. – М., 2000. – 127 с.

117.Ключевский, В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник // В.О. Ключевский Православие в России. – М.: Мысль, 2000. – С. 5-307.

118.Ключевский, В.О. Сочинения в девяти томах. – М.: Издательство Мысль, 1987. – 432 с.

119.Кнорре, Б. «Опричный мистицизм» в религиозных практиках «царебожничества» (Религиозные практики в современной России): сборник статей / Б. Кнорре; под ред. К. Русселе, А. Агаджанян. – М.: Новое издательство, 2006. – 384 с.

120.Ковалевский, И., свящ. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви: Ист. очерк и жития сих подвижников благочестия / Свящ. И. Ковалевский. – М., 1902. – 307 с.

121.Когда ты была во мне точкой... дочка. Рассказы женщин, совершивших аборт / Автор-сост. О. Ларькина. – Самара: Благовест, 2001. – 176 с.

122.Кологривов, И. иером. Очерки по истории русской святости / Сост. иеромонах Иоанн (Кологривов). – Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. – 413 с.

123.Комментарии к статье «Православные книгоиздатели написали открытое письмо Патриарху» // Правкнига: читателю, автору, издателю,

25.10.10, 20:29 – 19.03.10, 13:31. – URL: <http://pravkniga.ru/news.html?id=7793&p=2> (дата обращения: 04.07.2011).

124.Комментарии к статье свящ. А. Дудченко «Православный книжный рынок: беспредел или цензура?» // Богослов.ru: научный богословский портал, 25 декабря 2009 г. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/536248.html> (дата обращения: 04.07.2011).

125.Кононов, Н., архим. К вопросу о канонизации святых в Русской Церкви. – М., 1903. – 10 с.

126.Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2254> (дата обращения: 20.10.2015).

127.Конявская, Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) / Е.Л. Конявская. – М.: Языки культуры, 2000. – 200 с.

128.Коняев, Н.М. Апостольский колокол. Валаамские столпы веры и духа / Н.М. Коняев. – М.: Благо, 2006. – 336 с.

129.Коняев, Н.М. Облеченный в оружие света. Жизнеописание митрополита Иоанна / Н.М. Коняев. – М.: Ковчег, 2002. – 368 с.

130.Коняев, Н.М. Последние часы жизни митрополита Иоанна / Н.М. Коняев. – М.: Юрженко; Вера, 1997. – 40 с.

131.Коняев, Н.М. Священномученик Вениамин Митрополит Петроградский / Н.М. Коняев. – М.: Благо, 2005. – 320 с.

132.Коняев, Н.М. Устроители Святой Руси / Н.М. Коняев. – М.: Вече, 2009. – 320 с.

133.Кормина, Ж.В. Политические персонажи в современной агиографии: как Матрона Сталина благословляла / Ж.В. Кормина // Антропологический форум. – 2010. – № S12. – С. 1-28.

134.Королева, И.А. Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте: Автореферат диссертации: 10.02.01. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2003. – 28 с.

135.Коскелло, А. Судьба «Чебурашки». О современной православной литературе / А. Коскелло // Вода живая: Санкт-Петербургский церковный

вестник. – 2010. – № 10. – URL: <http://aquaviva.ru/archive/2010/10/793.html> (дата обращения: 06.07.2011).

136. Крысин, Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 1308 с.

137. Крысин, Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка. // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. – С. 135-183.

138. Кульба, А. Цензура: диалог в сумасшедшем доме // Православие и мир. – 2009. – 3 марта. – URL: http://www.pravmir.ru/article_3859.html (дата обращения: 04.07.2011).

139. Культ почитания псевдосвятого отрока Вячеслава Крашенинникова. – URL: <http://www.k-istine.ru/pseudoconfession/pseudoconfession-071.htm> (дата обращения: 30.06.2015).

140. Кураев, А., диак. Об авторстве и историчности «Отца Арсения» // Lifejournal, 2017-12-24. – URL: <https://diak-kuraev.livejournal.com/1869212.html> (дата обращения: 24.05.2019).

141. Кураев, А., диак. Оккультизм в православии / диак. А. Кураев. – М.: Благовест, 1998. – 380 с. – URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/kur3-ap/Main.htm> (дата обращения: 11.07.2011).

142. Кураев, А., диак. «Гарри Поттер» в Церкви: между анафемой и улыбкой / диак. А. Кураев. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=16228&p=1> (дата обращения: 06.07.2011).

143. Кусков, Владимир Владимирович. История древнерусской литературы [Текст]: учебник для филол. спец. ун-тов. / В. В. Кусков. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1982. – 296 с.

144. Кучерская, М.А. Современный патерик. Чтение для впавших в уныние / М.А. Кучерская. – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 320 с.

145. Ланцов, А.С. Современная агиографическая литература: традиции и новаторство / А.С. Ланцов // Духовные начала русского искусства и образования: Мат. Всерос. науч. конф. «Духов. начала рус. искусства и образования» («Никит. Чтения»); сост. А.В. Моторин. – В. Новгород: НовГУ, 2002. – С. 214-220.

146.Лашин, Е. Девять встреч. Воспоминания о старце Николае Гурьянове. – Е. Лашин. – СПб: Сатисъ, 2008. – 96 с.

147.Левицкий, Роман. Русская религиозная лексика в переводческой конфронтации: избранные приемы перевода // Serbian academy of sciences and arts, Department of language and literature the serbian language in the light of current linguistic theory, book 5, Theolinguistic studies of slavic languages / Editors: Jasmina Grković-Major corresponding member of the academy, prof. Ksenija Končarević, phd, Belgrade, 2013. P. 153 — 165. – URL: https://books.googleusercontent.com/books/content?req=AKW5QacMk8h5a9mbMZdl3oJIHT2x-gwS3ZQH-CDe4jeCCSzAfet3urIvPVXJGkQyW2jVL-A1aGi7sQfp5-UiHZPZ2zArinmeXCvNg5SDx9RNDJI42gOw0BjJ-20kjUwGYOUT5Qj1kPXIN0G38WxcVzdp3-5CymPKpQbpO9BsUGpzKH0Su5yOP75WfleIU1TgvRmYQ16QJ8rCmOPiQ2dFs2qbs_OjzIBLaRNEr8SyVHefGBQjGL_gZrGbsVupo3k1XSQtfrkKCC0aalM0iEqbkxc5nBU9TAdilEIV1e8JhS5ICChIH8ZUIQ (дата обращения: 17.12.2018).

148.Левшун, Л.В. Категория жанра средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон / Л.В. Левшун // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2006. – № 4 (26). – С. 115-126. – URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s4_26_9.pdf (дата обращения: 12.07.2015).

149.Лисичкин, В.А. Крестный путь Святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ. – URL: <http://lib.memo.ru/book/2539> (дата обращения: 02.12.2012).

150.Лихачев, Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы / Д.С. Лихачев // Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Наука, 1986. – С. 79-95.

151.Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

152.Лихачев, Д.С. Святая Русь / Д.С. Лихачев // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской (X-XX вв.). – М.: Московский рабочий, 1992. – С. 6-7.

153.Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1970. – 178 с.

154. Лоевская, М.М. Проблемы современной житийной литературы: агиографический кич, визионерство, мифологизация / М.М. Лоевская // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и международные коммуникации. – 2005а. – № 1. – С. 102-117.

155. Лоевская, М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01. – М., 2005б. – 366 с.

156. Лоевская, М.М. Современная житийная литература и «агиографическая пропаганда» / М.М. Лоевская // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и международные коммуникации. – 2005в. – № 3. – С. 134-139.

157. Лоевская, М.М. Структурно-тематические особенности современной житийной литературы / М.М. Лоевская // Всероссийское совещание славистов, посвященное 1150-летию славянской письменности и 110-летию первого Съезда русских славистов. – М.: ПРО100 МЕДИА, 2013. – С. 25-31.

158. Лоевская, М.М. Традиция и ее трансформация в жанре агиографии: На материале старообрядческих житий святых: дис. ... канд. филол. наук: 24.00.04. – М., 1999. – 221 с.

159. Лоевская, М.М. Трансформация агиографического жанра в старообрядческих житиях XVII в. / М.М. Лоевская // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005г. – № 1. – С. 102-117.

160. Лоевская, М.М. Церковный раскол и мученики за веру в русской агиографии XVII и XX веков: учебное пособие по спецкурсу «Тема памяти Новомучеников и Исповедников Российских в преподавании курса русской культуры XX века в высшей школе» / М.М. Лоевская. – М.: Нопаяз, 2009. – 318 с.

161. Любомудров, А. Стрижев Александр Николаевич / А. Любомудров // Большая энциклопедия русского народа. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/strizhev_an.php (дата обращения: 11.07.2011).

162. Макарий Египетский, прп. Беседа пятая // Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. – URL: <http://www.hesychasm.ru/library/makari/besed1.htm> (дата обращения: 13.11.2015).

163. Макаров, Е. Е. СИНАКСАРЬ // Большая российская энциклопедия. Том 30. Москва, 2015. - С. 212.

164.Максимов, М., свящ. Можно ли спешить с канонизацией? / Свящ. М. Максимов // Церковный вестник. 28.01.2004. – URL: <http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/654/> (дата обращения: 27.08.2015).

165.Малинин, И., свящ. К литературной переписке митрополита Филарета и А.С. Пушкина // Свящ. И. Малинин // Православие.Ру. Интернет-журнал – 2006. – 8 июня. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/526.htm> (дата обращения: 02.05.2015).

166.Маркова, Т.Б. Чтение и читатель XXI в. // Т.Б. Маркова. Библиотека в истории культуры. – СПб.: Наука, 2008. – С. 290-309.

167.Маршева, Л.И. «Православный социолект (религиолект)» как способ языковой маргинализации / Л.И. Маршева // Вестник ПСТГУ, III: Филология. – 2010а. – Вып. 2 (20). – С. 74-85.

168.Маршева, Л.И. «Православный социолект»: мифы и реальность / Л.И. Маршева // Сретенский сборник, научные труды преподавателей СДС, Выпуск 1. – М: Сретенская Духовная Семинария, Сретенский ставропигиальный монастырь, 2010б. – С. 380-399.

169.Матрона Московская. Повесть о житии. – М.: Изд. Совет РПЦ, 2002. – URL: <http://www.matrona.ru/book/index.htm> (дата обращения: 29.05.14).

170.Мельник-Боткина, Т.Е. Воспоминания о царской семье / Т.Е. Мельник-Боткина. – М.: Захаров, 2004. –159 с.

171.Менделеева, Д.С. Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 12 / Ин-т мировой литературы РАН; Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. Д. С. Менделеева. – М: Знак, 2005. – 888 с. – (Studia philologica).

172.Мемуары // Литературный энциклопедический словарь, под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Сов. энц., 1987. – С. 216.

173. Мир Вам! Православный портал. – URL: <http://www.mirvam.ru/index.php?showtopic=410> (дата обращения: 19.03.2012).

174.Митров О., свящ. Опыт написания житий святых. Проблема жанра / Свящ. О. Митров // XI Международные Рождественские образовательные чтения. – М.: Булат, 2004. – С. 24-27.

175.Михаил Польский // Библиотека Якова Кротова. – URL: <http://www.krotov.info/spravki/persons/20person/polskiy.html> (дата обращения: 11.07.2011).

176. Молитвослов православной семьи / Сост. А.В. Блинский. – СПб.: Сатисъ, 2005. – 320 с.

177. Мороз, А., свящ. Сила веры и правды / Свящ. А. Мороз // Литературный Петербург. – 1997. – № 2. – URL: <http://litgazeta.dompisatel.ru/> (дата обращения: 11.07.2011).

178. Мороз, А.Б. Народная агиография: источники, сюжеты, нарративные модели: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.09. – М., 2010. – 20 с.

179. Московский батюшка. Воспоминания об о. Алексее Мечёве. – М.: Свято-Данилов монастырь, 1994. – 112 с.

180. Муравьев, А.В. Э.П.Г. Делеэ / А.В. Муравьев // Православная энциклопедия. – Т. 14. – С. 356. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/171638.html> (дата обращения: 07.03.2016).

181. Нарышкин, С. Е., Торкунов, А. В. Великая Победа: Интернет-проект / Под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД, России Российское военно-историческое общество, 2015. – С. 102-105. – URL: https://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/26/5cce2e7f92cefb68d4cd770917fc80ab815cf773.pdf (дата обращения: 11.12.2018).

182. Недавно я прочел... // Отрок.ua. – 2007. – № 7(18). – URL: http://otrokua.ru/sections/art/show/nedavno_ja_prochel.html (дата обращения: 15.12.2015).

183. Николай Коняев // Центр современной литературы и книги. – URL: <http://www.litcenter.spb.su/konyaev.html> (дата обращения: 11.07.2011).

184. Николая, мон. Небесный ангел, пламенный молитвенник земли русской за весь мир. Светлой памяти Старца Николая (Гурьянова) 24.05.1909-24.08.2002 / Мон. Николая. – М.: Русский вестник, 2002. – 52 с.

185. Новейший философский словарь / Ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 1999. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1121/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%90%D0%AF (дата обращения: 25.11.2015).

186. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XXв. – URL:

http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/oem/ans (дата обращения: 08.07.2011).

187. Новые мученики российские: собрания материалов / сост. протопресв. М. Польский. Т. 1. – Jordanville, N. Y.: Holy Trinity monastery, 1949. – 287 с.

188. Новые мученики российские: собрания материалов / сост. протопресв. М. Польский. Т. 2. – Jordanville, N. Y.: Holy Trinity monastery, 1957. – 346 с.

189. О жизни и чудесах блаженной Матроны. Акафист, издание семнадцатое. – М.: Даниловский благовестник, 2009. – 160 с.

190. О литературе по прославлению новомучеников // База данных Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. – URL: <http://www.pstbi.ru/cgi-bin/code.exe/martyrs1.htm?ans> (дата обращения: 13.05.2011).

191. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1972. – 816 с.

192. Окашева, Н.Е. Современное русское юродство: дис. ... маг. религиоведения. – СПбГУ, 2003. (рукопись)

193. Оптиная пустынь. – URL: <https://www.optina.ru/martyrs/> (дата обращения: 13.05.2013).

194. Орловский, Д., архим. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. В 7 кн. Кн. 1. – Тверь: Булат, 1992. – 238 с.

195. Орловский, Д., архим. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1-7. – Тверь: Булат, 1992-2002.

196. Орловский, Д., игум. Во времена гонений юродивые стали миссионерами // Нескучный сад. – 2010 – 25 июня. – URL: <http://www.pravmir.ru/vo-vremena-gonenij-yurodivye-stali-missionerami/> (дата обращения: 27.08.2015).

197. Орловский, Д., игум. Преподобномученик Викентий (Никольский) // Дамаскин (Орловский), игумен. Жития новомучеников и исповедников Оптиной пустыни. – Оптиная пустынь: Введенский ставропигиальный мужской монастырь, 2008. – С. 139-152.

198. Орловский, Д., иером. Жизнеописание святителя Василия, епископа Кинешемского // Святитель Василий епископ Кинешемский (Преображенский). Беседы на Евангелие от Марка. Путь духовной жизни. – Свято-Успенская-Почаевская Лавра: Изд-во Мелиса, 2005. – С. 3-44.

199. Осипов, А.И. Святые как знак исполнения Божия обетования человеку / А.И. Осипов // Дивен Бог во святых своих: (собр. молитвословий святым угодникам Божиим, помогающим верным христианам в различных их нуждах); Сост. О. Шведов. – М.: Изд. Храма во имя Преображения Господня, 1994. – 240 с. – URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/svjatyje-kak-znak-ispolnenija-bozhija-obetovaniya.html> (дата обращения: 13.11.2015).

200. Остров книг. Интернет-магазин. – URL: <http://www.ostrovknig.ru/> (дата обращения: 04.07.2011).

201. От издателей // Симонопетрский, М., иером. Синаксарь: Жития святых Православной Церкви: В 6 т. Т. 1. / Иером. М. Симонопетрский; адаптир. пер. с франц. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. – С. 8.

202. Отец Алексей Мечёв. Воспоминания, проповеди, письма / Ред. Н.А. Струве. – Париж: ИМКА-Пресс, 1989. – 391 с.

203. Отец Арсений. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. – 286 с.

204. Отец Арсений [Текст] / под ред. протоиер. Владимира Воробьева. - Изд. 6-е, испр. - Москва: Эксмо, Изд-во Православного Св.-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2016. - 864 с. (Религия. Рассказы о духовной жизни).

205. Отзовик. Отзыв: Книга "Отец Арсений" — под ред. прот. Владимира Воробьева — Книга от уныния! Замечательная книга о подвиге веры, 05.06.2014. – URL: https://otzovik.com/review_1081850.html (дата обращения: 13.03.2019).

206. Отзовик. Prekrasna, 23.11.2015, 12:11:59. – URL: https://otzovik.com/review_1081850.html (дата обращения: 13.03.2019).

207. Отзывы на первые издания // Серафим Вырицкий: Житие, пророчества, акафист. – М.: Православный Благовестник, 2004. – С. 115-130.

208. Павлова, Н.А. Пасха Красная. О трех оптинских новомучениках, убиенных на Пасху 1993 года / Н.А. Павлова. – М.: Адрес-Пресс, Храм Рождества Пресвятой Богородицы с. Льялово, 2002. – 415 с.

209.Павлова, Нина Александровна // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Павлова,_Нина_Александровна (дата обращения: 12.03.2011).

210.Панич, С.М. Сознательная подмена христианских ценностей идеологическими штампами (на примере современных стилизованных житийных текстов для детей) / С.М. Панич // Междунар. конф. «Эстетика как религиозный фактор в восточном и западном христианстве», 21-24 июня 2004 г., Сустерберг, Нидерланды. – URL: http://portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=126 (дата обращения: 08.07.2011).

211.Панова, Л.И. Откровения Ангелов-Хранителей: Начало / Л.И. Панова, Р.И. Гарифзянов. – М.: АСТ, 2009. – 280 с.

212.Панченко, А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени / А.А. Панченко. – М.: Новое лит. обозрение, 2012. – 448 с.

213.Первушин, М. Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 16–17 / М. Первушин. – М.: Российская академия наук; Институт мировой литературы РАН, 2014. – 1206.

214.Пигин, А.В. Демократическая повесть XVII в. (Повесть о Соломонии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990. – 19 с.

215.Пиккио, Р. Древнерусская литература / Р. Пиккио. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 352 с.

216.Плужников, А., иерей. Ангельская пыль. О культе Славика Чебаркульского / Иерей А. Плужников. – URL: <http://www.k-istine.ru/pseudoconfession/pseudoconfession-121.htm> (дата обращения: 15.12.2015).

217.Плужников, А., свящ. Индекс запрещенных книг / Свящ. А. Плужников. – URL: <http://www.psevdo.net/index.php?go=Pages&in=view&id=53> (дата обращения: 06.07.2012).

218.Плужников, А., свящ. Прогулка по книжным магазинам / Свящ. А. Плужников. – URL:

<http://www.psevdo.net/index.php?go=Pages&in=view&id=75> (дата обращения: 06.07.2011).

219. Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой; отв. ред. А.М. Панченко. – Л.: Наука, 1979. – 348 с.

220. Пожидаев Ф., игумен. Колокол на башне вечевой: Житие и труды священномученика Иоанна (Поммера) / Авт.-сост. Игумен Феофан (Пожидаев). – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005. – 304 с.

221. Полетаев, Л. Жанр жития в русской духовной литературе XIX-XX веков: автореф. дипломной работы. – URL: http://www.spbda.ru/refer/ds_2004_pol.htm (дата обращения: 08.07.2011).

222. Полякова, С.В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды / Пер. С.В. Поляковой. – Л.: Наука, 1972. – С. 3-21.

223. Порченный // Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 29.05.2014).

224. Порядина, М. До 16 и младше: факты и заблуждения о детской литературе / М. Порядина // Нескучный сад. – 2010. – № 1(48); перепечатка: Православие и мир. – 2010. – 17 марта. – URL: <http://www.pravmir.ru/do-16-i-mladshe-fakty-i-zabluzhdeniya-o-detskoj-literature/> (дата обращения: 06.07.2011).

225. Поспелов, Г.Н. К вопросу о поэтических жанрах / Г.Н. Поспелов // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. – 1948. – Вып. 5. – С. 63-105.

226. Правкнига: православная книга России, читателю, автору, издателю. Литературный сайт о книгах. – URL: <http://pravkniga.ru/> (дата обращения: 04.07.2011).

227. Правкнига: читателю, автору, издателю. Книжные издательства. – URL: <http://pravkniga.ru/publics.html> (дата обращения: 11.07.2011).

228. Правкнига: читателю, автору, издателю. Осторожно, обман! – URL: <http://pravkniga.ru/obman.html> (дата обращения: 11.07.2011).

229. Правкнига: читателю, автору, издателю. Рейтинг издательств. – Доступен: <http://pravkniga.ru/reitingizdva.html> (дата обращения: 11.07.2011).

230. Православная литература почтой. Интернет-магазин литературы «Русский Паломник». – URL: <http://www.idrp.ru/buy/> (дата обращения: 04.07.2011).

231. Православная энциклопедия / По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. 49 т. – М.: Православная Энциклопедия, 2000-2018.

232. Православные книгоиздатели написали открытое письмо Патриарху // Правкнига: читателю, автору, издателю, 19 марта 2010. – URL: <http://pravkniga.ru/news.html?id=7793&p=1> (дата обращения: 11.07.2011).

233. Православные миссионерские листки. – URL: <http://pravkniga.ru/news.html?id=7793&p=1> (дата обращения: 11.08.2011).

234. Предание.ру. – URL: <https://predanie.ru/mp3/Zhitiya/slushat/> (дата обращения: 06.07.2011).

235. Преподобный Амфилохий Почаевский. Подвижник благочестия XX столетия святой горы почаевской. – Почаев: Издательство Почаевской Лавры, 2003. – 152 с.

236. Прокопьева, С.В. Языческие верования Псковской земли / С.В. Прокопьева // Псков. – 2003. – № 19. – С. 14-26.

237. ПРОЛОГ // Большая российская энциклопедия. Том 27. Москва, 2015, с 581.

238. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. Свт. Филарет (Дроздов). – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. – 168 с.

239. Проценко, П. Халтура на крови / П. Проценко // Русский журнал – 2003. – 8 июля. – URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/pro/zenko.htm (дата обращения: 15.12.2015).

240. Пруцков, Н. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – 1980. – (История русской литературы в 4-х томах). – Л.: Наука. – 817 с.

241. Ранчин А. М. ЖИТИЕ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016) – URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1983168> (Дата обращения: 14.12.2018).

242. Раба Божия Раиса. Помощь святой Матроны Московской // Благовесть, православная газета, 06.05.2002. – URL:

<http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?heading=34&article=6089> (дата обращения: 06.04.2015).

243. Романов, С. Валентина Чубарова: «Интерес к христианской литературе не падает!» // Вечный Зов. Российская православная газета. – 2013. – № 09-11 (179-181) за сентябрь-ноябрь. – URL: <http://www.vzov.ru/2013/09-11/34.html> (дата обращения: 12.07.2015).

244. Романова, С.Н. «Я слагаю с себя звание и профессию служителя религиозного культа...». Биография иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) по документам российских архивов / С.Н. Романова // Отечественные архивы. – 2005. – № 4. – URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/sivers.shtml> (дата обращения: 25.05.2011).

245. Руди, Т.Р. «Imitatio Angeli» (проблема типологии агиографической топики) / Т.Р. Руди // Русская литература. Наука. – 2003. – № 2. С. 48-59.

246. Руди, Т.Р. Жития праведников / Т.Р. Руди // Православная энциклопедия. Т. 19. – М: Православная энциклопедия, 2008а. – С. 286-345.

247. Руди, Т.Р. Жития святых / Т.Р. Руди // Православная энциклопедия. Т. 19. – М: Православная энциклопедия, 2008б. – С. 283-286.

248. «Руссика». Иллюстрированная энциклопедия. История России. XVI-XVIII вв. – М.: Олма-Пресс Образование, 2004. – 640 с.

249. Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / Ред. С.А. Семячко (отв. ред.), Т.В. Руди. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 789 с.

250. Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Отв. ред. Т.Р. Руди, С.А. Семячко. Т. II. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011. – 640 с.

251. Рыбко, С., иером. О чудесах Божиих / Иером. С. Рыбко // Благодатный Огонь. – 2000. – № 4. – С. 101-104. – URL: http://www.holyfire.org/chudesa_ribko.htm (дата обращения: 08.07.2011).

252. Рыжова, Е.А. Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера / Е.А. Рыжова // Труды отдела древнерусской литературы. – 2007. – Т. 58. – С. 390-442.

253. Сапов, В. Соборность / В. Сапов // Русская философия: словарь. – М.: Республика, 1999. – С. 476-477.

254. Сарычев, В.Д. Учение о Боге Спасителе: Конспект лекций по догматическому богословию. Раздел II. О церкви. Почитание святых. – URL:

<http://lib.eparhiasaratov.ru/books/17s/sarichev/rescuer/34.html> (дата обращения: 17.06.2012).

255.Свенцицкий, В., протоиер. Собрание сочинений. Том 4. Церковь, народ и революция (1910-1917) / Протоиер. В. Свенцицкий. – М.: Новоспасский монастырь, 2016. – 696 с.

256.Свет. – URL: <http://svet77-77.narod.ru> (дата обращения: 17.06.2013).

257.Свет. Блаженная. – URL: <http://www.stihi.ru/2002/03/28-747> (дата обращения: 06.04.2015).

258.Светлова, О.А. Вам поможет преподобный Сергей Радонежский / О.А. Светлова. – М.: АСТ, 2010а. – 128 с.

259.Светлова, О.А. Святая блаженная Матрона Московская. Избавит от беды и боли. Поможет в делах и учебе. Сохранит семейное счастье / О.А. Светлова. – М.: АСТ, 2010б. – 160 с.

260.Светлой памяти Оптинского иеромонаха Василия, иноков Трофима и Феропонта убиенных на Пасху 1993 года (5/18 апреля): Стихи и песни, посвященные оптинским новомученикам. – URL: http://optina1993.narod.ru/stihi_o_novomuch.htm (дата обращения: 18.06.2012).

261.Севастопольское благочиние. Форум. Тема: К вопросу о книжной цензуре (О правилах выбора и чтения православной литературы), 23.10.2009, 19:47 – 22.10.2010, 23:17. – URL: <http://sevpravoslavie.ucoz.net/forum/9-11-1> (дата обращения: 04.07.2011).

262.Серафим Вырицкий: Житие, пророчества, акафист. – М.: Православный Благовестник, 2004. – 144 с.

263.Серебрянский, Н. Древнерусские княжеские жития / Н. Серебрянский. – М., 1915. – URL: http://mirror.rusneb.ru/catalog/000199_000009_003704953/ (дата обращения: 20.03.2016).

264.Сикари, А. Портреты святых / А. Сикари. – URL: http://www.truechristianity.info/library/portrety_svyatykh/portrety_svyatykh.php (дата обращения: 29.02.2016).

265.Симонопетрский, М., иером. Синаксарь: Жития святых Православной Церкви: В 6 т. / Иером. М. Симонопетрский; адаптир. пер. с фр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011.

266.Синаксарь: жития святых православной церкви // Православие.ру. Опубл.: 3 ноября 2011 года. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/49630.htm> (дата обращения: 03.09.2015).

267.Синдаловский, Н.А. Словарь Петербуржца / Н.А. Синдаловский. – СПб.: Норинт, 2003. – 320 с.

268. Слесарев, А.В. Российская Православная Катакомбная Церковь в Белоруссии: история и современность / А.В. Слесарев // «Белорусская Православная Церковь». Минские Духовные Академия и семинария. – URL: <http://minds.by/article/44.html> (дата обращения: 10.03.2012).

269.Слободской, С., прот. Закон Божий / Прот. С. Слободской. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 648 с.

270.Слово: открытый православный форум / Иные религиозные течения / Псевдоправославные учения. Тема: Осторожно, обман! Псевдоправославная литература, 10.06.2009-17.06.2009. – URL: <http://forum-slovo.ru/index.php?topic=4299.0> (дата обращения: 04.07.2011).

271.Смолич, И.К. История Русской Церкви. Книга восьмая. История Русской Церкви 1700-1917. Часть первая / И.К. Смолич. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 798 с.

272.Соколова, И., мон. Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва / Сост. мон. Иулиания. – М.: Храм свт. Митрофана Воронежского, 1992. – 191 с.

273.Спасский, Ф.Г. Русское литургическое творчество (по современным Минеям) / Ф.Г. Спасский. – Париж: YMCA-press, 1951. – 317 с.

274.Старец иеросхимонах Сампсон (Житие Святого Преподобного Сампсона многострадального, исповедника нашего времени. Письма. Воспоминания о нем). – М.: Современник, 1994. – 127 с.

275.Старец протоиерей Алексей Мечёв. Жизнеописание и свидетельства к церковному прославлению. Случаи прозорливости, примеры прижизненных и посмертных чудес, знамений, молитвенной помощи старца. – М.: Храм свт. Николая в Клённиках, 2000. – 79 с.

276.Стрижев, А.Н. Блаженные старицы Дивеевского монастыря / Сост. А.Н. Стрижев. – М.: Паломник, 2003. – 399 с.

- 277.Стрижев, А.Н. Схиигумен Савва. Опыт построения истинного мирозерцания / Сост. А.Н. Стрижев. – М.: Паломникъ, 2004. – 928 с.
- 278.Суеверие.нет. – URL: <http://www.sueverie.net/> (дата обращения: 04.07.2011).
- 279.Сухинина, Н.Е. Святая Матрона Московская. На Таганскую, просить и плакать / Н.Е. Сухинина // Православие и мир. 2 мая 2009. – URL: http://www.pravmir.ru/printer_4116.html (дата обращения: 08.04.2013).
- 280.Сысоев, Д., свящ. Брак с мусульманином / Свящ. Д. Сысоев. – М.: Изд-во храма пророка Даниила на Кантемировской, 2007. – 240 с.
- 281.Сысоев, Д., свящ. Замуж за неверующего? / Свящ. Д. Сысоев. – М.: Христианская книга, 2010. – 34 с.
- 282.Сысоев, Д., свящ. Инструкция для бессмертных или что делать, если Вы все-таки умерли... / Свящ. Д. Сысоев. – М.: Изд-во храма пророка Даниила на Кантемировской, 2009. – 108 с.
- 283.Сысоев, Д., свящ. Почему ты еще не крещен? / Свящ. Д. Сысоев. – Миссионерский центр им. иерея Даниила Сысоева, 2011. – 128 с.
- 284.Тальберг, Н.Д. Святая Русь / Н.Д. Тальберг. – Париж: Долой зло, 1929. – 143 с.
- 285.Ткачѳв, А., протоиер. Все дело в любви / Протоиер. А. Ткачѳв // Отрок.иа. – 2011б. – № 5 (53). – 26 сентября. – URL: http://otrok-ua.ru/sections/art/show/vsjo_delo_v_ljubvi.html (дата обращения: 02.05.2015).
- 286.Ткачѳв, А., протоиер. Из дневников Шмемана: найти свое место / Протоиер. А. Ткачѳв // Православие и мир. 6.08.2011а. – URL: <http://www.pravmir.ru/iz-dnevnikov-shmemana-najti-svoe-mesto/> (дата обращения: 15.03.2012).
- 287.Ткачѳв, А., протоиер. Письмо к Богу / Протоиер. А. Ткачѳв. – М.: Даниловский Благовестник, 2011в. – 400 с.
- 288.Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. Т. 1. Первый век христианства на Руси / В.Н. Топоров. – М.: Гнозис, Языки русской культуры, 1995. – 875 с.
- 289.Торик, А., протоиер. Димон: сказка для детей от 14 до 114 лет / Протоиер А. Торик. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – 237 с.

290. Трофимов, А.А. Святые жены Руси / А.А. Трофимов. – с. Поярково (Моск. обл.): Храм Рождества Пресвятой Богородицы; М.: Энцикл. рос. деревень, 1993. – 229 с. – URL: <http://ksana-k.ru/Book/zheny/> (дата обращения: 02.09.2015).

291. Трубачёв, А., игум. Блаженный / Игум. А. Трубачёв // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Православная энциклопедия, 2002. – С. 352.

292. Трубачев, А., игум. Житийная литература. 3. XVIII – нач. XX в. // Православная энциклопедия. Т. 19. – М.: Православная энциклопедия, 2008. – С. 283-345.

293. Тюттерин, Д. Чему нас учит Карлсон? // Нескучный сад. – 2010. – № 5 (52); перепечатка: Православие и мир. – 2010. – 8 июля. – URL: <http://www.pravmir.ru/chemu-nas-uchit-karlson/> (дата обращения: 06.07.2011).

294. Уваров, А.С. Христианская Символика / А.С. Уваров. – М.: Изд-во Ун-та истории культурсл. ин-т; СПб.: Алетейя, 2001. – URL: <http://www.vekovka.h1.ru/bv/bv23/23uvarov1.htm> (дата обращения: 12.11.2015).

295. Ужанков, А.Н. Восприятие творчества и писательского труда в Древней Руси (Сознание и самосознание древнерусского книжника) / А.Н. Ужанков // Балтийский филологический курьер. – 2005. – № 5. – С. 251-281.

296. Федотов, Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов; пред. Д.С. Лихачева и А.В. Меня, коммент. С.С. Бычкова. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 269 с.

297. Филарет // Большой энциклопедический словарь. Глав. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. – С. 1277.

298. Фомин, С. «Пастырь Добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва / Сост. С. Фомин на основе материалов из личного архива Елены Апушкиной. – М.: Паломник, 1997. – 784 с.

299. Фомин, С. Соль Земли / Сост. С. Фомин на основе материалов из личного архива Елены Апушкиной. – М.: Православный паломник, 1998. – 335 с.

300. Форум миссионерского портала диакона Андрея Кураева. Тема: книга «Отец Арсений», 08.05.2007-01.08.2009. – URL: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=28310.40> (дата обращения: 15.12.2015).
301. Хализев, В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев – М.: Высш. шк., 1999. – 400 с.
302. Холчев, Б., архим. Беседы о молитве Господней: четвертое прошение. – URL: http://www.pravoslavie.by/page_book/chetvertoe-proshenie (дата обращения: 01.12.2015).
303. Цензура (рецензирование книг) Издательского Совета РПЦ. Второе послание к цензору. Спустя четыре года... 20.07.2015. – URL: <http://pravoslavnaaya-proza.ru/cenzura-is#tsenzor2> (дата обращения: 25.10.2018).
304. Черёмухина, С. Православная книга: долгая дорога к читателю / С. Черёмухина // Вода живая: Санкт-Петербургский церковный вестник. – 2009. – № 7. – URL: <http://aquaviva.ru/archive/2009/7/608.html> (дата обращения: 06.07.2011).
305. Черепанова, О.А. Агиографическая традиция и мифологические представления в народной словесности XX века. Лекция 10. – URL: <http://russianlectures.ru/ru/lecture/179/> (дата обращения: 08.06.2015).
306. Чернов, С.З. Рассказы «Жития Сергия Радонежского» о его отрочестве и юности в контекстах устной истории / С.З. Чернов // Преподобный Сергий, «родом ростовец...»: Мат. конф. / Сост. А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. – Ростов, 2014. – С. 34-42.
307. Числа // Словарь символов и знаков. – URL: <http://sigils.ru/symbols/chisla.html> (дата обращения: 08.04.2013).
308. Чичагов, С, архим. Летопись Срафимо-Дивеевского монастыря нижегородской губ. Ардатовскаго уезда съ жизнеописанием основателей ея: преподобного Срафима и схимонахини Александры, урожд. А.С. Мельгуновой. – С.-Петербургъ: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 821 с.
309. Что не стоит читать, смотреть по ТВ, слушать по радио? // Сайт «Иоанн (Душевный лекарь)». – URL: <http://www.ioann.ru/?id=509&partid=3> (дата обращения: 08.07.2011).

310. Чуднова, А. 81 молитва на быструю помощь, которая защитит вас от беды, поможет в несчастье и укажет дорогу к лучшей жизни / А. Чуднова. – М.: АСТ, 2010. – 128 с.

311. Чупринин, С.И. Николай Коняев // С.И. Чупринин. Русская литература сегодня: Новый путеводитель. – М.: Время, 2009. – С. 362-363.

312. Шантаев А., свящ. Святые блаженные-калеки в современной житийной литературе. Рассмотрение основных типологических признаков / Свящ А. Шантаев. – М.: Благо, 2004. – 157 с.

313. Шеваренкова, Ю.М. Русская устная народная легенда в ее жанровых разновидностях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Ижевск, 2002. – 23 с.

314. Шевкунов, Т., архим. «Несвятые святые» и другие рассказы / Архим. Т. Шевкунов. – М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 640 с.

315. Шишкин, И. С. Фальсификация истории Великой Отечественной войны в учебниках и процесс национально-государственного строительства на постсоветском пространстве // Великая Победа: Интернет-проект / Под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД, России Российское военно-историческое общество, 2015. – С. 102-105. – URL: https://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/26/5cce2e7f92cefb68d4cd770917fc80ab815cf773.pdf (дата обращения: 11.12.2018).

316. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

317. Эпштейн, М.Н. Хроника / М.Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь; под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 487.

318. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон; сокр. перев. И.А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1975. – 193-230.

319. Ярмолович, А. «Пастырь добрый» / А. Ярмолович // «Пастырь добрый»: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева; сост. С.В. Фомин. – М.: Паломник, 2007. – С. 415-579.

320.Яхонтов, И.А. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник / И.А. Яхонтов. – Казань: Тип. Унта, 1881. – 377 с.

321.Delehaye H. Die Hagiographischen Legenden. Kempten und München Verlag der Jos. Kosel'schen Buchhandlung, 1907, pp. 111-114.

322.Fernbach Gregor, Hrsg. „Vergesst Gott nicht!“ – Leben und Werk des heiligen Alexander (Schmorell) von München. Edition Hagia. Sophia, Wachtendonk, 2013, 166 p.

323.Kahla E. Life as Exploit: Representations of Twentieth-Century Sainly Women in Russia. Helsinki: Kikimora Publications, 2007, 308 p.

324.Kalniņš Jānis, Pommers Jānis. Rīgas un visas Latvijas Arhibīskaps Jānis (Pommers). Rīga: Labvēsts, 1993, 143 Lapp.

325.Kalniņš J., priest. Svētais Rīgas Jānis. Rīga: Jumava, 2001, 231 lpp.

326.Pratsch, Th. Der hagiographische Topos. Berlin, New York, 2005, 475 p.

327.Sergey Aleynikov. Песня Жуковские новомученики. 10 октября 2017. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ig4SUxRG09s> (дата обращения: 17.12.2018)

328.Weichert, B. «Помолимся побыстрее! Другие тоже хотят». The veneration of Saint Matrona of Moscow, righteous and blessed. Paper presented at conference “Spiritual Spaces of Russian Culture: Meanings of Space, Place and Religion in Russia’s Past and Present”. Gregynog, UK. 11-13 April 2003.

Список сокращений

ВНГ – это каталог греческих агиографических текстов (Bibliotheca Hagiographica Graeca). – URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Bibliotheca_Hagiographica_Graeca (дата обращения: 11.07.2011).

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия.

ГПУ или ГПУ НКВД РСФСР – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, с 06.02.1922 до 02.11.1923, ранее: ВЧК, после: ОГПУ при СНК СССР.

ЖЖ – «Живой Журнал», русский перевод названия сайта «Live Journal».

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР.

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

ПетроЧК – Петроградская Чрезвычайная комиссия.

РПЦ (РОС) – Русская Православная Церковь.

РПЦЗ – Русская Православная Церковь Заграницей.

РФ – Российская Федерация.

Рунет – русскоязычный Интернет, русский Интернет.

СНГ – Содружество Независимых Государств.

СМИ – средства массовой информации.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

СРЛЯ – современный русский литературный язык.

Спб – Санкт-Петербург.

ТОДРЛ – «Труды Отдела древнерусской литературы».

ФГБУ РГБ – федеральное государственное бюджетное учреждение, Российская государственная библиотека.

ФСБ – федеральное бюро расследований.

ЧК – чрезвычайная комиссия.

Глоссарий

Бессребреник – (греч. αναργυρος), разряд святых, особо прославившихся своим бескорытием, отказом от богатства ради своей веры [Живов 1994].

Богословие – слово (учение) Церкви о Боге.

Духóвность – 1) одно из сущностных свойств Бога; 2) особенность духов, отличающая их от плотских существ; 3) причастность человека Духу Святому; 4) мера приближения человека к Богу. Духовность человека по-разному понимается в светском и христианском мире. В первом – она сводится к душевности, нравственности, интеллектуальности, добродетельности, во второй – это понятие выводится за пределы бытия души (психики). Духовные люди, по апостолу Павлу, – «водимые Святым Духом» или, по св. Григорию Паламе, – «новые люди, возрожденные благодатью Всесвятого Духа». (см. <https://azbyka.ru/duxovnost>)

Епитимья – “наказание” в РПЦ для согрешивших, точнее: больше молиться, поститься или совершить определенное количество поклонов.

Русь – это обширный этнокультурный регион в Восточной Европе, историческое название восточнославянских земель. Понятие Русь широко распространено в фольклоре и поэзии — Святая Русь, Русь былинная, Русь-Матушка. В историографии термин *Русь* распространяется на всю территорию Древнерусского государства с момента его основания в 862 году. [см. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Русь>]

Сергианец (человек) и Сергианство (учение) – публицистический термин, под которым чаще всего понимается политика безусловной лояльности руководства Русской Православной Церкви по отношению к советской власти. [см. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сергианство>] Сергианец (человек) – лицо, которое поддерживает митрополита Сергия (Страгородского) и поминает его.

Соборность Церкви – Церковь называется Кафолической (Соборной) потому, что находится по всей вселенной от концов земли до концов ее, что повсеместно и в полноте преподает все то учение, которое должны знать люди, учение о вещах видимых и невидимых, небесных и земных, что весь

род человеческий приводит к истинной вере, начальников и подчиненных, ученых и простых людей, и что повсеместно врачует и исцеляет все роды грехов, совершаемых душой и телом, имеет в себе всякий вид совершенства, являющегося в делах, словах и во всяких духовных дарованиях [Кирилл Иерусалимский “Поучения Огласительные”]

Русский, славянский менталитет – По мнению В. Соловьева, в славянской душе соединились язычество с его мифологизмом, мудрость христианства, рационализм европейского мышления. Прежде всего, славянский менталитет впитал в себя христианские традиции: вера в идеал, духовность, стремление к святости, приоритет моральных ценностей, чувство долга, служение Отечеству, уважение к власти. [...] Так, Н. Бердяев полагал, что русская душа амбивалентна и сочетает в себе славянский, византийско-православный компонент с ордынским, татаро-монгольским. Православие внесло в русский характер женское начало: терпение, смирение, милосердие, отречение от себя и служение обществу, идее, Богу. Ордынское начало породило такие черты русского менталитета, как радикализм, агрессивность, бунтарство, безбожие [А. Л. Айзенштадт “Менталитет русских и белорусов: попытка сравнительного анализа”, Гомель, 2011: 21].

Slavia Orthodoxa (букв. «православная Славия») Slavia Orthodoxa (букв. «православная Славия») — название литературной общности православных южных и восточных славян с IX века до начала Нового времени (у чехов и поляков до XII века). Термин введён в 1958 году итальянским славистом Р. Пиккио, и принят многими современными славистами. Параллельно со Slavia Orthodoxa существовала общность Slavia romana, в которую входили западные и часть южных славян [https://ru.wikipedia.org/wiki/Slavia_Orthodoxa].

плетение словес – это название стиля южно-восточнославянской агиографии XIII–XV вв.

псевдожитие - тоже, что апокрифическое житие, апокриф - “тайный”, “сокровенный”, к ним относятся: “Житие Федора Тирона”, “Житие Никиты”, “Житие Георгия Победоносца”, “Житие Андрея Юродивого” и “Житие Василия Нового”. Под псевдожитием мы понимаем житие

неканонизированного подвижника (реже – канонизированного) включающее в себя лжеправославные, еретические идеи.

Пост – в РПЦ существуют однодневные, многодневные и литургические посты. К многодневным относятся 4 больших поста: Великий пост – перед Пасхой, Петров пост – после Пасхи до 12 июля, Успенский пост – от 14 до 28 августа и Рождественский пост – от 28 ноября до 7 января.

Использованные изображения

Изображение 1. Снос храма
красноармейцами, икона Новорусская
Божия Матерь

Quelle, Источник: О Богомыслии в современной иконе. URL:
<http://internetsobor.org/moskovskaya-patriarkhiya/tserkovnye-novosti/mirovoe-pravoslavie/moskovskaya-patriarkhiya/o-bogomyslii-v-sovremennoj-ikone>.

Изображение 2. Пришествие большевиков в 1917 году

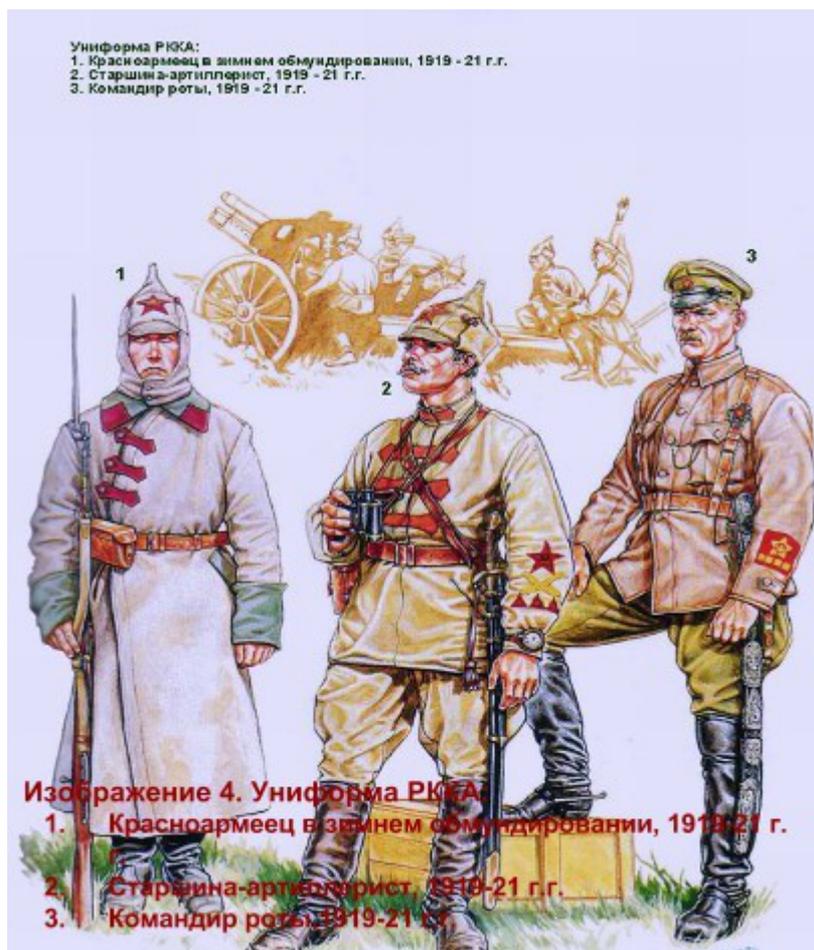
Quelle, Источник: О Богомыслии в современной иконе. URL:
<http://internetsobor.org/moskovskaya-patriarkhiya/tserkovnye-novosti/mirovoe-pravoslavie/moskovskaya-patriarkhiya/o-bogomyslii-v-sovremennoj-ikone>.

Изображение 3. Убиение большевиками княгини Елизаветы Федоровны и других с нею

Quelle, Источник: Святая Елизавета Федоровна – Православная принцесса.

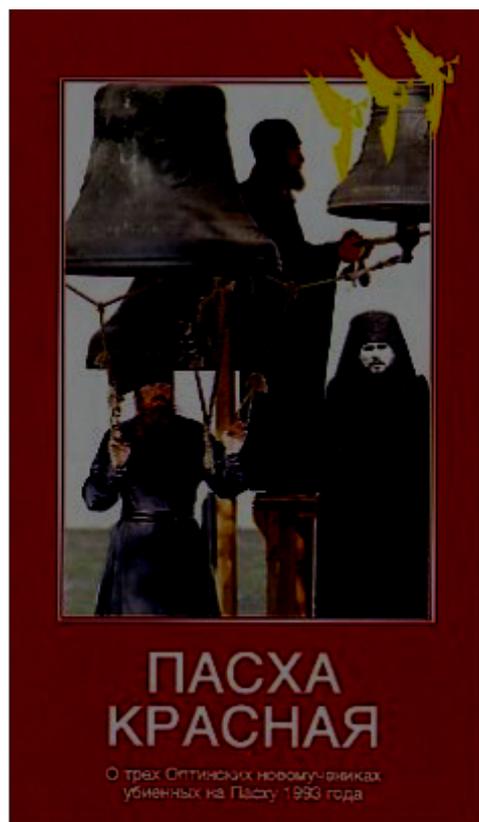
URL: Европы <http://simvol-veri.ru/xp/svyataya-elizaveta-fedorovna-pravoslavnaya-princessa-evropi.html>.

Quelle, Источник: Красные против белых – Гражданская война в России (1918-1922 г.г.). Рисунки Андрея Карашука. URL: <http://tipolog.livejournal.com/12983.html>.

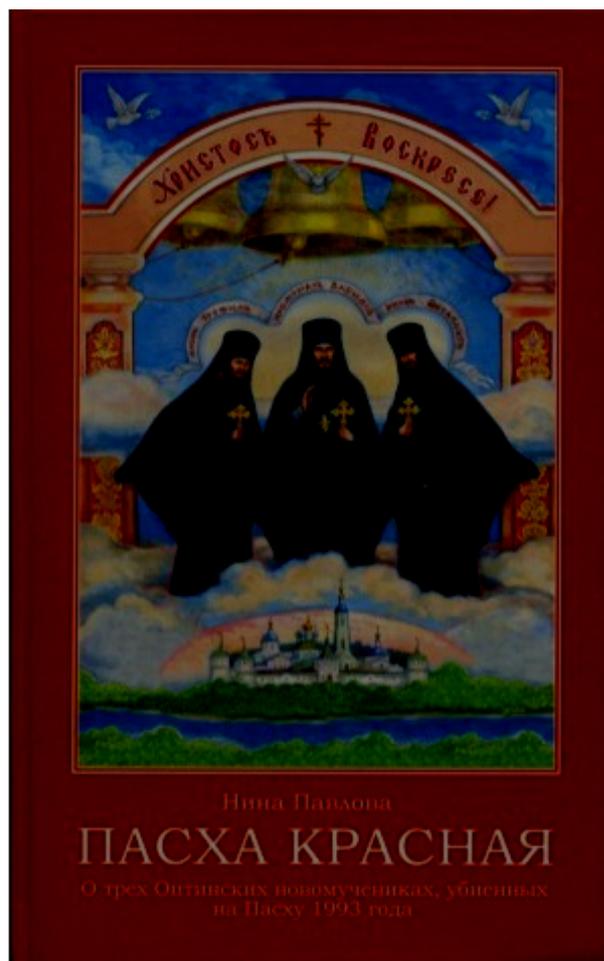

Изображение 5. Святитель Иоанн Чудотворец. Фонд Иоанна Чудотворца, Москва. Quelle, Источник: URL: <http://www.adamovka.ru/icons.html>

Изображение 6. Обложка книги “Пасха красная”

Quelle, Источник: URL: http://ostrov-pravoslav.io.ua/s1005546/pasha_krasnaya-_pavlova_nina_aleksandrovna_chitat_pravoslavnye_knigi_onlayn_s_krupnymi_bukvami.

Изображение 7. Обложка книги “Пасха красная”

Quelle, Источник: URL: http://ostrov-pravoslav.io.ua/s1005546/pasha_krasnaya-pavlova_nina_aleksandrovna_chitatpravoslavnye_knigi_onlayn_s_kрупnymi_bukvami.

Zusammenfassung der Dissertation zum Thema:

Zur Wiedergeburt der Orthodoxie in Russland: Autor und Leser zeitgenössischer russischer Heiligenviten (1988-2015)

Die vorliegende Studie greift mit der Frage nach russischen Heiligenlegenden, die in der Zeit zwischen 1988 und 2015 entstanden sind, ein Thema auf, das in der Forschung bisher nicht behandelt worden ist. Die Fragen nach den konkreten AutorInnen und LeserInnen wurde ebenso wenig gestellt wie die nach Gattungen, nach der Funktion dieser Texte, nach der Zensur und nach weiteren kulturellen Kontexten.

Die Studie will vor allem zeigen, welche Einstellungen AutorInnen und LeserInnen zu diesen aktuellen Vitentexten einnehmen und wie sich die Gegenwart auf die Themen und die Poetik der Texte auswirkt. Dabei geht die Arbeit von einschlägigen Studien zu meist älteren Heiligenviten von Živov, Ključevskij, des Zakon Božij von Slobodskoj u. a. Autoren und Texten aus.

Die Studie konzentriert sich auf Texte, die zwischen 1988 und 2015 entstanden und in russischer Sprache geschrieben sind. Zudem beschränkt sich der Kreis der thematisierten Heiligen auf jene des Moskauer Patriarchats. Das heißt, es geht vor allem um Publikationen zu Märtyrern wie Iegumen Damaskin (Orlovskij), Svetlana Devjatova u. a. Sie sind entweder gedruckt verbreitet oder finden sich auf meist populären Internetseiten.

Da die Vita (russisch „žitie“) bereits eine zentrale Gattung des mittelalterlichen geistlichen Schrifttums ist, wird in der Studie vor allem nach Veränderungen in deren zeitgenössischen Varianten gefragt, wobei Autor und Leser im Vordergrund stehen.

Eine grundlegende Veränderung, die an Beispielen aufgezeigt wird, ist die Tatsache, dass AutorInnen nicht mehr nur Männer, sondern auch Frauen sein können. Von den in dieser Studie behandelten Viten wurden mehr als ein Viertel von Frauen verfasst. Das zeigt Auswirkungen auf Form und Inhalt.

Die AutorInnen von Viten haben in der Regel auch heute eine höhere geistige und geistliche Bildung. Doch im Unterschied zur alten ‚klassischen‘ Vita finden sich heute unter den AutorInnen auch Laien. Ihre Texte müssen mitunter eher als Pseudoviten bezeichnet werden. Der Autor bzw. Erzähler heutiger Viten

orientiert sich sehr häufig an einem impliziten und / oder abstrakten Leser bzw. an Leserinnen, die als orthodox Gläubige vorausgesetzt werden. Bei ihnen wird nicht nur die Kenntnis des Russischen und / oder Altkirchenslavischen vorausgesetzt, sondern auch ein Vorwissen zur Orthodoxie und ihrer Ethik, aber auch die Kenntnis früherer Viten. Poetik und literarischer Kanon zielen also vor allem auf diese Leserschaft ab und sind vor allem dieser zugänglich und verständlich. Heutige AutorInnen schreiben aber verstärkt subjektiv. Sie bewerten etwa historische Vorgänge (z. B. die Verfolgung der Kirche) und historische Figuren (z. B. Ivan Groznyj, Grigorij Rasputin oder auch Stalin) recht klar und eindeutig. Dabei können unterschiedliche AutorInnen, etwa im Falle Rasputins, durchaus auch entgegengesetzte Haltungen einnehmen.

Diese recht subjektiv ausgerichteten Erzähler können sowohl implizit im Text erscheinen, indem sie expressive Wertungen, etwa Sündhaftigkeit des Verhaltens, vertreten. Sie können aber auch als reale Figuren in Erscheinung treten. Fiktive Leser sind dagegen meist nur implizit präsent, nur selten auch explizit.

Eine Gattungsvariante stellen Viten für Kinder dar. Sie werden formal wie Kinderbücher gestaltet, das heißt dass sie mit Bildern ausgestattet werden. Aber auch ihre Sprache ist eine einfache, kindgemäße. Mitunter werden diese Texte schon im Titel als „Viten für Kinder“ ausgewiesen.

Um welche Gattungsvariante es sich auch handelt, entscheidend ist und bleibt die Dominanz der ideologisch-didaktischen Funktion. Sie kennzeichnet alle Vitentexte. Gerade viele zeitgenössische Heilige sollen als Modelle zur Nachahmung dienen.

Anders als in der klassischen Vita mit relativ starren Regeln sind die Gattungsvarianten der modernen Vita zahlreich. Denn es gibt auch Kurzviten, Chronik-Viten, bloße Lebensbeschreibungen auch von Heiligen, Erinnerungen, Pseudoviten, Autobiografien und reihende Vitensammlungen. Eine ungewöhnliche Gattungsvariante bildet Nina Pavlovas „Pascha krasnaja“ („Rotes Ostern“), das neben Lebensbeschreibungen auch Detektivgeschichten enthält.

Vorherrschend aber sind Viten von Märtyrern. Quantitativ folgen darauf Viten von ‚Narren in Christo‘ („jurodivye“) und Viten von ‚Gerechten‘. Dennoch haben sich auch diese Gattungsvarianten verändert. Märchenhafte Motive fehlen in modernen Märtyrerviten. Dafür sind sie durch eine Fülle biografischer Details und

thematischer Neuerungen, etwa Tod durch Erschießen, gekennzeichnet. Bei den Viten zu ‚Narren in Christo‘ ist die große Zahl der weiblichen Viten besonders auffällig. Damit einher geht eine deutliche thematische Verschiebung hin zu Themen des (privaten) Alltags wie etwa Familie. Bei den Viten der Gerechten werden häufig gerechte Priester dargestellt, die dem weißen Klerus angehören.

Zeitgenössische Viten werden entweder – klassisch – schriftlich tradiert oder auch mündlich. Manche der Viten werden zuerst mündlich überliefert, ehe sie schriftlich fixiert werden. Vermutlich hat es dies auch schon bei der ‚klassischen‘ Vita gegeben. Doch weichen die zeitgenössischen Texte grundlegend in ihrer Sprache ab. Es handelt sich dabei oft um aktuelle orthodoxe Soziolekte, aber auch um Neologismen aus der Sowjetzeit.

Sprache und Stil haben ihre frühere Homogenität eingebüßt, da das auktoriale Individuum sich auch sprachlich und stilistisch stärker zur Geltung bringt. Das gilt ganz besonders auch für Autorinnen, deren Stil und Themen. Emotionale Themen, familiäre Fragen und der Lebensalltag werden von Autorinnen ebenso stärker aufgegriffen wie sie auch Wunder und Prophezeiungen thematisieren.

In allen modernen Viten zeichnet sich aber auch eine biografistische Transformation der Vita ab: So werden exakte Lebensdaten von Heiligen angeführt, Ereignisse werden datiert. Die Vita nähert sich der Biografie an. Damit wird die Unbestimmtheit, das vom realen Leben Abstrahierende der klassischen Vita, zurückgedrängt. Die zahlreichen Zitate aus Briefen oder Erinnerungen, aus Zeitungen und Zeitschriften, aber auch aus Werken von Heiligen erhöhen den dokumentarisch-historischen Charakter der Texte. Das Internet als Medium der Verbreitung heutiger Viten trägt ein Übriges zu deren grundlegender Transformation bei.

Inhaltsverzeichnis

0. Einleitung	3
0.1. Forschungsstand	3
0.2. Theorie und Methodik	5
0.3. Fragen und Thesen	8
1. Kanonische Altrussische Viten	11
1.1. Forschungsgeschichte von Altrussischen Viten	11
1.2. Poetik von Altrussischen Viten	13
2. Zeitgenössische Viten	21
2.1. Spezifik der Gattung und Forschungsstand	21
2.2. Gattungsvarianten des zeitgenössischen Vita	35
2.2.1. Kürzere Heiligenvita und Längere Heiligenvita	40
2.2.2. Vita-Chronik	42
2.2.3. Lebensbeschreibungen (Heiligenvita, Legende)	46
2.2.4. Erinnerungen	47
2.2.5. Pseudoviten	49
2.2.6. Vita-Autobiographie	51
2.2.7. Sammlung (Synaxarion, Paterikon usw.)	55
2.3. Typen zeitgenössischer Viten	59
2.3.1. Märtyrerviten	59
2.3.2. Viten der Narren in Christo (selig)	77
2.3.3. Viten vom Gerechten	95
3. Poetik der zeitgenössischen Viten: Erzähler, Leser, Narrateur usw.	129
3.1. Der abstrakte Leser und der abstrakte Autor der zeitgenössischen Heiligenviten	129
3.2. Der fiktive Leser der zeitgenössischen Heiligenviten	148
3.3. Subjektivität des Erzählers	151
3.4. Neue Intertextualität (Zitat von Publizistik)	151
3.5. Dokumentarismus und Materialität: Die Sprache der Fakten	153
3.6. Mündliche oder schriftliche Form der zeitgenössischen Viten	155
3.7. Orthodoxe Soziolekt und sowjetische Sprache	156
3.8. Neue stilistische Heterogenität	165
4. Funktionen der zeitgenössischen Viten	174
4.1. Einflößende/Ideologische (Propaganda) Funktion	174
4.2. Religiöse Funktion	174
4.3. Missionarische Funktion	175
4.4. Kognitive, pädagogische und ästhetische Funktionen	176
4.5. Unterhaltungsfunktion	184
5. Konkrete Autoren der zeitgenössischen Viten	186
6. Kirche und liturgisch-theologische Relevanz (Zensur u.a.)	198
7. Konkrete Rezeption (Erwachsene und Kinder)	206
8. Urheber und mediale Existenz	214
9. Kulturelle Kontexte der zeitgenössischen Heiligenviten	221

9.1. Wunder und Okkultismus (Heidentum)	221
9.2. Internetchats: die Rolle der neuen Medien	224
8. Fazit	227
Literaturverzeichnis	232
Abkürzungsverzeichnis	263
Glossar	264
Bilder	267
Zusammenfassung der Dissertation	274